I. М. Кулишер.

ОЧЕРК
ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ПЕТРОГРАД
Издание К.-О. Петрогубпрофсовета
1922

Типография К.-О. Петрогубпрофсовета. Зак. № 193.

Петроград. Р. В. Ц. №·98. 3000 экз.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общий характер хозяйства в древней Руси.

От охоты к скотоводству, от скотоводства к земледелию. Так изображали до недавнего времени первые этапы в хозяйственном развитии человечества, в истории цивилизации вообще. Более близкий анализ периодов экономической эволюции показал следующее. Охота могла быть преобладающим занятием населения в первую эпоху. Борьба как с другими людьми, с соседними племенами, так и с животными составляла первоначальную деятельность человека. Зубы и челюсти уже доисторического человека были в равной мере приспособлены как для растительной, так и для животной пищи. Она состояла, очевидно, из дико растущих ягод и плодов и из мяса убитых зверей. Наконец, понятие мяса и понятие пищи на многих языках совпадают—мясо принадлежит к древнейшей пище.

Но дальше периодизация уже не идет столь же гладко. Она обрывается, так что в сущности никакого перехода от одного периода к другому не получается. Именно, если исходить из охотничьего образа жизни в качестве первой стадии, то вторая в виде скотоводства уже оказывается немыслимой Охотник враг животных, он их ловит и уничтожает. Пастух друг их, который их бережет и охраняет. Мыслим ли столь резкий переход в общественной психике, такое превращение охотника в пастуха? И не следует ли, напротив, предположить что народы-охотники не стали скотоводами, а скотоводы-кочевники никогда не были охотниками?

Выяснилось далее, что земледелие отнюдь не составляет высшей ступени, по сравнению со скотоводством. Те исходные точки, на которых было построено это предположение, не подтвердились. Земледелие вовсе не являлось по необходимости оседлым, в противоположность кочевому, и поэтому бо-

лее первобытному, скотоводству. Обнаружились факты широкого распространения кочевого земледелия в наиболее раннюю эпоху и значительной подвижности земледельцев и в последующие периоды. Далее, лишь высшая форма земледелия, производимая при помощи плуга и скота, предполагает предварительное распространение скотоводства. Но земледелие появляется уже в самые ранние времена—одновременно с охотой—в виде разрывания почвы при помощи крючковатой палки, лопаты или мотыги. От выкапывания из земли ягод и плодов совершается непосредственный переход к закапыванию их в землю. Первоначально это делалось для сохранения; позже, когда забытые в земле плоды стали сами выдвигаться наружу, обращать на себя внимание тем, что они давали ростки,—разрыхление почвы и помещение в них зерен стало производиться уже намеренно, для получения плодов.

Таким образом вся последовательность в развитии периодов хозяйственной жизни оказалась подорванной. Опыт показал, что есть народы, которые одновременно с охотой занимаются и земледелием в ранней форме его и затем становятся народами земледельческими, никогда не знавшими скотоводства, как это было с племенами Америки и Австралии—скотоводство у них позднего, европейского происхождения. С другой стороны, кочевники Средней Азии на ряду с слабым развитием земледелия всегда занимались усердным разведением скота. В Западной Европе скотоводство всегда играло существенную роль, но одновременно с ним уже рано появилось и постепенно вытеснило его земледелие.

Как обстояло дело со славянскими племенами, населявшими восточную равнину? Исследователи (Ключевский, Милюков, Довнар-Запольский, Рожков, Катаев) на первое место выдвигают звероловство и бортничество (пчеловодство) в качестве наиболее ранних промыслов. «Восточные славяне заняли преимущественно лесную полосу равнины... Началась усиленная эксплоатация леса, продолжавшаяся целые века и положившая глубокий отпечаток на хозяйственный и общественный быт и даже национальный характер русского народа. Лесной зверолов и бортник—самый ранний тип, явственно обозначившийся в истории русского народного хозяйства» [1]). Эта разработка естественных богатств находилась в связи с торговым движением—меха, мед, воск являлись главными статьями русского вывоза, питая то торговое движение, кото-

[1]) Ключевский. Курс русской истории. I. 145.

рое шло по Днепру, по этой «столбовой торговой дороге для западной полосы равнины».

Характерно сообщение начальной летописи: «Древляне живяху звериньским образом... ядяху вся нечисто... И Радимичи и Вятичи и Север один обычай имаху: живяху в лесе, якоже всякий зверь» [1]). Не менее яркая картина получается, если иметь в виду, что «Владимир Мономах, этот живой идеал древне-русского князя, в своем знаменитом «Поучении» на ряду с военными подвигами и делами управления ставит свою охотничью удаль и охотничьи удачи и упоминает о ловчих, соколах и ястребах как важной статье княжеского хозяйства» [2]). «Тура мя два метала—рассказывает Мономах—на розех с конем, олень мя один бол, а два лоси—один ногами топтал, а другой рогами бил, вепрь ми на бедре мечь отнял, медведь мя у колена подклада укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедры и конь со мною поверже». Из этого видно, что в лесах Черниговской области водились в XII ст. дикие быки, олени, лоси, кабаны, волки и медведи, водились и дикие кони: «конь диких своима рукама связал есмь в пущах 10 и 20 живых конь».

За ущерб, наносимый ловле пушных зверей («бобровым гонам»), соколиной и ястребиной охоте и пчелиным ульям (бортным ухожьям) «Русская Правда» налагает высокие наказания как в пользу собственника, так и в кассу князя («продажа»). «Аще кто украдет бобр, то 12 гривен продажи» [3])—столько же, сколько за убийство холопа. Та же сумма «оже межоу перетнеть бортную» (ст. 83), т. е. часть леса, предназначенную для пчеловодства, «оже борть подломить» (ст. 86), «оже пчелы выдереть» (ст. 87). «Аще кто украдеть в чеем перевесе чии пес, или ястреб, или сокол, то 3 гривны продажи, а господину гривну». (ст. 93).

Еще в первой половине XIV ст. Михалон Литвин писал, что (в Западной Руси) «зверей такое множество в лесах, что дикие быки, дикие ослы и олени убиваются только ради кожи... на берегах водится множество бобров», масса и диких гусей, журавлей, лебедей [4]).

Бобровые гоны, бортные ухожья, как и «рыбные езы» (рыбные ловитвы—ловли) принадлежали князьям, как и мо-

---

[1]) Летопись по Лаврентьевскому списку, 9.

[2]) Рожков. Обзор рус. истории. I. 2 изд. 17.

[3]) Русская Правда по Карамзинск. списку, ст. 81.

[4]) Аристов. Промышл. древней Руси, 6.

настырям. В соглашениях с Новгородом князья выговаривали себе право посылать свои ватаги к Белому морю и Северному океану на Терскую и Печерскую сторону за рыбою, зверьем и птицею («ходити трем ватагам моим на море»). В особенности монастыри предпочитали строить в местностях, изобилующих рыбой («место убо мало и кругло, но зело красно, всюду яко стеною окружено водами»), так как потребление мяса было запрещено. Поэтому-то князья считали своей обязанностью наделять их водами. Еще о Владимире св. говорится, что он пожаловал духовенству «земли, борти, озера, реки, волости со всеми прибытки».

Только к XVII веку упоминания о поселениях бортников и бобровников становятся редкими, новые поселки этого рода в московском центре совсем перестают возникать. «Владельцы старых бобровых гонов, рыбных ловель и бортного леса расчищали теперь лес под пашню, ставили новые починки, и старые зоолого-экономические поселения превращались в «пашенные села»... В средине XVI века юг Киевской губ., вся Полтавская, почти вся Курская и Воронежская представляют такую полосу бобровых гонов, рыбных и звериных ловель... К средине XVII века эти местности уже заселены земледельческим населением»[1]).

В центре этот переход к земледелию совершился, повидимому, уже несколько раньше, в течение XVI века. «Куда бы мы ни взглянули,—обратились ли бы мы к так наз. писцовым книгам... или к разнообразным поземельным актам... отовсюду мы вынесли бы впечатление, что пахотная земля являлась главной статьей хозяйства в то время, что она доставляла наибольший доход, что хлеб и другие продукты земледелия составляли основную часть всех доходов с земли, что прочие угодья представляли собой только дополнение, привесок к пашне. Характерно, напр., что при продаже и залоге имения цена его определялась сообразно размерам пашни—только»[2]).

Таким образом добывающие промыслы—охота, пчеловодство, рыбная ловля—лишь постепенно уступили место обработке земли. Славяне земледельцами первоначально не были. Это не значит, что они не возделывали землю. В древлянских курганах, относящихся к X веку, найдены экземпляры серпов и обугленные зерна хлебных растений. Ольга говорит древлянам (946 г.): «вси гради ваши предашася мне, и ялися по

---

[1]) Милюков. Очерки по ист. рус. культуры, 1. 6 изд., 72—73.

[2]) Рожков. Народное хозяйство России в XVI в. (Книга для чтен. по ист. нов. врем. I. 388).

дань, и делають нивы своя, а вы хочете измерети гладом» [1]). Под 997 г. читаем слова старца в Белгороде, осажденном печенегами: «сберете аче и по горсти овса, или пшенице, ли отрубей» [2]).

Так что земледелие было известно славянам уже в древнейшие времена и весьма возможно, что «очага земледельческой славянской культуры мы должны искать на юге,—скорее всего на Украине, близко к степи, далеко от холодящих воздух лесов и болот севера» [3]). Но из этого, с другой стороны, еще нельзя делать вывода, что «основой древне-славянского хозяйства было земледелие», хотя бы даже ручное. Именно основой оно, по всем видимостям, не было. Ибо «существование земледелия и его господство не одно и то же».

Лишь постепенно крестьянин со своими нехитрыми орудиями —топором, косою, сохой—пробирался по лесам, расчищая почву, выжигая кустарник, завоевывая непроходимые пространства. В XII ст. он уже пашет, в Киевской области сохою на лошади: «оже на весну начнет смерд тот орати лошадью тою, и приехав половчин... поймет лошадь». Не раньше XI-XII ст. Ключевский находит и признаки частной собственности на землю—эксплоатацию земли, при которой сажалась челядь на землю, появление боярской вотчины.

Наиболее медленно и наиболее поздно пашня распространилась на великорусском севере, в верхне-волжской Руси, где поселенец лишь с трудом среди моря лесов и болот отыскивал редкие сухие островки и принимался за выжигание леса, выкорчевыванье пней, под'ем целины. Крестьянин пахал немного, несмотря на обилие незанятой земли, не свыше необходимой потребности, слишком трудна была работа. При том «тамошние приемы обработки земли сообщали подвижной, неусидчивый, кочевой характер этому хлебопашеству. Выжигая лес на нови, крестьянин сообщал суглинку усиленное плодородие... Но то было насильственное и скоропреходящее плодородие». Вскоре почва совершенно истощалась, и крестьянин должен был покидать ее на продолжительный отдых, запускать перелог. Тогда он переносил свой двор на другое, часто отдаленное место, поднимал другую новь, ставил новый «починок на лесе». Так эксплоатируя землю, великорусский крестьянин передвигался с места на место и все в одну сторону, по направлению на северо-восток, пока не дошел до

---

[1]) Летопись по Лаврент. списку, 32.

[2]) Там же, 87.

[3]) Покровский. Очерк ист. рус. культуры, I. изд. 2, стр. 45.

естественных границ русской равнины, до Урала и Белого моря» [1]).

Русское народное хозяйство принадлежит таким образом как будто к числу тех немногих, которые развивались по схеме, когда-то считавшейся общеобязательной, якобы существовавшей у всех народов. Но это так кажется только на первый взгляд. Между звероловством и рыбными промыслами, с одной стороны, и земледелием, с другой, по этой схеме должно еще стоять скотоводство. Только за кочевым скотоводством следует оседлое земледелие. Но именно на Руси, независимо от продолжительного господства подвижной, переходящей с места на место пашни, мы этой промежуточной стадии разведения скота и потребления молочной пищи не находим.

В то время, как древние германцы и галлы первоначально кормились своими стадами—их молоком, сыром и маслом, как и убиваемыми на охоте животными, и стада у них достигали крупных размеров, относительно древней Руси этого, повидимому, нельзя утверждать. Правы, как кажется, те авторы, которые исходят из незначительного развития скотоводства у древних славян (Аристов, Покровский, отчасти Довнар-Запольский). Но если бы даже более справедливыми оказались взгляды тех, кто придает гораздо большее значение разведению скота в эту эпоху, то все же получилось бы лишь дополнение к звероловству и бортничеству, как и к зачаткам земледелия, но отнюдь не самостоятельный период преобладающего скотоводства в качестве основного средства пропитания.

В «Русской Правде» фигурирует много скота разного рода. «Аще кто оукрадет скот на поле, или овци, или козы, или свиньи» [2]). «А за кобылу 60 кун, а за вол гривна, а за корову 40 коун... а за свинью 5 коун, а за порося ногата... а за жеребя 6 ногат, а за коровье млеко 6 ногат» (ст. 42); «коровье млеко» ценится высоко, так же, как жеребец, очевидно, в силу своей редкости. Скот означает деньги, серебро, богатство, скотница—кладовая, где хранилось богатство. Но такая роль скота скорее более свидетельствует о редкости его, чем об обилии. Деньгами становится вовсе не то, что имеется в большом количестве в стране, а скорее то, что получается в обмен с другими народами [3]).

---

[1]) Ключевский, I. 384.

[2]) Рус. Правда. Карамзинск. спис. ст. 39.

[3]) Покровский. I, стр. 46 сл.

Действительно, в древнейшую эпоху славяне получали скот прежде всего от изобиловавших скотом степных кочевников—от половцев, татар. Летопись многократно упоминает о захвате русскими князьями скота у половцев (в 1095, 1103, 1152, 1185, 1190, 1191, 1206 г.г.): «взяша скоты и овцы и коней и вельблуды и веже с добытком и с челядью». Таким путем князья могли создавать себе обширные стада, которыми ведали конюхи и овчары; тем более, что кони получались и венгерские (фари) и татарские («пятно ногайское»). Этому соответствует сообщение Константина Багрянородного, что у русских мало скота и они добывают коров, лошадей, овец у кочевых народов.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обрабатывающая промышленность в древний период.

Известный историк и археолог В. Б. Антонович указывает на то, что в славянских курганах уже древнейшей языческой эпохи мы находим, на ряду с предметами, свидетельствующими о занятии земледелием, скотоводством и рыбным промыслом, также многообразные изделия обрабатывающей промышленности. Остатки тканей и пряслицы из красного шифера указывают на ткацкое производство, железные ножи, ключи и гвозди, как и найденный в одной из древлянских могил кузнечный молот—на кузнечные работы; к гончарному промыслу относятся глиняные сосуды различных форм; к древообделочному—деревянные ведра, окованные железными дужками. Там же находим плотнические работы в виде могильных срубов, надмогильных настроек. Оружие состоит из шлема, кольчуги, топора, копья, меча или сабли, лука и стрел с железными наконечниками. Наконец, встречается много украшений, в особенности из серебра, большей частью низкопробного—серьги, браслеты, кольца, бусы, последние также из сердолики или стекла.

После принятия христианства «прежние украшения получают более изящную форму и появляются новые их формы, заимствованные из иноземного искусства, в большинстве случаев византийского или восточного. Вооружение остается прежнее и типы его почти совсем не изменяются. То же самое можно сказать о промыслах и занятиях, хотя произведения их, сохраняя основной характер, совершенствуются... Сверх того,

являются многочисленные экземпляры предметов христианского культа» (кресты, тельники, иконы) [1]).

Курганный инвентарь дает нам представление о жизни древних славян, о тех предметах, которыми пользовались они, преимущественно высшие классы, князья и их дружина. Но для выяснения условий производства в эту эпоху раскопок еще недостаточно. Прежде всего мы не знаем, были ли найденные в курганах предметы и какие именно из них туземного или же, наоборот, иностранного происхождения. По поводу украшений на последнее обстоятельство указывалось. Восточное и в особенности византийское влияние настолько значительно, что возникает предположение, что эти предметы импортированы к славянам. Но и в других случаях вопрос этот остается во всяком случае открытым; с уверенностью утверждать, что те или другие предметы изготовлены на месте, можно лишь в отдельных случаях.

Но чего уже совсем мы не можем установить на основании курганных раскопок, это формы промышленности, существовавшей в это время. Если даже допустить, что те или другие предметы, встречающиеся в значительном количестве, производились самими местными людьми, напр., предположить, что гвозди, скобки, оковки ведер, топоры, ножи, щипцы, молотки, изготовлялись собственными кузнецами, то совершенно недоказанным было бы утверждение, что они вырабатывались ремесленниками, т. е. на продажу. Одного лишь соображения напр., что «по свойству самой работы керамические изделия не могли быть предметом удобным для производства в каждом отдельном хозяйстве» и, следовательно, поступали в хозяйство путем обмена, еще недостаточно для обоснования наличности производства для сбыта. У первобытных народов мы находим обжигание посуды, промысел весьма распространенный, сплошь и рядом в форме работы для надобностей собственного хозяйства и лишь с течением времени часть посуды выносится на местный рынок для продажи.

Достигнута ли была здесь уже эта ступень, мы не знаем. Если обилие черепков в том или другом районе указывает на присутствие горшечной мастерской, то о характере этой мастерской и о форме промышленности оно свидетельствует столь же мало, как большое количество остатков других мастерских, обнаруженных в 1907-09 г.г. в Киеве при раскопках в усадьбах Десятинной церкви. Одни из них служили для

---

[1]) Антонович. Черты быта русских славян по курганным раскопкам. Рус. история, под ред. Довнар-Запольского, I. 132 стр.

приготовления изделий из мрамора, шифера и др. пород камня, другие для обжигания посуды, третьи для выделки эмалевых изразцов, которыми украшалась Десятинная церковь. «Существовали здесь мастерския для выделки предметов из стекла—сосудов и особенно витых браслетов. Особенно многочисленны были мастерские ювелирные, на что указывают во множестве находимые формочки для отливки крестов, серег, колец, браслетов, бус и т. д.» [1]).

Но не следует забывать того, что понятие мастерской еще вовсе не равнозначуще производству для сбыта и мастерская не должна быть обязательно ремесленной—хотя мы обычно соединяем ее с этим прилагательным. Вполне возможны и действительно существовали, и в эту эпоху и впоследствии в крупных хозяйствах—княжеских, монастырских—мастерские, работающие исключительно для надобностей этого хозяйства, но отнюдь не для посторонних лиц.

Таким образом, для выяснения вопроса о том, какие существовали отрасли промышленности даже в древнейшую эпоху—для времени позже X ст. клады уже отсутствуют—насколько они были развиты, какие на Руси изготовлялись предметы и каковы были формы производства, необходимо обратится к писанным источникам и исходить из них; курганные раскопки могут явиться лишь дополнением к ним для наиболее раннего периода.

Наиболее ранней формой промышленности является производство изделий для надобностей собственного хозяйства, для удовлетворения его потребностей. Это может быть мелкое хозяйство, напр. крестьянское, которое таким путем заботится о нуждах своих членов, используя рабочую силу семьи. Но та же форма мыслима вполне и в области крупного хозяйства, напр., княжеского и боярского, в пределах которого челядь, позже крестьяне изготовляют необходимые промышленные изделия: одежду, утварь, оружие. Такую же форму может, наконец, приобретать и работа монахов как на нужды самой братьи (одежда, обувь), так и на потребности монастыря, на его постройку и украшение, на богослужебные цели.

Но, конечно, в последнем случае в особенности хозяйство легко выходит при удовлетворении своих потребностей за эти пределы, обращаясь к внешнему миру. Оно пользуется, напр., покупными украшениями или предметами богослужения, доставляемыми торговлей, что было уже весьма рано, или изде-

[1]) Рус. история, под ред. Довнар-Запольского, I. 518.

лиями, заказанными у вольных мастеров. С другой стороны и лица входящие в состав таких обширных хозяйств, напр., монастырская братья, могут производить работу и не только для нужд монастыря, но и по заказу мирян. И в том и в другом случае возникает ремесло, но обычно в зачаточной форме, при которой заказчик снабжает мастера, выполняющего работу, нужным ему сырьем. Последний, следовательно, лишь присоединяет собственный труд и притом по указанию потребителя, который, таким образом, попрежнему руководит самым процессом производства.

Это ремесло в своей первоначальной форме может выполняться либо на дому у самого мастера, либо в помещении заказчика, потребителя. В первом случае все сводится нередко к тому, что, напр., мельник или кузнец предоставляет потребителю пользование своими приспособлениями, так что в сущности никакого ремесла здесь нет—работу выполняет сам же потребитель. Остается прежняя форма производства для собственных надобностей, но только отчасти в пределах чужого хозяйства, пользуясь принадлежащими ему инструментами. Во втором случае, когда работа совершается на дому у потребителя, производитель втягивается в хозяйство последнего, выполняет указанные ему задания не только из полученного от потребителя сырья, но нередко и при помощи орудий и приспособлений, принадлежащих последнему. Но и в этом случае получается тесная связь между заказчиком-потребителем и мастером, и тут производство еще не вполне выделилось из домашнего хозяйства, частью входит в состав последнего.

Самостоятельным производство становится только тогда, когда изделия вырабатываются из материала, принадлежащего производителю, когда, следовательно, весь процесс находится в его руках, им направляется, совершается сообразно его собственному пониманию, а не по указанию других лиц. В этом случае получается ремесло в полном смысле этого слова, но значение оно приобретает лишь тогда, когда такое производство для сбыта становится чем-то постоянным, является профессией данного лица, главным источником его заработка. В ранние эпохи хозяйственной жизни мы находим, правда, указания и на существование такого рода работ, производимых из собственного материала для рынка, но они обычно составляют явление случайное, едва выходящее за пределы домашнего хозяйства. Работы эти совершаются в дополнение к сельскому хозяйству или добывающим промыслам, совершаются в тесной связи с выделкой тех же предме-

тов для собственных потребностей. Сбыт их на сторону имеет место лишь при наличности избытков, ненужных для хозяйства; только такие излишки, составляющие лишь небольшую часть изготовленного, попадают на рынок. При таких условиях говорить о наличности ремесла едва ли еще возможно. Это только первые шаги по направлению к нему, из которых при благоприятных условиях, в особенности при усилении спроса на данного рода изделия со стороны других хозяйств, может постепенно выработаться ремесло в полном смысле слова.

В своем развитом виде ремесло предполагает оседлый, городской характер. Но оседлость устанавливается лишь постепенно; подобно земледелию, скотоводству и прочим промыслам, и ремесло, в особенности в зачаточных своих формах, отличается кочевым характером. Там, где мастер работает по заказу потребителя, он сплошь и рядом переходит из одного места в другое, из одного хозяйства в другое, выполняя каждый раз указываемое ему задание. Возникают отхожие промыслы строительные—каменщиков, плотников, маляров, но и отхожие промыслы бочаров, кузнецов, котельников, даже портных. Это все еще зачатки чисто ремесленной деятельности, ибо они еще находятся в тесной связи с хозяйством потребителя-заказчика, как и не отделились вполне от сельского хозяйства и иных, производимых для собственных нужд, работ.

В пределах собственного хозяйства производится прежде всего в ранние эпохи одежда из льна и шерсти, составляя главным образом занятие женщин. Это подтверждается и данными, сообщаемыми в наших источниках—в летописях, в житиях святых и т. д. Мы встречаем сборы с населения льном и изделиями из него, платками, полотенцами, скатертями, неводами. По грамоте 1150 г. подать в Торопце выражается в полавочнике (большое полотенце), двух скатертях, трех убрусах и т. д. Монастырские крестьяне прядут полученный ими лен: «а лень дает игумен в села и они прядут, сети и дели неводные наряжают». О Февронии Муромской в житии ее читаем: «юноша вниде в храмину и узре видение чудно,— седяше бо едина девица и ткаше красна, пред нею же заяц скача». «Княгиня Василиса нача жити в монастыре... тружаяся рукодельем». Но выделкой одежды занимались не только в женских, но и в мужских монастырях. Киево-печерские иноки сами пряли лен, «платна делая», а старец Феодосий ночью «седяше, прядый волну для одежды», а «одежда бе свита власяна остра на теле его». Преп. Сергий «обувь же и

порты крояше и шьяше». В Белозерском монастыре «умеющии рукоделие делающе и в казну отношаху, одеяния и прочая, яже к телесной потребе». Повидимому, об одном из таких «умеющии» идет речь в рассказе, где фигурирует черноризец, приносящий показать настоятелю Феодосию изготовленную им одежду, «иже бе своими руками работая стяжал имения мало, бе бо портной швець».

Была и известная связь монастырей с рынком. С одной стороны, в описании Кирилла Белозерского передается, что он «единаго лета посылаше кушити, еже к телесной потребе братиям, рекше одежду и обущу, масло же и прочая», следовательно, закупалась одежда, обувь, масло (вероятно, для богослужения). С другой стороны (в XI ст.), иноки печерского монастыря «копытца (чулки) плетяще и клобуки и ина ручная дела строяща и тако носяще в город продаяти и тем жито куняху»—свои изделия обменивали, следовательно, на хлеб. Но мы не знаем, насколько значительными являлись такие сношения с рынком. Исходя из приведенных случаев выделки одежды в монастырях для собственных надобностей, мы можем скорее предполагать, что преобретение ее извне составляло явление редкое и точно также лишь избытки изделий иноков поступали в продажу, но постоянной работы на продажу еще не было.

Обуви кожаной население не носило, одевались в лапти: болгары «суть вси в сапозех—пойдеве искать лаптник» [1]). Но кожа нужна была для щитов и колчанов, для сбруи и поясов; богатые люди одевали и кожаные черевики или чоботы. Отсюда выделка кож. О Яне Усмошвеце отец его рассказывает Владимиру: «единою бо ми и сварящю (варить) и оному мьнющу (мять) усние (кожи) разгневався на мя преторже череви руками». Он занимался, следовательно, дублением кож (усние) и выделкою обуви (череви). В предании о посещении апост. Андреем новгородской земли сообщается, что там обливаются в бане «квасом усниным», т. е. квасом, в котором отмачиваются кожи и овчины. На существование кожевенного промысла указывают и такие факты, как то, что в битве с шведами в 1240 г. был убит «Дрочило Незбылова сын кожевника», а при взимании податей в качестве единицы обложения на ряду с сохой (известным пространством земли) и лавкой фигурирует и кожевный чан, который при обложении приравнивается к сохе: «с сохи по гривне по новой, да писцу с сохи мортка... да тшан кожевничий за соху, лавка за соху».

[1]) Летоп. по Ипатьевск. списку, 63.

Но о форме промышленности в этих случаях ничего не знаем. Быть может, выделка кож производилась уже и в качестве промысла, раз кожевенный чан является самостоятельным об'ектом обложения и оценивается наравне с сохой. Среди мастеров, призываемых князем Даниилом при основании гор. Холма (1259 г.), русских и иностранных, встречаются «седелницы» и «тулницы» [1]), т. е. выделывающие сёдла и колчаны (кожаные) для стрел, но это могли быть и бродячие люди. О башмачниках речи нет, в монастырях башмаки изготовлялись иноками, их выделывал напр. преп. Сергий.

Изготовлялись и богатые одежды, шитые золотом и шелками—этой работой, повидимому, занимались княгини и монахини. Евфросиния Муромская скончалась «единого святого раз еще не дошив, лице же нашив, преста, и вотькьне иглу, и приверьте нитью». Сохранились вышивки на шелку дочери Василия Темного Анны. В завещаниях княжеских встречается пояс старый новгородский, пояс Шишкина дела, пояс Макарова дела; так что были и русские мастера, выделывавшие украшения. Но большая часть золотых и серебряных изделий, дорогих тканей, нарядов и украшений одежд перешли в Россию от иностранцев или обработаны были не русскими мастерами, как показывают сами названия (пояс фрязьский, пояс царевский-ханский) [2]). Известны были шелковые материи—атлас, штоф, тафта, градетур. Все это были иностранные изделия, притом предназначенные не столько для нарядов, сколько для церковных облачений, частью сохранившихся до нашего времени. Облачение преп. Никиты новгородского штофное, пояс гарусный-тканный, шапка градетуровая, опушенная горностаем. Мантия архиеп. Иоанна из атласа и бархата. Одеяние преп. Варлаама из атласа, шитое золотом и украшенное жемчугом.

Однако это все роскошь церковная, о большом количестве предметов роскоши у частных лиц она отнюдь не свидетельствует. Напротив «самые завещания, подробно означающие пояса, бляхи и мелкие украшения наравне с поземельными владениями и городами, дают знать о редкости нарядов и украшений... Точно также удивление летописцев при описании украшенных одежд и разных мелочных вещей приводит к мысли, что украшения были редки, так что древнему

---

[1]) Летоп. по Ипат. спис. 560.

[2]) Аристов. 165.

русскому человеку казалось все это подобным чуду, «хитростью измечтаною» [1]).

Еще более велика была роль иностранцев в постройке и украшении церквей, с той только разницей, что материи шелковые и шитые золотом, как и иные наряды, привозились к нам в готовом виде, тогда как здесь иностранцы появляются сами. В особенности это бродячие греческие мастера, строители, живописцы, выделыватели церковных украшений. Впрочем последние и в особенности церковную утварь вывозили из Корсуни; еще Владимир похитил там церковную утварь, книги, кресты, как и «две капищи медяны и четыре кони медяны» (две человеческие статуи и четверню бронзовых коней). И впоследствии предметы, необходимые для киевских храмов, забирали из корсунских церквей. Для построения храма Успения Владимир вызвал византийских мастеров: «послав привезе мастеры от грек». Примеру Владимира следовали и другие князья. «По свидетельству летописей и других литературных памятников, как Киево-Печерский Патерик, жития русских святых, древние церкви были построены греческими мастерами и греческие же художники их расписывали. Так известны сведения о Десятинной церкви, Софийском соборе в Киеве и церкви Киево-Печерского монастыря, церкви Богоматери в Новгороде, Софийском соборе там же... Киево-Печерский Патерик передает легенду о чудесном прибытии византийских художников в Киев для росписи Печерского монастыря. В 1045 г. князь Владимир Ярославич начал строить каменную церковь св. Софии в Новгороде: «и устроив церковь приведоша иконных писцов из Царяграда. . А писали Спасова образа годишнее время и более» [2]).

Вскоре появляются впрочем и церкви, построенные русскими мастерами—церквей ведь строилось огромное количество. Строили наши мастера каменные церкви быстро («нацяша делати месяца маия в 21, а концяша месяца июля в 31», «создана бысть церкви... единого лета»), но зато и долговечностью они не отличались, многие церкви вскоре рушились. В 1105 г. рухнула церковь св. Андрея, в 1123 г. переяславский Михайловский собор, в конце XII ст. Богородицкая в Ростове и другая Богородицкая в Суздале. То же случилось в 1230 г. с церковью в Переяславле русском, в 1380 г. в Коломне [3]).

---

[1]) Аристов. 165:.

[2]) Яцимирский. Византия и влияние ее на Русь. Рус. ист. I. 561.

[3]) Аристов. 104.

Других каменных построек долго совсем не было. Такой редкостью являлись как они, так и мастера, их сооружавшие, видно из слов летописца по поводу попытки Рюрика Ростиславича в 1190 г. заложить каменную стену под церковью св. Михаила у Днепра; до него даже не дерзали помыслить об этом («о ней же мнози не дерзнуша помыслити от древних»). Он же, «имея любовь не сыту о зданьих», раздобыл—это ему ставится в особую заслугу—и сведущего мастера («изобрете бо подобна делу и художника во своих си приятелех... и приставника створи богоизволену делу и мастера не проста стены... ни от кого же помощи требуя»).

Только с XIV ст. появляются каменные стены, к концу этого века находим и каменные зданья архиерейские и монастырские, тогда как частные зданья даже в таких богатых городах, как Новгород и Псков, были попрежнему деревянные и только частные лица, по своей инициативе, сооружали каменные церкви.

Эти деревянные здания первоначально строили люди сами для себя, как это делали напр. подвижники, возводившие для себя кельи. Авраамий пришел к Ростову и поставил колибицу (от греч. колиба—келья), а Александр Свирский «возградив себе хлевину малую... древа посекая и нивы творя понужаяся сам». Позже обращаются уже к плотникам, но плотничьим ремеслом занимались и не профессионалы. За такую работу берется и преп. Сергий, когда старец, «ише хотяте сенци делати», заявляет ему: «жду плотника, а уже все приготовано». Сергий предлагает ему: «аз сотворю, якоже хощеши, мзду возму у тебя». В других случаях обращаются к древоделам. Так строится церковь в Белоозере: «понеже место оно долѣче человеческих жилищ отстояша и древоделникам же позвани бывше придоша и тако церковь поставлена бысть». В Вышегороде Ярослав «повеле древоделам, да приготовят древа на сограженіе церкви, бе бо уже время зимно». А Изяслав обращается даже к помощи артели древоделов: «призвав старейшину древоделям повеле ему церковь вограднти... Старейшина ту абие собра вся сущая под ним древоделя».

Но подобно тому, как «рубить» города составляло повинность населения, так же как и строить засеки, так крестьяне обязаны были содержать церковь и отбывать плотничьи работы для монастыря, нередко и для князя: «большим людем из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромъ ставить». Мастеровые принадлежащие духовенству, по ярлыку хана Узбека 1313 г., освобождаются лишь

от работ на татар: «а что будут церковные люди-ремесленници... или писцы или каменные здатели (строители) или древяные». На нужды же церкви и монастыря, как и вообще церковного помостья эти каменщики и плотники повидимому обязаны работать. Но из этого освобождения их от работы на хана можно также заключить, что эти мастера были редки и ими весьма дорожили.

Таким образом мы находим, с одной стороны, строительную деятельность крестьян в виде повинности, а с другой, те же работы в качестве промысла, быть может, отхожего. В Новгороде встречается Плотинский конец, как и Лубяницкая улица (выделывателей лубяных—деревянных и мочальных изделий) и к новгородцам киевляне обращаются: «а вы плотницы суще, а приставим вы хоромы рубити наших» [1]). И в Псковской судной грамоте (1396-1467) идет речь о найме плотника либо на известный срок, либо на определенную работу: «а которой мастер плотник или наймит, отстоит свой оурок и плотник или наймит... свое дело отделает» [2]).

В Новгороде в XIII ст. мы находим специальных мастеров для починки стенобитных орудий («изыскаша мастеры порочныи»), а в Киеве встречается гробовщик (или выделыватель крестов деревянных), который (в 1092 г.) во время сильного мора заявлял, что продал корсты, т. е. гробы (по другому варианту: кресты) «от Филипова дня до Мясопуста 7 тысячь» [3]). В Чолм призываются мастера «лучницы» (выделыватели луков) [4]). Напротив домашняя утварь, надо думать, производилась лишь в пределах собственного хозяйства. Мебели было, повидимому, вообще немного—одр означает и кровать и постель, стол являлся одновременно и скамьей. Феодосий спал, «седяше на столе»; Петр (1152 г.) сидел на нем: «и поставиша Петрови столець и седе» [5]). В Киево-Печерской лавре впрочем имелись столы и скамьи, они были разбиты во время землетрясения в 1230 г. («все то потре каменье дробное, сверху падая, и столы и скамьи») [6]).

В монастырях изготовлялись для собственных надобностей свечи (преп. Сергий «кутию сам варяше и свечи скаше»). До XVII ст. стекла приготовлять не умели и вместо него упо-

---

[1]) Летоп. Лаврент.,96.
[2]) Псковск. судн. грам., ст. 39, 41.
[3]) Летоп. Лаврент. 143.
[4]) Летоп. Ипат., 560.
[5]) Летоп. Ипат. 331.
[6]) Летоп. Лаврент. 313.

требллась для окон слюда, только в церквах находим уже раньше привозные стекла (в холмской церкви в 1259 г. «окна 3 украшена стекълы римьскими»). Больше производилось глиняной посуды. За 992 г. имеется известие о горшцах (кувшинах), привезенных в Новгород для продажи и там же встречается конец Гончарный.

Как мы видели, среди курганных раскопок встречается много металлических вещей как оружия, так и различной домашней утвари. Однако далеко не все они были, повидимому, собственного производства; много доставлялось из других стран. Посетивший славян арабский писатель Ибн-Фоцлан указывает на то, что мечи у руссов были работы европейской. И в памятниках упоминаются сулици (копья) ляцкие, шеломы латинские, колчары (кинжалы) фряжские. Грянули шеломы немецкие, байданы (латы) бесерменские, колчары фряжские, корды лятцкие—читаем в описании Мамаева побоища. Привозилось оружие с Запада и от греков (при Изяславе в 1151 г.) и от шведов (Биргер II, вследствие столкновения с новгородцами, запрещал вывоз его чрез Балтийское море). Но оружие шло и с Востока; об этом свидетельствуют копия аравитские, шеломы оварские, такие названия, как колантыри (броня), байданы (латы), кончары (кинжалы—ханд-жары), сабли, чечаки (шишаки). Воины Даниила Галицкого были вооружены оружием татарским.[1])

Мало того, сами мастера, выделывавшие на Руси оружие, были, по словам летописи, «иноязычники». Когда Даниил Галицкий (в 1259 г.) основал г. Холм и стал созывать туда («нача призывати») мастеров, главным образом оружейников, то «прихожае Немцы и Русь, иноязычникы и Ляхы; идяху день и во день, и уноты и мастере всяции бежаху из Татар, седельници, и лучницы (выделыватели луков), и тулници (производители колчанов), и кузнице железу и меди и сребру; и бе жизнь и наполнишя дворы, окрест града поле и села».

Но на ряду с привозным оружием и с иностранными кузнецами были и местные. Феодосий отправляется к «единому от кузнец» и заказывает ему вериги, в Киеве имелись Кузнечные ворота, у которых несомненно жили кузнецы. Если такого рода названия, встречаемые во всевозможных городах Запада и Востока в ранние эпохи, всегда свидетельствуют о поселениях определенной группы мастеров—они селились совместно—от которой древняя часть города (улица, конец, слобода, ворота) получила свое название, то именно кузнечный про-

[1]) Летоп. Ипат. 560.

мысел является наиболее ранним везде и повсюду, появляется уже тогда, когда других видов ремесла, т. е. производства, работающего на продажу, еще не было. Конечно, кузнецами могли быть и иностранцы, промысел мог иметь кочевой характер и изделия могли производиться из материала заказчика. Но во всяком случае, мы имеем основания предполагать, что раз существовали—как мы видели—зачатки других ремесл, то производство кузнечных работ, а среди них в первую голову выделка оружия, успело так или иначе выделиться из домашнего хозяйства.

Если преп. Нестор сам делает заступ для того, чтобы выкопать могилу Феодосию, а не обращается для этой цели к кузнецу, то лица, нуждавшиеся в оружии, в особенности князья, надо думать, поступали иначе. Сами они не в состоянии были вырабатывать его, да и для челяди это являлось слишком сложным занятием, требовавшим, в виду трудности работы по металлу, известной подготовки. Мы ведь читаем об убитых новгородцах—Гавриле Щитнике, Якове Гвоздочнике. Онтоне Котельнике; «загорелось от Ондреа от медянника»: «Федора Басенка хотели убити пилники». Но в Новгороде мы встречаем и мастеров, обрабатывающих благородные металлы — серебренников: «убиша Нежилу серебрянника», «убиша Страшка серебрника весця», «выведе Сокира посадник ливца и весца серебряного Федора Жеребца на вече».

В той же Новгородской области мы находим кузнечный промысел не только в городах, но даже в деревнях. Здесь подтверждается ранее появление этого ремесла, в то время, когда другие занятия еще входили в состав домашнего хозяйства. Как видно из писцовых книг, «крестьянки приготовляли из льна и конопли пряжу, разного рода холст (усчину, попонный холст), полотна, а из них делали все принадлежности белья, убрусы и утиральники... Крестьянин сам строил свое жилье и все его принадлежности, заготовлял все свои необходимые земледельческие орудия, прибегая к посторонней помощи только в крайне редких случаях». Но помощь кузнеца была ему необходима. «Отдельными единицами кузнецы встречаются во всех краях Новгородской земли... В некоторых местностях, однако, они встречались не только в особенно большом количестве, но и возвышались на степень чистых ремесленников, совсем пренебрегавших земледелием» («Деревня Соминица двор Ивашко, двор Ульянко, двор Данилко, двор Олферко, кузнецы, не пашут»). Местности эти были однако не славянские, а финские. Но между кузнецами встречаются одинаково часто и настоящие русские или, по

крайней мере, вполне обрусевшие финны». Изделия их— «топор, коса, сошник, да вдобавок к тому еще какая-либо сковорода рукоятная». В писцовых книгах читаем: «а нового доходу сковорода рукоятная да топор» (с кузнецов), «а нового доходу 28 сошников», «а старого доходу 20 кос» [1]).

Таким образом кузнечный промысел рано появляется в качестве самостоятельного ремесла и притом даже в деревне, промысел пришлый, иноземный, но постепенно распространяющийся и среди местного населения. Роль этих чужих мастеров и влияние их на развитие промыслов была весьма велика. «Коль скоро только дело заходило за пределы обыкновенного житейского уровня, так тотчас же являлась неотступная потребность в чужом пособии». Это выражалось не только в том, что медные двери Софийского собора пришлось привезти далеко из-за моря, они представляли работу немецких мастеров, но и в том, что для отлития колокола, казавшегося новгородцам большим, но весившего на самом деле не более ста пудов, владыка Новгородский Василий (в XIV ст.) должен был искать мастера в Москве, а когда нужно было «покрыть храм св. Троицы свинчатыми досками, псковичи не нашли ни у себя ни в Новгороде мастера, который бы умел отливать требуемые доски, а принуждены были обратиться за ним в Москву к митрополиту Фотию» [2]).

Получаются таким образом и здесь кочующие мастера, переходящие из Москвы в Новгород, Псков и другие города для выполнения различных работ. Это напоминает нам однородные факты из жизни Западной Европы в раннее средневековье.

Так напр. аббат Уармутский обращается к архиепископу Луллу майнцкому с просьбой о присылке ему стекольщика для выделки сосудов, если же в пределах его епархии такого не окажется, то просит его выхлопотать ему мастера у кого-либо другого, ибо «у нас нет сведущих людей в этой области». Карл Великий посылает людей необходимых для постройки церкви—работников по дереву и камню, стеклу и мрамору, а Людовик Благочестивый отдает своего кузнеца архиепископу Реймскому [3]).

Общий вывод получается тот, что хотя преобладающим следует рассматривать в эту эпоху производство промышленных изделий для надобностей собственного хозяйства,

---

[1]) Никитский. История экономич. быта Вел. Новгорода, 82.

[2]) Никитский, 86—87.

[3]) Кулишер. Лекции по истор. экономич. быта Зап. Европы, изд. 6-е, 1922. Т. I. 65.

княжеского, монастырского, боярского, крестьянского, но отчасти оно уже выходило за пределы потребляющего хозяйства. На ряду с пользованием иноземными товарами привлекаются и иноземные мастера, как и мастера из других областей Русской земли, трудом которых, главным образом по заказу потребителя и из его материала, восполняется недостаток в некоторых предметах. Отчасти обнаруживаются избытки в монастырском хозяйстве, которые, первоначально, вероятно, лишь в виде случайного явления, поступают на соседний рынок. Зачатки ремесл в особенности появляются в Новгородской области, именно в городах, где на ряду с населением, занимающимся сельским хозяйством, мы находим и различные виды ремесл, отчасти даже отделившиеся от земледелия; к концу этого периода, повидимому, рядом с Новгородом выделяется и Москва, в противоположность другим областям, почти не знающим производства для рынка. Однако в эпоху XIII—XV ст. Западная Европа успела уйти уже дальше. Стоит только вспомнить, насколько было развито городское ремесло в крупных центрах Западной Европы, насколько широко была проведена там специализация. как организованы были ремесла в цехи и как велико было число последних, наконец, какую роль ремесло играло в средневековом хозяйстве,—чтобы понять, что в промышленном отношении в те времена существовало расстояние между Западом и Россией. Тем не менее развитие в том же направлении обнаруживается и у нас, и мы стараемся в эту эпоху идти по стопам Запада.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Промышленность в городах XVI ст.

В период XVI—XVII ст. господствующей отраслью хозяйства на Руси—как мы видели выше—являлось земледелие. На окраинах, впрочем мы находим еще звероловные, рыбные, пчелиные промыслы, отодвигающиеся туда из центра, в некоторых местностях, как в Новгородско-Псковском крае, известную роль играло скотоводство, сенокосные угодья, производство кож и сала. Но земледелие «господствовало, подавляло своим значением другие отрасли народного хозяйства». В том же крестьянском хозяйстве, в боярских или в

монастырских поместьях изготовлялись по большей части и необходимые промышленные изделия.

«Не подлежит сомнению, что огромное большинство населения Московской Руси второй половины XVI века, как и прежде, удовлетворяло свои потребности в разного рода продуктах обрабатывающей промышленности,—в орудиях труда, утвари, одежде и пр.,—собственным трудом, не прибегая к покупке и продаже: крестьяне сами строили себе избы и хозяйственные постройки, мастерили земледельческие орудия, делали мебель и посуду, женщины приготовляли грубый холст, посконь и крашенину и делали сермяжное сукно» [1]). Лишь отдельных мастеров того или другого промысла мы случайно встречаем тут или там—в Гдове калачника, в Велье—сапожника, в Вотской пятине у Коневского монастыря был один овчинник—непашенный человек, в Троицко-Сергиевском монастыре в одном уезде жил кузнец, в другом—портной и два плотника, в третьем—бочарник, в четвертом—один шваль и один кузнец.

В других случаях их несколько больше. В имении Богородицкого монастыря встречаем овчинника, кузнеца, бочара, кожевника и двух плотников, у галицкого монастыря в Костромском уезде четыре кузницы и три домницы. В некоторых селах преобладает определенный промысел, охватывающий значительную группу дворов, он приобретает в таких случаях, повидимому, кустарный характер. Так в Бежецкой пятине Великого Новгорода в одном селе находим 11 дворов гончаров, в другом селе Шелонской пятины 18 дворов колесных мастеров, во Владимирском уезде имелось 14 «Высокорецких бочарных деревень». Или напротив представлены были различные промыслы, но каждый из них с весьма незначительном количеством лиц; они имели, очевидно, ремесленный характер, работая на местного потребителя. В Псковском уезде была слобода в 75 непашенных дворов, среди которых значилось 2 калачника, кузнец, три плотника, каменщик, седельник, сапожник, тележник, три портных. Около Ипатьевского монастыря в Костромском уезде были расположены 112 непашенных дворов, в том числе 4 кожевника, 2 красильника, 1 овчинник, 1 серебренник, 1 кирпичник, 1 свечник, 1 хлебник, 1 пивовар, 1 масленик, целых 6 кузнецов и 10 плотников. Здесь мы находим уже значительное разнообразие промыслов [2]).

---

[1]) Рожков. Народн. хозяйство Моск. Руси во втор. пол. XVI в. „Дела и Дни", I, 51.

[2]) Рожков, Там же.

К таким монастырским селам приближаются по характеру своей промышленности пригороды Новгорода и Пскова, где огромное большинство населения занимается хлебопашеством. К началу XVI ст. ремесленники составляют в таких пригородах, как Иван-город, Ям, Корела, Ладога, Копорье, Орешек, не более 8 проц. населения, но к половине XVI ст. число их здесь значительно возрастает. В 1560 г. встречаем в Орешке 27 ремесленников, в Ладоге 38, в Кореле 54, в Каргополе 77; всего в этих четырех городах находим до 44 (вернее 30, ибо есть лишние) названий промыслов. Из 162 ремесленников 48 или почти третья часть приходится на производство съестных припасов (15 хлебников, 12 рыболовов, 10 мясников, 10 калачников), другая треть (53) на выделку текстильных и кожевенных изделий (14 портных, 13 сапожников, 9 овчинников, 8 скорняков), из области обработки металлов находим только 12 кузнецов, 2 котельников и 3 серебряников, из прочих—бочарников (6), горшечников (5), свечников (4), ведерника, решеточника, мельника.

В сущности, это и все, занимающиеся промышленной деятельностью, ибо все остальные, относимые в приводимом Н. Д. Чечулиным списке под именем ремесленников вовсе не могут быть признаны ими—ни извощики, перевощики и лодочники (16), ни скоморохи, гусельники и песенники (6), ни пастухи (2), ни мыльники (повидимому, содержатели бань—2), ни коновалы, ни огородники, ни казаки. Еще менее относятся к ремесленникам толмачи, земские дьячки и наконец палачи [1]).

Обращаясь к другим городам Московской Руси XVI века, как центральным, подмосковным, так и южной и юго-восточной окраины, мы находим здесь много дворов дворян и детей боярских. В одних из них они жили постоянно, как в Казани или Свияжске; в других, в центральной области, большей частью не жили, а держали в этих дворах дворников, своих зависимых людей, которые были их холопами или бывшими посадскими, перешедшими в дворничество к дворянам и детям боярским. На ряду с дворниками находим и ратных людей. На восточной и южной окраинах их было много, нередко треть и более, всего населения, ибо города эти имели значение крепостей. В центре их оказывается, напротив, гораздо меньше, ибо они утрачивают свое значение укрепленных. Хлебопашество в городах хотя далеко не исчезает,

---

[1]) Чечулин. Города Моск. госуд. в XVI в., 52.

все же отступает на второй план, по сравнению с торговой и промышленной деятельностью. И дворники, и ратные люди, и посадские,—все они занимаются преимущественно торговлей и ремеслами.

Нельзя отрицать, конечно, того, что были такие города, где «к резкому отделению горожан от поселян не представлялось достаточно повода: о том свидетельствуют пашни и сенные покосы, какие мы находим приписанными к посадам в XVII в., жители города Шуи, напр., и во время царей Московских продолжали промышлять сельско-хозяйственными промыслами; были даже и такие города, население которых состояло исключительно из хлебопашцев» [1]).

По мнению Ключевского, в XV-XVII ст. «из городов многие и очень многие только носили громкое имя города, но имели вид и значение большого села», «в Московском государстве как стране преимущественно земледельческой, где в такой степени преобладала первоначальная промышленность и где так слабо развито было ремесло, очень немногие города подходили сколько-нибудь под понятие города в европейском смысле; остальные только тем отличались от окрестных селений, что были огорожены и имели большие размеры, но большинство населения их промышляло теми же занятиями, как и окрестные сельские жители [2]).

Однако этот взгляд, являвшийся до недавнего времени преобладающим в нашей литературе, не подтвердился последующими исследованиями, произведенными главным образом на основании писцовых книг [3]). В последних обнаружился для многих городов гораздо больший состав промышленного и торгового населения и гораздо большая специализация промыслов, чем раньше предполагали. С другой стороны, не следует упускать из виду и того обстоятельства, что, как в настоящее время установлено, еще в XVII ст. и большинство современных западно-европейских городов имело отчасти сельскохозяйственный характер, наряду с ремеслом и другими формами промышленности еще играю роль скотоводство, огородничество и т. д. Так что разница между русскими городами и городами западной Европы, хотя она несомненно существовала, оказывается не столь значительной, как можно было предполагать.

---

[1]) Пригары. Опыт ист. состояния город. обыват. при Петре Вел. Журн. Мин. Нар. Пр., ч. 135, стр. 674. 678.

[2]) Ключевский. Сказания иностранцев о Московск. госуд. 183. 215.

[3]) См. Чечулин. Города Моск. госуд. в XVI в.

Если возьмем такой город, как Торопец, то найдем здесь 67 ремесленников, из которых огромное большинство посадские люди, прочие же живут на чужих дворах и только несколько человек не имеют дворов на посаде, следовательно, может быть, не живут в городе. Если считать людей, несомненно живущих в городе, то из числа их ремесленники составят здесь не более 10 проц. Напротив, в Устюжне ремесленников упомянуто 193 человека, но даже если исключить из них 119 человек, занимающихся железным промыслом, который там был особенно распространен, то все же окажется, что одно то промышленное население, которое работало только для местных надобностей, а не для сбыта в другие местности, как работники по металлу, составляло около 25 проц. всего населения, т. е. значительную долю последнего.

В Пскове промышленное население составляет свыше 180 человек, зато в других городах псковской области его почти совсем нет и эти города в течение XVI ст. даже опускаются на ступень городищ, приобретая чисто-земледельческий характер. Напротив велико число лиц, именуемых обычно ремесленниками, хотя в число их входят, как мы видели, и некоторые профессии, которые ничего общего не имеют с ремеслом, в подмосковных городах—в Коломне 159, в Серпухове 331, в Можайске 224. В Коломне они составляют более 22 проц. жителей, не считая дворян и детей боярских, в Можайске—более 40. Близость Москвы не препятствовала, следовательно, развитию промышленной деятельности в этих городах, напротив, содействовала ей, хотя и в самой Москве, как мы увидим, промыслы в эту эпоху обнаруживали успешный рост.

В Казанской писцовой книге ремесленниками из посадских людей обозначены 318 человек, в Свияжской—103, в Казани, следовательно, они составляют более половины всех посадских людей, в Свияжске более трети; из людей не имевших дворов, в Казани ремесленниками отмечены 41 чел., в Свияжске—20, т. е. в обоих городах немногим более пятой части всех бездворных. В Туле цифра промышленного населения выражается в 216 чел., что равняется четвертой части всех записанных в писцовую книгу людей, а к ним надо еще присоединить 27 казенных кузнецов, плотников и кирпичников, которые, впрочем, могли работать и на частных лиц.

Рассматривая промышленное население городов XVI ст. по отдельным группам занятий, мы отмечаем прежде всего большую роль тех промыслов, которые относятся к области производства съестных припасов. Они составляют в Торопце

20 проц. общего числа ремесленников, в подмосковных городах 22 проц., в Устюжне 25 проц., в Пскове 30 проц., в Туле 32 проц., в Казани 41 проц., в Свияжске даже 43 проц. Среди этой группы главную роль играют повсюду хлебники, калачники и пирожники, мясники и рыбники; эти промыслы представлены везде значительным количеством лиц (в Казани, напр., по 28 хлебников и калачников, 10 пирожников, 29 рыбников, 12 мясников; в Пскове по 5 калачников и пирожников, 3 хлебника, 13 рыбников, 7 мясников; в Серпухове 19 хлебников, 8 калачников, 2 пирожника, 19 мясников). К ним присоединяются еще и другие специальности, нередко их весьма много, но каждая отмечена немногими лицами. Больше масленников, крупяников, кисельников, квасников, мучников, меньше пивоваров, орешников, гречишников, овощников, соленников Приготовляющие хлебные продукты нередко делятся не только на хлебников, калачников и пирожников, но еще сверх того, на ситников, пряничников, блинников. Специализация, таким образом, очень большая, но мы находим ее, повидимому, лишь в больших городах, да и там многие из упомянутых промыслов представлены лишь единицами. В Торопце же, Устюжне, Коломне, Серпухове многих из них вовсе нет.

Во всяком случае промыслы по изготовлению съестных припасов отличались значительным развитием. Одни из них, как рыбный промысел, обусловливались обычаем потреблять рыбу во время многочисленных постов. «Обычай свято сохранять посты, установленные церковью, развил у нас повсеместно рыбные промыслы и рыбную торговлю. Не было реки или озерца, где бы не занимались рыболовством; не было базара, где бы рыба не была самым обыкновенным товаром» [1]). Другие промыслы, как хлебный и калачный, а также профессии пирожников, ситников, квасников, и т. д. обусловливались тем, что существовало, очевидно, население, вероятно, главным образом, пришлое, не имевшее в городе оседлости, которое не производило—в отличие от прочих хозяйств—этих продуктов у себя на дому, а приобретало их в лавке, на рынке.

Вторую группу составляют промыслы, изготовляющие одежду и обувь, т. е. текстильное и кожевенное производство. Эта группа составляет треть всех занятых промышленной деятельностью лиц в Туле и в подмосковных городах, почти

---

[1]) Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст. Изд. 2-ое, 1889, стр. 272.

четвертую часть в Казани, Свияжске, Пскове, Устюжне, Торопце. Она таким образом везде значительна. При этом однако необходимо отметить, что наиболее важная деятельность из этой сферы—пряденье и ткачество совершенно отсутствуют и в области приготовления одежды выступают одни лишь портные, т. е. имеющие в своем распоряжении уже готовые ткани. Лен и шерсть пряли и ткали в каждом хозяйстве, где это составляло женскую работу, почему в большинстве случаев и портной не только выполнял работу на заказ, но и из полученного от потребителя материала. На ряду с портными мы имеем здесь кожевников, сыромятников и сапожников (последних везде много), далее скорняков, шубников и овчинников. К ним присоединяются рукавичники, шапошники, холщевники, колпачники. Иногда выделяются еще особые специальности—из сапожников выделяются башмачники, подошевники, чеботные мастера, опоечники; из шубников—особые бобровники (бобры употребляли главным образом на выделку женских шапок); из портных—кафтанники, строчники, епанечники. Появляются особые пугвичники, чулочники, сермяжники, седельники, лапотники, хотя большинство этих мастеров имеется в единственном числе.

Напротив, существенны повидимому, ветошники, т. е. старьевщики, производящие починку одежды, а быть может, и просто торгующие старым платьем. В Пскове находим в этой группе также суконников и шелковников, но весьма возможно, что те и другие являлись торговцами привозным сукном и во всяком случае привезенными из-за границы шелковыми тканями, ибо у нас их не производили. К торговле они могли присоединять и выделку одежды из сукна и шелковой материи. Как указывает посетивший Россию иностранец Барберини, русские не умели делать сукон, а приобретали их из-за границы. «Впрочем в русских селах делались простые сукна, составлявшие предмет потребления низшего, преимущественно сельского класса, это были сукна сермяжные, однорядочные, они различались на лучшие, средние и худшие и составляли предмет торговли на сельских торгах... Кроме сукон русские делали шерстяные полсти и войлоки... Войлоки употреблялись на седла, на бурки»[1]). До конца XVI ст. сукно в Россию привозилось главным образом ганзейцами, это было преимущественно фламандское (брюккиш, т. е. из Брюгге, ипское—из Ипра), а также мехельнское, брабантское, лимбарское (лимбурское), анбурское (гамбургское).

[1]) Костомаров, стр. 322.

Позже первое место занимают английские сукна, привозимые английской компанией. «Во время господства англичан над русской торговлей предки наши получали сукна и материи чрез их руки и цари жаловали обыкновенно английскими сукнами».

Третью и наименее развитую группу промыслов составляли те, которых Чечулин об'единяет под названием производства предметов домашнего обихода. В Туле они составляют 20 проц. всех занятых промышленной деятельностью, в Казани и Свияжске 22, в подмосковных городах 27, в Устюжне 25, в Пскове менее 20 проц. Однако в эту группу входят самые разнообразные виды промыслов—обработка металлов, дерева, производство свечей, посуды, дегтя, гребней и т. д. Из них наиболее важен промысел обработки металлов, представителями которого являются, однако, только кузнецы, иконники и серебреники. В Туле мы находим также 3 гвоздочников и одного ножевника, в подмосковных городах замочников и гвоздочников, в Пскове медников, замочников, одного оловянишника и одного гвоздочника, но всего одного кузнеца, в Казани по одному замочнику, ножевнику и котельнику и не более 3 кузнецов, в Торопце есть сабельник и игольник.

В общем производство изделий из металлов еще мало специализировалось. Только обработка благородных металлов и специально отделка икон выделились в особые профессии, тогда как кузнец по общему правилу изготовлял и оружие (сабельника находим лишь в виде редкого исключения), и гвозди, и ножи, и замки, выделывая не только железные, но и оловянные и медные предметы. Только в Устюжне, как мы уже упоминали, железный промысел был значительно развит, но там мы имеем, повидимому, в отличие от прочих городов, не только переработку железа в различные предметы потребления—оружие, утварь, но и самую добычу руды и превращение ее в железо. Об этом свидетельствует наличность на ряду с 34 кузнецами 66 молотников и в особенности 12 угольников, добывающих необходимое для производства железа топливо. Кроме них там встречается еще ряд специальностей—железников, укладников и рудометов, гвоздарей, замочников, сковородников и котельников, но всех этих мастеров всего по одному; и серебреник упоминается только один, а иконников вообще нет[1]).

---

[1]) Чечулин, стр. 76.

Напротив, в Новгороде уже в XV, а еще более в XVI ст. было весьма развито производство серебряных изделий, вероятно, под влиянием знакомства с немецкими образцами— на ряду с необработанными благородными металлами туда шли с Запада и изделия из них. «Значительная доля драгоценной утвари, которая составляла богатство Московских великих князей—Василия Темного, Ивана III, была несомненно новгородского происхождения. По всей вероятности возникла она из тех даров, поминков, которые в древности было в обычае давать как при встрече у себя великих князей, так и при посещении их дома знатными новгородцами, владыками и посадниками... Имена, вырезанные на драгоценных ковшах, мисах и блюдах, указывают очень часто на новгородских владык Евфимия II, Феофила и Геннадия, или же на новгородских посадников, на Василия Александровича, Луку Федоровича или Ивана Афанасьева... Между ковшами, имевшими значительное количество представителей в великокняжеской казне, самое видное место занимал ковш, принадлежавший по надписи некогда новгородскому владыке Евфимию»... Новгородских серебреников призывали в Москву еще в половине XVI ст.: «а велено вам, по нашей грамоте, прислати к нам на Москву новгородцов серебряных мастеров, Ортемка да Родивонка Петровых детей с братьею и с детми, которые их братья и дети горазди серебром образи обкладывати». В другой грамоте читаем: «есть в Новгороде Васюком зовут Никифоров. умеет резати резь великую: и в б того Васюка прислали к нам на Москву», речь идет, очевидно, о резбе на серебре [1]).

Влияние присутствия немцев в Новгороде и соседства с немцами сказалось и на развитии к концу независимого существования Новгорода и другого промысла—строительного, в виде возведения каменных зданий. Из ганзейских источников нам известно, что немцы, жившие в Новгороде, вызывали со своей родины «плотников, кирпичников и каменщиков, которые осматривали состояние построек Немецкого двора, покрывали крышу церкви, исправляли ее фундамент», а новгородский владыка присоединял к своим мастерам и вызванных из-за границы: «поставил преподобный нареченый владыка Еуфимеи полату в дворе у себе, а двереи у неи 30, а мастеры делали немецкии, из заморца, с новгородскыми мастеры».

В особенности известны были псковские мастера—строители, которые занимались, повидимому, этим промыслом в

[1]) Никитский, 198 сл.

качестве отхожего. В Москве и окрестностях они построили ряд церквей—Златоуста, Сретения, Ризположения, Благовещения, Троицкую церковь в Сергиеве монастыре. Даже постройку самого Успенского собора, впоследствии сооруженного итальянцем Аристотелем, предполагалось им поручить. «А иных (мастеров) повеле привести к себе из своея отчины, изо Пскова, понеже бо и ти от немец пришли, навыкше тамо делу каменосечной хитрости».

Еще более расширилась деятельность псковичей в XVI ст., когда они кроме церквей строят и города (крепости), ими напр. построена была Казань, а в 1528 г. в Новгород прибыл «некий хитрец Невежа Псковитин» и предложил построить на Волхове мельницу, но разлив Ильменя уничтожил его труды, и новгородцы смеялись: «Волхов наша с молоду не молола, ачи на старость учнет молоть?» [1]).

Но на составе ремесленников, указанных в писцовых книгах, эти отхожие промыслы, повидомому, не отразились; в Пскове показано всего 8 каменщиков и 2 серебряника: там же находим двух плотников, 5 свечников и всего 1 горшечника. В других городах кроме горшечников или гончаров встречаются еще кувшинники, иногда кадники, ведерники, хотя последние две профессии относятся к обработке дерева, сюда же входят и бочарники, колесники, токаря. Иногда имеются смольники, изготовляющие поташ, гробовщики, жерновники (выделывающие жернова для мельниц), веретенники, производящие веретена для пряденья. Но и мастеров всех этих специальностей весьма немного, они встречаются единицами и далеко не во всех из рассмотренных нами городов. Очевидно, эти предметы—домашняя утварь из дерева, мебель, посуда разного рода, принадлежности освещения—свечами пользовались мало, кроме монастырей, которые их сами выделывали—изготовлялись в собственном хозяйстве.

Многие производства вовсе отсутствовали. Так напр., выделка стекла, мыла, как и производство бумажных и шелковых материй в XVI ст., как еще и впоследствии, совершенно не были известны на Руси и соответствующие изделия привозились из заграницы. Последнюю группу, приводимую К. Д. Чечулиным, мы вовсе опускаем, ибо это, как мы видели, вовсе не ремесленники—сюда входят извощики, конюхи, садовники, гусляры, переписчики книг, врачеватели (кровопускн и крепусницы, зубоволоки, повивальные бабки).

---

[1]) Никитский, 198.

В общем, однако, обрабатывающая промышленность в городах сделала несомненные успехи. К сожалению, мы совершенно не в состоянии установить, в какой форме она производилась, какую роль играл потребитель, с одной стороны, производитель, с другой, насколько она была оседла, каковы были отношения мастера к торговцу и мастера к своим помощникам.

Обычно все эти ремесленники имели свои лавки в городе, причем в Устюжне, напр., многие владели и землей. В половине случаев здесь принадлежит, однако, ремесленнику всего половина лавки, но есть владельцы двух и трех лавок, один имеет даже пять лавок. В последних случаях, очевидно, уже торговая деятельность выступает на первый план, быть может, эти лица и не являлись вообще ремесленниками, а занимались лишь перепродажей произведенных другими изделий. Характерны для рассматриваемой эпохи и такие случаи (в той же Устюжне), когда не только гвоздарь назван в то же время кузнецом или плотник и судовщиком, ибо соединение этих смежных промыслов являлось, вероятно, обычным, но плотник является в то же время сапожником и молотником, т. е. обрабатывает дерево, кожу и металл одновременно, а кузнец в то же время рыболов. А как часто, надо думать, такое соединение совершенно различных промыслов, указывающее на первобытное состояние ремесла, имело место без того, чтобы сделано было соответствующее указание.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Городское ремесло в XVII ст., преимущественно в Москве.

Ключевский указывает на различные обстоятельства, обусловливавшие медленный рост русских городов. «В XVI в. встречаем в центральных и северных уездах государства не мало городов со значительным посадским, торгово-промышленным населением». Но «чем далее на юг, тем скуднее становилось это население... и впоследствии, когда южная граница отодвинулась далеко на юг, в этих городах туго водворялось торгово-промышленное население». Причина в том, что «поместная система, увлекая массу служилых людей из города в деревню, лишала городскую промышленность и городской ремесленный труд сбыта и спроса, главных, наиболее

доходных потребителей. Служилые люди, обживаясь в своих поместьях и вотчинах, старались завести своих дворовых ремесленников, всё необходимое получать на месте, не обращаясь в город» [1]).

Была еще и другая причина. Посадские общества страдали от выхода из их среды людей, закладывавших свои дворы людям не тяглым, белым, а «в то же время к посадам пристраивался разночинный люд; стрельцы, крестьяне из подгородных сел, церковные слуги, поповичи торговали и промышляли, отбивая торги и промыслы у оставшихся посадских тяглецов, но не участвуя в их тягле; даже попы и дьяконы, вопреки церковным правилам, сидели в лавках... Значительные посады в Московском государстве опоясывались казенными служилыми слободами, стрелецкими, пушкарскими, ямскими; населявшие их служилые приборные люди конкурировали в торгах и промыслах с посадскими людьми, не разделяя их повинностей».

К этому присоединялось еще закладничество, изменившее при том свой первоначальный характер. Вместо прежнего займа с обязательством отработать его появляются тяглые посадские, которые закладываются «без займа или с фиктивным займом обыкновенно за привилегированных землевладельцев, светских и духовных и не отбывали им дворовой службы, а селились на их льготных землях дворами и целыми слободами и присвояли себе их поземельные льготы, самовольно избывая посадского тягла и занимаясь «всякими промыслами и торгами большими» [2]). Отсюда жалобы посадских на закладчиков у различных монастырей, которые теснили и обижали их во всяких промыслах, так что у них государевых служеб служить и оброка платить некому, жалобы на новоприбылых торговых и ремесленных людей, «которые в тое слободу сошлися из разных городов и поселилися для своего промыслу и легости». «Заложившись в закладчики за бояр, за всяких людей, а податей никаких с своею братьею с посадскими и с уездными людьми не платят, а живут себе в покое».

Только Соборное Уложение 1648 г., из фискальных соображений, постановило все слободы частных владельцев, поселенные на посадской земле, купленной или захваченной, отобрать на государя и приписать в тягло к посадам безвозмездно, ибо «не строй на государевой земли слободу и не

[1]) Ключевский. II, 310.

[2]) Ключевский. III, 203 сл.

покупай посадской земли». Закладничество впредь запрещалось, а заемные и ссудные записи, данные на себя закладниками, об'являлись недействительными. С этих пор «посадское тягло с торгов и промыслов стало сословной повинностью посадского населения, а право городского торга и промысла его сословной привилегией».

По всем этим причинам развитие ремесла в течение XVII столетия, повидимому, лишь весьма медленно подвигалось вперед. Мы, к сожалению, не располагаем данными, которые позволили бы сопоставить положение его в эту эпоху с предшествующими периодами. Но во всяком случае на основании цифр, приводимых М. В. Довнар-Запольским, получается впечатление, что даже в значительных по тому времени городах ремесло не играло большой роли. Так в Ростове Великом в 1646 г. насчитывается всего 170 ремесленников, в Симбирске в 1678 г. 137, в Угличе 126, в Вятке в 1628 г. 90, в Суздале в том же году всего 65, даже в Устюге только 457, а в Нижнем-Новгороде 520 [1]).

В Туле мы находим к концу XVI ст. 183 ремесленника, в 1625 г. 231. Однако, если мы ближе рассмотрим распределение этих ремесленников по отраслям производства, то увидим, что число лиц, занятых изготовлением с'естных припасов, сократилось с 60 до 38, число ремесленников в кожевенном производстве упало с 40 до 24, в обработке дерева с 11 до 9, в производстве из волокнистых веществ оно почти не изменилось (22 и 24). Возросло только гончарное производство или вернее оно теперь впервые появилось (14 чел.), ибо прежде все сводилось к одному мастеру, в особенности же усилилась обработка железа,—вместо 20 теперь 51. Затем повысилась категория прочих ремесл с 29 до 71, но она включает и ряд таких профессий (извозчики, пастухи), которые не могут быть отнесены к ремеслу. Если отбросим возрастание по этой группе на 42 человека, то окажется, что цифра ремесленников в 1625 г. увеличилась, по сравнению с концом XVI ст., всего на 6, т. е. в сущности не изменилась [2]).

Это развитие промыслов в городах, повидимому, задерживалось и той политикой, которую вела Москва. Не довольствуясь имевшимися там казенными ремесленниками, посадскими, как и многочисленными захребетниками, закладниками, дворниками и крепостными крестьянами служилых

[1]) Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII в.в. 1910, стр. 69.

[2]) Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII в. Киевск. Унив. Извест. 1914. III—IV. 71. V—VI. 104.

людей, патриарха, митрополита и монастырей, заселявших целые улицы и большие слободы без уплаты тягла, Москва выписывала еще в большом количестве ремесленных людей из других местностей, отнимая их не только у монастырских и боярских вотчин, но и среди посадского населения провинциальных городов.

Подобно служилым людям, и мастеровые всякого рода выписывались для государевых нужд. Встречаем целую массу местностей, из которых приказано выслать мастеров той или другой специальности в Москву. Они переселяются из вотчин Кириллова монастыря, Пречистенского Переяславля Залесского монастыря, из Антониева Сийского монастыря, из Вологодских монастырских вотчин. Но такое же распоряжение отдается по городам—Новгороду, Переяславлю Залесскому, Ярославлю, Костроме, Волотде, Бежецкому Верху, Калуге, Хюлмогорам. Из Новгорода требуются иконописцы самого добрóго мастерства, через несколько лет приказано выслать оттуда всех замочных мастеров, из Белоозера записных каменщиков и кирпичников вместе с детьми и братьями и племянниками и соседями и захребетниками. В Москве известно, что есть тихвинец заварщик Ивашка Чаплан да замочник Прошка, которых и велено взять московским мастерам в прибавку в подкрепление. Из Астрахани вытребованы черкесы, искусно выделывающие булатные сабли и панцыри. Особенно часто требуются в Москву портные и скорняки. Последние в особенности необходимы были для отправки крымскому хану подарков—соболей, лисиц, куниц и белки («крымская кладь»). В 1658 г. был даже послан общий приказ по всем городам, посадам и уездам о доставке отовсюду портных мастеров в количестве двух из каждых десяти.

Провинция, правда, ведет решительную и упорную борьбу с таким обезкровлением в интересах Москвы, с отнятием у нее тяглого посадского населения. Прием применяется обычный в истории нашей—бегство, мастеровые люди скрываются и убегают от московских «разсыльщиков». Против этого принимаются правительством меры—мастеровых ловят, возвращают обратно в Москву, от местных жителей берутся поручные записи в том, что мастеровые не разбегутся.

В различных случаях оказывается, что присланные лица не годятся для указанной работы, хотя нам неизвестно, действительно ли произошла ошибка и одни попали вместо других или намеренно послали более слабых тяглецов, чтобы не трогать с места прочих, или наконец, челобитчики заявляют,

что они данного ремесла не знают, чтобы избавиться от отправки в Москву. Так напр., мастеровые из Бежецкого Верха бьют челом, заявляя, что «скорняшняго дела мы, сироты твои, делать отнюдь не умеем, а делаем, государь, овчинишко; ведомо, государь, про то всему городу и ныне, государь, мы, сироты твои, живучи на Москве, скитаемся меж двор».

Из Вологды все скорняки разбежались еще до получения грамоты, а взят был какой-то Тараска, которого кто-то «оболгал скорняшным делом напрасно», потому, что он не умеет делать «с младенчества» скорняжного дела. Калужские посадские люди заявляют, что после моровой язвы у них нет портных мастеров. Была составлена роспись двинским скорнякам и портным, но все они показаны в беглецах или в стрельцах. Из Саранска вместо скорняков и портных были посланы стрельцы и казаки, когда же их вернули обратно и потребовали настоящих мастеров, то скорняки оказались либо сбежавшими, либо арестованными в воровском деле, либо умершими или наконец, старыми и слепыми. Точно также из каргопольских мастеров один пошел в попы, другой постригся в монахи, есть слепые и немощные, многие «разбрелись в мир за великою хлебною скудостью безвестно». Бывали и такие случаи, когда из Москвы требовали высылки беглецов, тогда как они на самом деле проживали в Москве в слободах или в стрельцах. «А иные стали в стрелцы и в сторожи и многие подавали порушные записи, а живут в Каданове, и в Садовниках и в разных черных слободах. А ево великого государя годового хлебного и денежного жалованья тем рядовым мастеровым людем нет» [1]).

Как этим путем, так и в качестве захребетников и закладчиков в Москву прибывали ремесленники в значительном количестве. В результате в 1638 году в Москве было подсчитано 2367 человек, занятых промышленным трудом. Попадаются правда среди них один потешник и один гуселник, один аптекарь, четыре коновала, 12 охотников, один пильщик, 7 пастухов, 14 банщиков, но все это немногие исключения и, в отличие от приведенных выше данных по отдельным городам XVI века, они общую цифру не многим меняют. Исключить необходимо только 308 извощиков, в общем получится все же 2100 человек, занятых промышленной работой. Цифра таким образом оказывается весьма значительной, в особенности если сопоставить ее с приведенными выше данными

---

[1]) Довнар-Запольский, Торговля и промышл. Моск. госуд. XVI и XVII ст., 13 сл,

для других городов, где 400-500 ремесленников являлись уже очень крупной величиной. При этом дворцовые мастера сюда не вошли, речь идет об одних только тяглых посадских. Не включены также стрельцы, которые занимались в особенности строительными работами в качестве плотников, столяров, кузнецов, как не отмечены пришлые рабочие, которые являлись в Москву для сезонных работ нередко артелями в несколько сот человек—костромичи, ярославцы, картопольцы.

Наконец, цифры неполны еще и потому, что, как и следовало ожидать, перепись тяглого населения должна была вызвать противодействие со стороны различных элементов, которые «учинились сильны» и не желали давать о себе показаний, как напр., кузнецы и пушечные мастера.

Останавливаясь на отдельных группах промыслов, надо отметить, что названия в сущности почти те же, которые мы находили уже в XVI ст. в провинциальных городах, присоединяются лишь некоторые новые. Только в отдельных промыслах специализация идет несколько дальше, появляются в немногих случаях и новые производства и, наконец, различные виды мастерства представлены здесь, соответственно значительно большему количеству ремесленников вообще, и большим числом лиц.

Изготовление с'естных припасов в Москве в XVII ст. составляет всего 17 проц. общего числа мастеров, т. е. играет несколько меньшую роль, чем в приведенных выше данных, отчасти потому, что некоторые другие почти отсутствовавшие там группы в Москве отличаются большим развитием, отчасти и по той причине, что здесь речь идет лишь о приготовляющих хлебные продукты мастерах, тогда как мясники и рыбаки в их число не попали, будучи отнесены, очевидно, к торговцам.

Из 397 лиц этой группы большую часть и здесь, как и там, составляют калачники, хлебники, пряничники и пирожники, квасники (всего вместе 224), есть те же сытники, блинники, солодовники, пивовары, кроме того еще 50 просвирниц.

В изготовлении одежды и обуви и здесь мы совершенно не находим ни прядильщиков, ни ткачей—по указанной уже выше причине изготовления пряжи и тканей в пределах собственного городского хозяйства, как и вследствие приобретения их у пригородных крестьян или доставки последними в качестве оброка. Первую роль и в Москве играют портные (119) и сапожники (142), затем идут скорняки и шапочники (64 и 63). Есть сарафанники, покромщики, рукавишники, кафтанники, холщевники и даже особые подкладники, далее шубники, пушники, бобровники.

Среди мастеров кожевенного дела обращает на себя внимание крайне незначительное число кожевников—всего 9 и один выромятник, наряду со 142 сапожниками. Если не исходить из возможности пропуска большого числа кожевников, то надо предполагать, что сапожники, очевидно, занимались обычно и выделкой самых кож. В последнем случае получилось бы весьма отсталое состояние этого промысла, отсутствие разделения труда. А в то же время мы находим именно здесь довольно далеко идущую специализацию—не только седельников, но и уздников, шлейников, особых подошвенников, одного каблутчика, одного мочильщика (ременника) и 7 переплетчиков. Появление последних находится в связи с тем, что имеется уже книгопечатание, которое выражено 64 мастерами—наборщиками, печатниками и т. д.

В обработке дерева на первом месте стоят плотники (131 из 211), довольно много имеется клетников (30) затем по несколько человек обручников, тележников, колымажников,—специализация усилилась.

Новым промыслом являются стекольщики и зеркальники, тогда как каменщиков, гончаров, гребенщиков, печников очень мало; есть и два выделывающих бумагу мастера.

Гораздо больший процент, чем в приведенных нами относительно XVI ст. данных, составляет обработка металлов—она превышает четвертую часть всех мастеров. Насчитывается много новых специальностей—на ряду с серебрениками выделившиеся из них алмазники, далее сусалники, канительщики, рядом с иконниками особые крестецники и золотописцы, особенно же много мастеров и специальностей по обработке неблагородных металлов, преимущественно железа. Среди последних преобладают кузнецы (113) и еще более пушкари (248 из 497, т. е. половина обрабатывающих неблагородные металлы). Кроме того имеются паникадильщики, паяльщики, колокольники, трубники, бронные мастера, замочники и единичные ремесленники в виде удильщиков, точильщиков, решеточников и т. д.

В металлическом промысле встречается и один из немногих случаев такой формы разделения труда, где мастер не изготовляет, как во всех прочих случаях, всего предмета от начала до конца, а выделывает лишь некоторые части его. Так если одновременно с серебрениками, которые прежде выполняли всякие работы из золота, серебра, жемчуга, в том числе оклады для икон (хотя были уже и иконники), теперь упоминаются и особые золотых дел мастера, алмазники, крестецники и т. д., если появляются особые просвирницы, осо-

бые колокольники или паникадильщики, то во всех этих случаях какой-либо промысел разбивается между рядом мастеров, из которых каждый имеет более ограниченное поле деятельности, чем прежде (специализация). Мастер изготовляет только золотые вещи или даже кресты, производит одни лишь просвирни, паникадила или вместо всевозможных кожевенных предметов одни только уздечки или шлеи, вместо всякого рода возов только телеги или только колымаги. Но все же он выполняет целиком всю работу, нужную для изготовления данного предмета, все процессы, необходимые для того, чтобы получилась годная для потребления вещь, будет ли то крест или уздечка, колокол или телега, или сарафан. Мастер специализируется на определенных предметах, но сохраняет свою полную самостоятельность, не завися от других работников.

Совершенно иначе обстоит дело там, где мастер уже не может изготовить всего продукта, а ограничивается лишь определенными процессами или известными частями годного для потребления предмета. Относительно случаев первого рода, где мастер приобретает у своего предшественника полупродукт и, выполнив те или другие операции, передает его дальнейшему, сбывая его в не вполне готовом для потребления виде, мы имеем данные из области иконописного ремесла. Икона зачастую проходила через руки 6—10 мастеров, прежде чем получала свой окончательный вид. «Левкащики» приготовляли грунт на доске для живописца, «знаменщик» составлял композицию рисунка; «золотописцы» золотили фон иконы, после чего уже начиналась работа собственно живописцев, в которой находим также несколько последовательных процессов, совершаемых различными мастерами: «доличные» писали одежды, здания, «травщики»—пейзажи и иную иконную обстановку, наконец, «лицевщики» писали лики[1]).

Далее в других промыслах мы замечаем такие случаи, когда мастер производит лишь часть предмета, следовательно, создает нечто непригодное в таком виде для потребления, нуждается в помощи других, изготовляющих прочие части, и в человеке, выполняющем сборку самого предмета. Именно самопальные мастера разделяются на ствольников, станочников и замочников, из которых каждая группа выделывает лишь часть оружия, но отнюдь не все ружье (самопал) полностью. Равным образом имеются особые пушечные резцы и особые пушечные литцы и наконец спе-

---

[1]) А. Введенский. Заметки по истории труда на Руси 16—17 века. (Архив истории труда в России, кн. 3, стр. 64).

циальные пушечные кузнецы, так что и выделка пушек разбита на несколько операций и находится в руках различных мастеров.

В других группах можно предполагать разделение труда такого же рода, читая о специальных мастерах подошвенниках и каблучниках; и тут речь идет о выделке только части предмета, не всего сапога, а лишь подошв или каблуков.

Но эта форма разделения труда, предполагающая сравнительно значительное развитие промышленности, находится здесь в зачаточном состоянии. По общему правилу мы имеем лишь то, что именуется специализацией (выделка предмета от начала до конца) и специальностей хотя и насчитывается весьма много, но все же большинство из них представлено всего одним—двумя мастерами. Последнее является доказательством того, что специализация еще не вполне установилась, что в большинстве случаев одни и те же мастера выделывали предметы различного рода и на ряду с ними лишь в виде исключения появились другие, которые занялись только определенной более узкой—составляющей часть промысла первых—специальностью.

Так если мы находим всего одного собольника или одного золотых дел мастера, то мы имеем основание предполагать, что соболья меха, весьма распространенные в те времена, изготовлялись теми же скорняками, а предметы из золота—серебряниками. Другое дело если имеется 43 пряничника и пирожника или 30 клетников—очевидно изготовление пряников и пирогов отделилось от производства хлеба и калачей, а выделка клетей выделилась из плотничьего промысла в качестве особой специальности. В других случаях, впрочем, вопрос остается открытым, ибо мы не знаем, об'ясняется ли напр. наличность всего трех замочников или 4 кафтанников тем, что кузнецы выделывали и замки, а портные шили также кафтаны или тем, что замков и кафтанов изготовлялось вообще мало или наконец тем, что кафтаны шились в собственном хозяйстве людьми бояр и иных вотчинных владельцев.

Вообще, как можно усмотреть из приведенного выше, главную роль в появлении новых специальностей играли, повидимому, нужды духовного свойства, вызываемые церковными обрядами. Так мы видели, что в области приготовления продуктов питания вновь появилась целая группа просвирниц, ранее не встречавшаяся, в области работы по металлу—паникадильщики, колокольники, в иконном деле—производители крестов. Надо думать, что и вновь появляющиеся сте-

кольщики работали по преимуществу для церковных надобностей, ибо в домах светских лиц еще преобладали окна из слюды.

Что и специализация находилась еще в начальной стадии, можно усмотреть из того же промысла по обработке металлов, в области которого мы находим зачатки расчленения работы между несколькими мастерами, изготовляющими отдельные части товара. Именно в переписи московских кузниц, как принадлежащих посадским людям, так и беломестцам, произведенной в 1641 году (три года спустя после общей переписи посадских людей), было зарегистрировано 152 кузнечные мастерские, из которых однако 24 стояли впусте. В действующих же 128 кузницах оказалось 172 человека хозяев, арендаторов кузниц и наемных рабочих.

При этом выяснилось, что в огромном большинстве кузниц, именно в 91 из 128, т. е. почти в ¾ всех работавших кузниц производилось всякое мелкое и черное кузнечное дело, т. е. всевозможная работа из железа, подковы, топоры, замки, ножи. Этим, очевидно, и об'ясняется тот факт, что в переписи 1638 г. отмечен всего один подковщик, всего один ножевник и 3 скобельника (тоже выделывающие ножи), один оковщик, один пряжник, один латный мастер, три замочника и т. д. Все эти работы по общему правилу выполнялись во всякой кузнице. Только 20 кузниц ограничивались выделкой подков, четыре—производством ножей, две выделывали сабли и две топоры. Три кузницы вырабатывали мельничные снасти, и три сапожные скобы—эти две специальности, требующие особого уменья, должны были отделиться от прочей кузнечной работы. В одной кузнице показано было производство и оружия и замков и разного черного дела, т. е. всевозможных предметов, как это было обычным для кузниц в те времена. Таким образом здесь подтверждается предположение, что делались еще только первые шаги в области более значительной специализации, что процесс выделения из работ по данного рода материалу только определенных и отказ мастера от изготовления прочих, им ранее производимых, товаров находился еще в первых стадиях.

Любопытно, что из 128 работавших кузниц в 83 работал сам владелец, а в 6 владелец вместе с наемными рабочими (в пяти кузницах по одному рабочему, в одной два рабочих). В 39 кузницах владельцы не работали, причем в 15 были наемные рабочие (в двух по два, в остальных по одному), остальные 24 сдавали в аренду, причем имели по одному рабочему (одна двух рабочих). Получается 83 кузнеца-вла-

дельца мастерской и 49 рабочих; большинство мастеров работают одни, без наемных рабочих.

Это подтверждается отчасти записями относительно платежа пятинных денег в 1634 г., когда на 626 посадских ремесленников приходилось 158 захребетников; последние в большинстве случаев работали у хозяев. Наибольшее количество их имелось среди кузнецов—24, далее 11 сапожников, 8 портных, 7 скорняков.

На иностранцев московские ремесленники производили впечатление бедноты: «для их плохой жизни требуется не много и они трудами рук своих добывают себе в такой большой общине, как Москва, денег на пищу и на чарку водки и могут пропитать себя и своих родных». И в то же время картина жизни московского мастерового того времени получается такая, что он «изделие свое продает, когда придется, скитается по чужим дворам и пьянствует». У Федьки-сапожника «двора на Москве нет, живет по чужим дворам, а в ряд де он Федька приходит к ним (в сапожный ряд) недели в две и три и в пять и в десять... У стрельца у Петрушки Артемьева он в прошлом во 175 году (1667 г.) из зени шесть рублев денег вынял, а как де он Федька напьетца пьян, и он де Федька со многими людьми деретца».

Иностранные путешественники рассказывают также о московских мастеровых, что они живут в курных избах на окраинах города. Правда, в большинстве случаев они жили в собственных избах, но избы эти были очень незначительных размеров и большей частью мастеровые не владели целым дворовым местом, а только частью его, половиной, четвертью и даже восьмухой, т. е. «целый ряд небольших избенок занимал собою то же небольших размеров московское дворовое место». Были среди них однако и такие, которые вообще не имели избы, а нанимали ее, или даже часть ее (подсоседники), в одной маленькой избе жили 4-6 мастеров, иногда и более, (9 сапожных мастеров костромичей). При найме избы фигурируют поручители: «живучи в нем (снято помещение из подклета с сеньми) ему, Никите, в том подклете вином и табаком не торговать, в карты не играть и с воровскими людьми не знатца и, отжив год, тот подклет с сеньми очистить и наемные деньги по срокам заплатить все сполна безубыточно»[1]).

М. В. Довнар-Запольский приводит и распределение московских ремесленников по степени состоятельности, на основании пятинного сбора 1634 г., раскладываемого по жи-

[1]) Довнар-Запольский. Торг. и прем. Москвы, 70.

вотам и промыслам[1]). Оказывается, что самыми бедными являлись портные, в среднем уплатившие налога в ⅔ руб., наравне с извозчиками, пильщиками, наемными ярыгами и т. д. Немногим выше стоят сапожники, плотники, хлебники (1-1½ руб.). Состоятельнее их скорняки, кожевники, в особенности же кузнецы, платившие в среднем 6-7 руб. Наибольшими средствами обладают серебреники, из которых каждый был обложен в среднем в 18 руб. Вообще от 5 до 15 руб. внесено 60 мастерами, а с 35 причиталось свыше 15 руб. Отдельные же мастера и в серебряном, и в кожевенном, и в кузнечном промысле уплачивали гораздо больше, свыше 30 и даже 50 руб., т. е. их средства превышали 150-250 руб., что равнялось 3-5 тысячам руб. (золотом) в начале XX ст., один кузнец даже имел 500 руб., т. е. 10 тыс. на совр. деньги (золотом).

Несравненно беднее захребетники, работавшие у мастеров—только в немногих профессиях находим сбор с них в размере в среднем 1 рубля, сбор свыше 3 руб. составляет среди них редкое исключение, таких имеется всего 4 из 158. Гораздо ниже, чем у посадских мастеров, оказывается, на основании того же сбора пятины, степень состоятельности и патриарших крестьян, занимающихся промышленной деятельностью. Их насчитывается 238, причем представлены те же специальности, что и среди посадских ремесленников, но почти вся масса их уплатила не свыше 3 руб. налога, свыше 5 руб. уплачено всего 30 мастерами.

В Туле мы имеем приблизительно к тому же времени (1625 г.) следующую картину. 40 проц. всех мастеров составляют наемные рабочие, из каждых пяти ремесленников двое занималось по найму у хозяев. Так обработка металлов была значительно развита, насчитывается 51 человек занятый в кузницах. Но из них всего 10 человек или только пятая часть самостоятельна, 17 «наймуютца работать в кузницы», 24 «делают и ярыжничают в кузнице». Из 10 самостоятельных мастеров в области работы по металлу 5 «делают ножишка», 2 «делают ножнишка», один кузнец, один сапожник и один серебреник. Вообще в Туле мы находим довольно много мастеровых, не имеющих «своих животов», о которых говорится: «питаетца по миру», «скитается меж двор»[2]).

---

[1]) Там же, 84 сл.

[2]) Белоцерковский. 164 сл.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Союзное начало в русских промыслах до Петра Вел. и созданные Петром цехи.

В 1722 году Петр Великий, вводя новые городские учреждения, разделил всех «регулярных» граждан на две гильдии, отнеся к первой всех крупных, знатных торговцев, а также докторов с аптекарями, шкиперов, золотых и серебряных дел мастеров и живописцев, а ко второй—всех мелочных торговцев и ремесленников. Последние далее подразделялись еще на отдельные общества на основании однородности мастерства: «каждое художество или ремесло свои особые цунфты (цехи) или собрания ремесленных людей имеет, а над оными—альдерманов» (старшин); число последних зависело от «величества города и числа художников» (ремесленников). Альдерманы ведут цеховую книгу «записывая в нее всех ремесленников своего цеха и смотрят за тем, «дабы всякий свое рукоделье делал добрыми мастерствы» [1]).

Каждый цех состоит из членов двух категорий, членов полноправных и неполноправных. К первым принадлежит все мастера цеха, т. е. имеющие право производить ремесло самостоятельно и держать подмастерьев и учеников; последние обе группы составляют категорию неполноправных членов. Для учеников установлен семилетний срок пребывания у мастера, после чего ученик получает у мастера удостоверение в знании ремесла; о прохождении стажа подмастерья ничего не говорится. Звание же мастера дается лишь после успешного испытания, которое производится «как в чужих краях».

Таким образом Петр Великий заимствует с Запада, преимущественно из Германии, цеховую организацию ремесла с ее делением на мастеров, подмастерьев и учеников, определяет срок ученичества и устанавливает испытание на звание мастера. Никаких других требований к кандидату на звание мастера им однако не предъявляется и не ставится для получения этого звания никаких препятствий. Вообще в цехи могут вступать все, кто угодно—«ремесленники всяких художеств», русские поданные и иностранцы, люди «всяких чинов», не исключая и владельческих крестьян; только по-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3708. 3980.

следние при записи в цех должны представить старшине цеха «отпускные письма от помещиков или прикащиков».

Введение цехов на иностранный манер соответствовало тем пожеланиям, которые высказывались еще в XVII ст. Юрием Крижаничем, а позже современником Петра Иваном Посошковым. Первый рекомендовал для пользы промышленности ввести цехи в России. Второй жаловался на то, что заграницей, благодаря существованию цехов, «мастеры добры и похвальны», у нас же, «отдавшись в научение лет на пять или шесть и год места или другой пожив, да мало-мало поучась, и прочь отойдет, да и станет делать особо, да цену спустит, и мастера своего оголодит, а себя не накормит, да так и век свой изволочит; ни он мастер, ни он работник». По его мнению, необходима регламентация производства, надо бы учинить такой «гражданский указ», чтобы всякий «давшись к мастеру в научение, жил до уреченного сроку, а не дожив не то что года, а и недели не дожив, прочь не отходить и не взяв отпускного письма и после сроку с двора не сходит, то бы все мастеры ни в том бездельном порядке были, но совершенными добрыми мастерами бы были» [1]).

Создавая цеховую систему, перенес ли Петр Вел. «на русскую почву чуждые ей цеховые учреждения западно-европейского торгово-промышленного населения», как утверждает Дитятин [2]), или же дал лишь «более ясное и точное определение законом» того, что издавна существовало, по обычаю, в русском народе, как указывал еще Лешков [3])?

В Новгороде и Пскове уже в XIV—XV ст. встречаем «дружины», которые состояли обыкновенно из главного мастера и его «другов», «дружинников» или рядовых рабочих. «Повеле владыка Василий писати церковь... Исаию Гречину с другы». «Псковичи наняша мастеров Федора и дружину его побывати церковь святая Троица свинцом, новыми досками». «Пожаловал есмь сокольников Печерских, кто ходит на Печеру, Жилу с други, а се их имена» (19 человек). «Плотникам жалованья: Дороху, Грише, Дмитру, Харке, Демеху,—дано им по полтине Московской; Олоху—4 гривны Московские, а дружинником жалованье... дано им по 10 алтын [4]).

Мы уже упоминали выше об артелях плотников и каменщиков, о поселках, улицах, концах (слободах) гончаров, ко-

---

[1]) Посошков. О скудости и о богатстве, гл. V. О художестве. (Изд. под ред. Киземеттера, стр. 60).

[2]) Дитятин. Устройство и управление городов России, I. 268.

[3]) Лешков. Русский народ и государство, 266.

[4]) Никитский. Экон. быт Вел. Новгорода, 84—85.

жемяк, плотников в древнем Киеве и Новгороде. Эти совместные поселения, вполне аналогичные тем, которые мы находим в западно-европейских городах в средние века, не менее, чем наличность артелей и дружин, свидетельствуют о том, что различные виды наших промыслов уже рано организовались на союзном начале и последнее, следовательно, вовсе не являлось для них чем-то чуждым, искусственно им привитым.

Нередко указывают на то, что артели у нас имелись только в области таких промыслов, как рыболовный, звероловный, плотничий, которые имели характер отхожих промыслов, тогда как в оседлых промыслах мы таких организаций не встречаем. Однако, прежде всего оказывается, что отхожими являлись у нас и многие другие промыслы, в том числе и такие, которые производились в избах самих мастеров. Так напр., в Медынском уезде Калужской губернии мы находим ряд производств, имеющих издавна такой характер. Крестьяне отправлялись на юг для выделки овчин и привозили с собой оттуда много шерсти, начесываемой при выделке овчин с каждой шкурки. Отправляясь на работы на юг России или в западные губернии, овчинники берут с собой и большое количество самопрялок в разобранном виде и придя на место, их собирают и продают. Те же овчинники везут с собой и дуги, и благодаря им же, в Медынском уезде развилось и сапожное производство, ибо сапожники продают в значительной мере свои произведения овчинникам, а те берут их с собой в южные губернии [1]).

Мало того, мы находим и самые артельные организации в различных отраслях промышленности. В Выездной слободе Арзамасского уезда, Нижегородской губернии, сапожники стали уходить на сторону, преимущественно в низовые поволжские города, причем устраивались эти переселенцы не в одиночку, а целыми группами. «Жили сапожники в городах колониями, имели своих собственных старост, которые заведывали их сношениями с выездно-слободским обществом и помещиком». «Не следует, конечно, думать, что лишь необходимость сношений с обществом и помещиком побуждала переселенцев Выездновской слободы держаться вкупе, жить миром, выбирать старосту. Они перенесли лишь на новое место те порядки, тот образ жизни, к которому они привыкли на родине, и имели, конечно, все основания это делать, так

[1]) Труды комиссии по кустарн. промышл. VI. 35. 105.

как на чужбине сплоченность и взаимная солидарность несомненно могли и должны были приносить им пользу» [1]).

Подобным же образом из Буйского уезда Костромской губернии с давних пор ходят в разные концы России точильщики. Уходят они по окончании полевых работ и возвращаются к Петрову дню, к сенокосу. Точильщики везде садятся артелями. Вновь приходящие присоединяются к своей артели, чужие в артель не принимаются. Живут человек по 8-15 в одной комнате. С вечера собираются деньги на харчи, и утром закупается на общий счет провизия [2]).

Конечно, не только принудительный характер (обязательность вступления) западно-европейских цехов был совершенно чужд нашим союзным организациям, но и вообще утверждать, что наши дружины и артели были ничем иным как цехами, значит заходить слишком далеко. Но—как мы видели—Петр Великий был далек от переселения западноевропейского института на русскую территорию в полном его составе. Он заимствовал лишь некоторые основные положения—обязательность ученичества, выбор старейшин, необходимость свидетельства от мастера и известного испытания для права на открытие собственной мастерской, и только. Всего остального, всех многочисленных правил иностранных цеховых уставов (см. об этом ниже), всей сложной регламентации жизни ремесленника в самых разнообразных направлениях, связанной с цеховым строем, он совершенно не коснулся, о них ничего не упоминается. Что же касается тех немногих моментов, которые регулируются петровскими указами, то они вполне имели почву под собой в истории русского ремесленника и в значительной мере уже ранее существовали у нас в силу обычая, отчасти и на основании различных законодательных актов.

Это положение подтверждается и теми данными, которые имеются относительно ремесла в Москве в XVII веке [3]). Здесь мы встречаем уже то самое ученичество, которое, по петровскому регламенту, является обязательной стадией для желающего получить звание мастера и в области которого Посошков—как приведено выше—находит значительные непорядки. Упоминается и о подмастерьях, о которых и петровская реформа говорит лишь вскользь, не нормируя этой стадии работ.

---

[1]) М. И. Кулишер. Цехи у нас и в Европе. Рус. Мысль. 1887 кн. XI, 51.

[2]) Там же.

[3]) Довнар-Запольский. Организация Московских ремесленников в XVII в. Журн. Мин. Народн. Просв. XXIX. 1910.

Сущность записей учеников на житье у мастера обычно заключается в определении числа лет, какое ученик должен прожить у мастера—обыкновенно пять лет—и указании на обязанность мастера выучить своему ремеслу ученика. Ученик иногда обязуется и по окончании учения прожить известное время у мастера, очевидно, уже в качестве работника. Иногда ученик ничего не получал за работу, иногда же он получал пожилое или наемную плату. Так, ученик скорняжного дела, по записи 1695 года, должен был прожить пять лет у хозяина в ученьи, шестой год уже в работе, а при уходе должен был получить пожилого 10 рублей, кроме того мастер, обязывался одеть и обуть ученика «по силе». В другом случае ученик колокольного дела, по записи 1684 года, получал по 5 рублей в год, причем деньги он мог взять только отжив все годы. Во время ученья ученик ест и пьет все хозяйское и носит хозяйскую же одежду. Он обязуется хозяина, его жену и детей во всем слушать, исполнять как работу по мастерству, так и всякую дворовую работу. Мастер получает право, в случаях непослушания, «смирять по деля смотря». Кроме того следует обычное обязательство относительно береженья хозяйского добра и хозяйских животов [1]).

Когда ученик какого-нибудь ремесла выучивался своему делу, то дворцовые приказы наводили справку у мастера и приказные люди старались убедиться в том, насколько ученик успел обучиться своему ремеслу. Резать гребни—читаем в одном случае—Сенька выучился, умеет по «кости знаменить травы, звери и клейма и по ознаменке режет сам собою». Дворцовые приказы охотно награждали мастеров прибавкой жалованья и корму за их раденье в обучении учеников и не менее тщательно сыскивали таких учеников, которые пробовали бежать от мастера.

Более всего сохранилось сведений о корпоративном устройстве московских серебренников. Центром корпорации был торговый ряд, который об'единял и производителей и торговцев этого рода. Во главе его стоял рядовой староста, который обязан «беречь и смотреть над торговыми людьми и серебряного дела над мастер». Всякий, кто желал вступить в состав ряда, «своим ремеслом кормиться», обязан был дать на себя поручную запись старосте и при записи делать на пробу всякие дела. Ученики, «придя в совершенство», обязаны были брать с своих мастеров особые письма, на основании которых их записывали. Поручные записи определяют,

---

[1]) Довнар-Запольский, Орган. моск. ремесл. 134—6.

что мастер обязуется «делать в серебряном ряду образцовые пугвицы однорядошные и опашневые серебряные в чистом серебре и в серебро медь и свинцу не мешать и приносить свово дела серебреного ряду старостам на оказ». Последние наблюдают за качеством работы—чтобы серебро было «против любского (любекского) ефимка (ефимок—монета)». Они определяют качество и пробу серебра и удостоверившись в том, что медь к серебру не подмешана, а к золоту не прибавлено олово, «орлят» принесенную вещь, т. е. ставят на ней пробирный штемпель. Мастера подлежат вступительному взносу; каждый мастер должен иметь свое клеймо, которое обязан ставить на всякой своей работе.

Лица, не записанные в состав ряда, не могут заниматься производством и торговлей серебряных изделий: «стрельцам и боярским людям в лавках сидеть не велеть и серебряными делами не торговать». На самом деле это правило нарушалось: «всяких чинов люди торговые у овощного ряду, под столбцами и на кресцах выжигою и всякою серебреною посудою и ветошным серебром и серебреными слитками торгуют».

При этом наказ 1679 г. требует, чтобы серебреники были готовы «без ослушания к государеву делу», почему они без государева указа не могут уезжать из Москвы. В связи с этим, а также с тем фактом, что правительство призывает рядовых старост для определения цен товаров, приобретаемых государевой казной, является весьма правдоподобным предположение, что хотя создание такой организации серебреников «преследует цели административные», но это «лишь внешний налет», «сама идея такой организации едва ли принадлежит московским приказам», «приказная бюрократия лишь использовала в своих целях и видах более старую бытовую организацию». Мы имеем здесь перед собой «известного рода изолированность от остального посадского люда и от не посадских элементов, закрепление серебряного и золотого дела исключительно в руках известной группы лиц» [1]).

Помимо серебряного ряда, относительно которого до нас дошли некоторые сведения, так как он был подчинен серебряной палате, мы имеем отрывочные данные и относительно других рядов. Так в красном сапожном ряду производится сыск о сапожном мастере Федьке, «добрый ли он человек» и нет ли за ним «какого воровства». «Скорняжного ряда торговые и мастеровые люди, которые делают белку и на ка-

[1]) Довнар-Запольский, там же, 144.

женном дворе делают государево дело кунницы и соболи и горностаи», дают поручную запись по скорняке Екиме Цибине в том, что Цибин человек добрый и может ехать с государевой мягкой рухлядью в Крым (с подарками для хана).

Упоминается далее шапошник, «мастер женского шапошного ряду», старосты и десятские овощного ряда. Грамотой 1684 г., изданной по просьбе котельного ряда, подтверждается старинный порядок торга в этом ряду красной и зеленой медью, котлами и всякого рода медными и оловянными товарами. В других рядах и по крестцам торговать этими товарами воспрещалось. При этом грамота ссылается на всю предшествующую практику московского правительства, по которой торговля определенными товарами разрешалась только в определенных рядах.

«По переписной книге 1638 г. среди целого небольшого поселка плотников зарегистрированы и дома двух плотничьих старост, что является указанием на организованность мастеров этого дела. Если представители такого ремесла в силу тех или других причин поселялись в одном месте, то ремесленная организация сливалась с территориальной. Так, сыромятники Конюшенной слободы имеют своего старосту. Небольшая овчинная слобода имеет своих старост и представляет собою отдельный мир, производящий особо раскладку государевых податей» [1]).

Таким образом известная почва для цеховой организации в том упрощенном виде, как она была создана Петром, была подготовлена, известные формы единения среди промышленного населения и у нас существовали. А в связи с этим и предположение, что закон 1722 г., посвященный устройству цехов и предписывающий образовать цехи в Петербурге и Москве, а затем и в других городах, остался мертвой буквой—что должно было бы иметь место в случае неподготовленности к тому русской жизни—не подверждается документальными данными. Мы встречаем уже в 20-х г. XVIII ст. цехи в различных провинциальных городах—в Белоозере (цехи 11 наименований в составе 70 мастеров), в Дмитрове (портняжный, свечной и иные цехи), в Саратовском посаде, в Твери, где находим целых 930 человек цеховых разных промыслов. В Пскове магистрат в том же 1722 г., когда издан был указ о цехах, донес, что пополнение цехов идет очень туго, и что псковичи предпочитают заниматься ремеслами без записи в цех; главный магистрат предписал не записавшимся в цехи не дозво-

[1]) Довнар-Запольский, ук. ст.

лять мастерства. Точно также, когда в Орле обнаружилось 27 человек канатных мастеров, не записавшихся в цехи, то по просьбе канатного цеха орловский магистрат постановил или отобрать у тех мастеров подписку о поступлении в цех или запретить им мастерство.

Как мы видим, не только цехи вводятся в самых разнообразных городах, но и осуществляется принцип принудительного вступления в цех. Но принцип этот, повидимому, проводился все же не повсюду и не вполне последовательно, ибо Елизаветинская комиссия по составлению проекта нового уложенья жаловалась на то, что цеховая организация не защищает цеховых ремесленников от конкуренции мастеров, не входящих в цех. И точно также ряд депутатов Екатерининской комиссии 1767 г. сильно настаивал на обязательности записи в цех вечно для всех, занимающихся данным промыслом. Такие не записанные в цех мастера делают подрыв цеховым, так как не уплачивая цеховых сборов, могут довольствоваться более низкой ценой за свои товары, отсутствие же надзора за их деятельностью лишает потребителей гарантии в доброкачественности их изделий.

Сенат в 1760 г. заявлял, что цехи находятся в полном расстройстве. На самом деле, как видно из приводимых А. А. Кизеветтером данных по второй ревизии (1742 г.), цехи существовали в целом ряде посадов—в 10 посадах (из 51) Московской губернии, в 12 посадах (из 21) Новгородской, в 11 (из 18) Белогородской, в 8 (из 24) Воронежской, в 4 (из 7) Нижегородской, в 17 (из 27) Казанской, в 4 (из 5) Смоленской, во всех 7 посадах Астраханской губернии и т. д. При этом во многих городах цехи включали в себе значительное число мастеров—в Казани 1221, в Симбирске 1183, в Саратове 960, в Курске 515, в Тобольске 509, в Астрахани 453, в Сызрани 379. В Петербурге их насчитывалось 709, в Москве же всего 117, меньше чем в Коломне, Путивле, Царицыне, Торопце, Пензе, Ставрополе.

В некоторых городах они составляли значительный процент всего населения посада—в Рыльске, Путивле, Алатыре, Астрахани, Кизляре, Свияжске, Саранске, Пензе, как и Петербурге свыше пятой части посада, в Царицыне, Симбирске, Сызрани, Самаре, Челябинске, Чебоксарах более 30 проц., в Казани 40 проц. В Саратове и Ставрополе половина посадского населения, в посадах Оренбургской губернии Исетске и Шадринске все население, впрочем весьма маленькое (21 и 34 чел.) состояло целиком из цеховых мастеров. Напротив в таких городах, как Москва, Рязань, Тула, Торжок, Белозерск,

Орел, Воронеж, Елец, Вологда цеховые мастера давали не более 1—1½ проц. населения посада [1]).

Если, несмотря на распространение цехов, правительство все же не было довольно результатами цеховой организации, то причина заключалась, повидимому, в том, что цехи, по заявлению различных органов, плохо выполняли свое служебное назначение, т. е. ту задачу, которая в первую очередь имелась в виду при их учреждении. Им ставилось в вину, что они не развивают именно тех производств, которые нужны казне и поставляют казне изделия неудовлетворительного качества. Исполнение казенных работ составляло обязанность цехов и от поступающих в цехи лиц требовалась подписка в том, что «они будут во всякой готовности, ежели когда потребуются для отправления казенных работ». Между тем, когда в 1761 г. был предпринят ремонт полов в зимнем дворце и велено было собрать всех мастеров петербургского столярного цеха, то оказалось, что они разобраны по различным казенным работам. Тогда сенат распорядился переписать всех русских и немецких мастеров людей вольных и отпущенных с паспортами, живущих у обывателей и своими дворами и представить этот список в сенат для учреждения из них порядочных цехов. Сенат жаловался и на то, что «много портных для роскоши, а для шитья на армию мундиров почти не находится. Поставляемые на армию повозки, окованные лучшим железом, редко доходят до места [2]).

С другой стороны, это привлечение к казенным работам отпугивало мастеровых от вступления в цехи, почему при выработке проекта уложения в Елизаветинской комиссии предлагалось отменить эту повинность цеховых, «чтоб мастеровые люди к записанию себя в цехи больше охоту имели».

В результате мы замечаем «слабое численное развитие класса цеховых и весьма большую неустойчивость цеховой организации». Такой вывод получается при сравнении данных второй ревизии (1742 г.) с результатами третьей ревизии (1762 г.). Так, по третьей ревизии оказались цехи во многих посадах, где их раньше, за 20 лет до того, не было, но зато в других посадах они за это время успели исчезнуть. Напр., по Московской губернии не упомянуто более цеховых в Коломне, Суздале, Туле, Веневе, Рязани, Пронске, но вновь появились они в Костроме, Угличе, Кинешме, Калуге и еще

---

1) Кизеветтер. Посадская община в России XVIII ст. 1903, стр 162 сл.
2) Кизеветтер, там же.

4 посадах. В Новгородской губернии цеховые показаны в 15 посадах, а именно сверх поименованных, по второй ревизии еще в трех. По Смоленской губернии они имеются в прежних пяти посадах и кроме того в Вязьме. По Воронежской губернии в трех посадах они исчезли, а в трех других вновь появились. И то же самое наблюдается по остальным губерниям.

Такие же колебания находим в цифрах. Поскольку цехи оказываются и по второй и по третьей ревизии в том же посаде, в одних случаях замечается возрастание их количества, в других напротив, сокращение. В Москве число их возросло с 117 до 396, в Петербурге упало с 709 до 265, сильное увеличение отмечено в Ярославле (с 61 до 388), Ельце (с 31 до 324), Арзамасе (с 86 до 421), Трубчевске, Олонеце, Торжке, Вятке, резкое понижение в Казани (вместо 2211—476), Саратове, Астрахани, Царицыне, Нижнем-Новгороде (вместо 226—69), Симбирске (вместо 1183—669), Самаре, Пензе.

Цехи то заводятся вновь, то исчезают, численность их членов колеблется вверх и вниз. Цеховой режим не успел прочно установиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Цехи Западной и Южной России в XVI—XVIII ст. и Ремесленное положение Екатерины II.

В противоположность Великороссии, в южной и в особенности западной России, в нынешних губерниях Виленской, Витебской, Подольской, Могилевской, Волынской, отчасти и Киевской, мы находим с XVI ст. заимствованную почти полностью с Запада цеховую организацию ремесла. Западноевропейские цеховые институты вместе с Магдебургским правом были перенесены в города этих областей из Пруссии и Польши. Цеховая система здесь широко распространилась; по примеру Германии, Франции и других стран, в цехи объединились не только ремесленники, но и врачи и фельдшера, с одной стороны, нищие, с другой стороны[1]).

В свою очередь, и в Великороссии совершается реформа цехов при Екатерине II. Жалованная грамота городам 1785 г.

---

[1]) Кизеветтер, 165 сл.

[1]) См. Клименко. Западно-русские цехи. Киевск. Университ. Извест. 1914. I—II. III—IV. М. И. Кулишер. Цехи у нас и в Европе. Рус. Мысль. 1887. XII.

имеет целью восстановление «пришедших в несостояние цехов», создает новую организацию ремесл в цехах или ремесленных управах, значительно обстоятельнее регламентируя их деятельност, чем это было при Петре Великом.

Остановимся несколько подробнее, с одной стороны, на цехах южной и в особ. западной Руси в XVI-XVIII ст., а с другой стороны, на Ремесленном положении, изданном при Екатерине II в 1785 году, сопоставляя их с цеховой организацией в западно-европейских, преимущественно немецких городах, откуда и та и другая цеховая система была перенесена на русскую (отчасти литовскую) почву.

В западно-европейских цеховых уставах средневекового периода всегда отводится много места обязанностям цеховых мастеров духовного свойства; наиболее старые статуты говорят даже почти исключительно о церковных делах и к ним лишь в виде дополнения прибавлены некоторые определения технического характера. Все цехи имеют святых в качестве патронов, часовни, алтари, ставят свечи, устанавливают взносы на церковь, штрафы воском и вином, предназначенным для целей богослужения. Они знают обязанность участия своих членов в богослужениях и религиозных процессиях, на панихидах и заупокойных обеднях. В этом отношении «цехи всех стран поразительно похожи друг на друга и при чтении их уставов так и кажется, что цехи учреждены исключительно для спасения души своих членов».

В южно-русских и западно-русских цеховых уставах эта роль церковного момента сильно отразилась. Если в дошедшем до нас списке расходов могилевского цеха пекарей и отсутствуют некоторые важные статьи, почему доля расходов на церковные нужды оказывается преувеличенной, то все же тот факт, что расходы этого рода достигают почти двух третей всех расходов цеха, свидетельствуют о том, что русские цехи заимствовали в полной мере эту сторону деятельности у своих предшественников — западно-европейских цехов. Это подтверждается и записной книгой соединенного цеха портных и скорняков («шевского, кравецкого и кушнерского») в Золотоноше—расходы шли почти исключительно на потребности церкви. Повсюду цехи обязаны были хоронить своих членов и иметь все необходимые для этого принадлежности—сукно, аксамит, свечи, в полном составе участвовать в похоронной процессии. Все цеховые статуты обязывают своих членов участвовать в церковных процессиях в определенные праздники, причем в этих процессиях строго соблюдался порядок по старшинству. В уставе портняжного цеха в Каменце

1723 г. говорится, что члены цеха имеют свой особый алтарь в честь св. Мартина, как упоминается и об обязанности их присутствовать на поминаниях умерших членов и их семейств четыре раза в году. А в грамоте сапожного цеха в Юзефграде (Балте) вообще все повинности членов цеха исчерпываются тем, что они обязаны нести расходы на четыре поминания в году и каждое воскресенье и во все праздники ходить в церковь, присутствовать на похоронах и церковных процессиях и носить, когда это нужно, свечи.

Виленские цехи обязаны были поставлять свечи во всех торжественных богослужениях и штрафы за нарушение цеховых правил у них устанавливаются воском и обращаются на костел. Большая часть из них имеет свой алтарь и снабжает его всем необходимым, другие устраивают его вкладчину, напр., стекольщики вносят треть расходов цеху столярей. Иногда цеховые доходы делились между «греками» и «римлянами». В большинстве случаев в виленских цехах устраивался, однако, только один алтарь в католическом костеле, хотя в состав цеха входили обычно также православные и униаты. Но иногда на этой почве возникали конфликты и обнаруживались случаи религиозной нетерпимости; возникали дела по жалобам виленских католиков сапожников на диссидентов и брестских католиков и униатов на православных за неисполнение религиозных обязанностей. В одном случае партия католиков добыла подложную цеховую привилегию, а диссидентская, в виду безрезультатности жалоб на это, уничтожила цеховую скрынку, в которой обычно хранились документы, реестры и касса, так что погибла и эта привилегия и прочие документы. Суд стал на сторону католиков и в конце концов диссиденты должны были помириться с католиками, уплативши им 150 злотых и обязавшись посещать заупокойные квартальные литургии.

В ремесленном положении 1785 г. от всего этого сохранился лишь слабый пережиток—цехи к этому времени, по крайней мере, в чисто русских городах успели потерять свою прежнюю духовную сторону. В ст. 43 читаем лишь, что «всякая цеховая управа должна внести в городскую церковную казну ежегодно один рубль пятьдесят копеек на содержание церквей и церковников. Буде же которая управа и более того добровольно внесет в городскую церковную казну или в пользу заведений общественного призрения, то это почитается за добровольную дань». Об обязанностях членов цеха в отношении участия в процессиях, поминках, богослужениях, о поставке воска и т. д. здесь уже нет речи.

Более развита здесь другая сторона, касающаяся поведения членов цеха на цеховых собраниях и сходках. Подобно тому, как западно-европейские цехи требуют присутствия членов на церковных службах, они обязывают их и присутствовать на цеховых собраниях, определяя штрафы за неявку и опоздание, как и устанавливают ряд правил, обеспечивающих тишину и спокойствие на сходках. Запрещаются ссоры, споры и ругательства,—читаем в одном случае. Кто хочет говорить, должен говорить скромно, чтобы щадить свои деньги. Наказывается произнесение проклятий, драка, угроза ножом, обнажение оружия, нанесение ударов и ран. «Да будет всем ведомо, что цех с общего согласия порешил, как это издревле практиковалось, что тот или те, которые обнажают нож или шпагу в собрании, должны быть оштрафованы фунтом воску каждый; а для того, чтобы никто из братьев не наносил другому обиды побоями, ударом ногою и т. д., всякий совершивший такое безчинство должен быть оштрафован цехом».

Часто повторяется запрещение вообще приходить на сходку вооруженным. Оно находится в связи с повинностью сторожевой службы, которую обязаны были отбывать цехи в средневековых городах. Из этого вытекала и обязанность цехов иметь вооружение и защищать город в случае нападения.

И на цехах Южной и Западной Руси лежала обязанность защиты городов и литовско-русские цехи в особенности играли роль при военных столкновениях с Московским государством. На эту обязанность указывают такие факты как то, что киевские лучники в 1499 г. давали луки воеводе к Великодню и Рождеству, а ковали и шевцы давали ему топоры и сапоги, а в привилегиях на Магдебургское право Витебску, Полоцку, Киеву специально оговаривается освобождение ремесленников от замковой службы. Однако позже, в XVII ст. различные киевские цехи несут эту повинность, виленские шапошники, по примеру других цехов (с конца XVI ст.) обязаны отбывать «сторожу местскую и выходить в поле», а сафьяники «выходить на варты». Полоцкие и брестские цехи обязаны приобрести, по требованию магистра, оружие и участвовать, наравне с другими корпорациями, под начальством мастера-хорунжего, в определенном порядке: отряд каждой корпорации занимал особое принадлежащее ему место, по старшинству.

В связи с этим и здесь запрещается являться на сходку с оружием, как и не дозволяется приходить нетрезвым, бить кулаком по столу и вообще нарушать порядок обсуждения

дел. В уставе портняжного цеха в Каменце говорится: «старшина цеха обязан в каждую четверть года созвать младших братий на сходку; если бы кто-нибудь из них не явился к назначенному часу, он должен заплатить 12 грошей шрафу; он не должен приходить на собрание вооруженным шпагой, саблей, палкой, под страхом наказания двумя фунтами воску; если бы брат брату нанес оскорбление на собрании или в другом месте, то он штрафуется 4 фун. воску». В другом уставе читаем (Золотоноша): «который брат, пришедший на сходку, мел бы безчинновать и в речь непотребную удаватися и речь брату своему перерывать, цехмистра с братиею узневажать, такового каждого в цебер или в колоду всадить и 6 грошей мает до скрыньки (в цеховую казну) дать».

Характерно и правило, содержащееся в различных виленских и могилевских цехах, согласно которому прения на сходках и их постановления не должны разглашаться. Оно повторяется и в Ремесленном Положении 1785 г. «Кто о деле, по которому разсуждаемо было в ремесленной или цеховой управе при закрытых дверях, об'явит такому лицу, которое не должно иметь о сем сведения, тот за сие подвергается денежному взысканию от 3 до 10 рублей в ремесленную казну» (ст. 92).

Вообще в Положении 1785 г. мы находим много постановлений этого рода, списанных с немецких и западно-русских цеховых статутов, но к тому времени в значительной мере уже успевших потерять свой смысл и значение. Жалованная грамота «с большим вниманием останавливается на чисто внешней стороне дела. Так, напр., она обстоятельно, пожалуй, слишком обстоятельно, трактует о «благочинии и тишине» [1]). Прежде всего она устанавливает общее положение, согласно которому «при сходе ремесленных всем и каждому предписывается обходиться тихо и мирно, выслушивая управных старшин и старшинских товарищей предложение» (ст. 83). Она приказывает «при сходе ремесленных каждому ремесленнику наблюдать благочинние как словами, так и поступками, и один другому да не подаст причины к распре или ссоре» (ст. 84).

Грамота идет и дальше и пускается в перечисление самых поступков, нарушающих это благочинние и за каждый налагает пеню. Так упоминается о «случае драки» (ст. 85), о том, что кто-либо «шумит, в неистовстве ударит по столу или кому-нибудь грозит» (ст. 94), совершит «безчинние при сходе ре-

[1]) Дитятин. Устройство и управление городов России, I. 491.

мещенных, как то напр., нарочно обольет кого или оплюет или явится пьян или непорядочно одет» (ст. 86). Грамота охраняет авторитет схода—она наказывает всякого, кто посмеет отозваться неблагоприятно о каком-либо постановлении схода («буде.. дела распоряжены и ремесленных сход распущен, а кто-нибудь ремесленный станет на улице кричать говоря: что он или иной неправильно осужден или станет о том выговаривать кому-нибудь из своих собратий») (ст. 95). Мало того, наказывается и тот, кто слышал такой отзыв и не донес о нем («буде же кто из ремесленных, слыша о том, не об'явит, он должен платить половину пени»).

Упоминается и о таких проступках, как, напр., после роспуска схода «не идет вон из горницы, или кто из схода уйдет прежде третьего удара молотком или при сходе последний войдет в горницу или войдет с оружием» (ст. 89). Таким образом и здесь еще имеется это старинное запрещение приходить на цеховое собрание вооруженным, хотя к этому времени ремесленники, в особенности, в центрально-русских городах оружия во всяком случае не носили и никаких воинских повинностей не отбывали. О старых временах напоминает и запрещение при сходе, «кого поить или подносить питье» (ст. 87). В Западной Европе, как и в Южной и Западной России и эта сторона в жизни цехов—устройство попоек играла прежде существенную роль. Самое слово «цех» (Zeche) ведь обозначает попойку.

В Западной Европе без устройства последней членам цеха ни один ремесленник не мог стать полноправным мастером. Виленские цехи еще в XVIII ст. тратили значительную часть поступавших в цеховую казну («скрыньку») сумм на пирушки, хотя каждый статут устанавливал запрещение такого образа действий.

Характерную черту западно-европейских цехов составляло всегда их монопольное положение на городском рынке. Помимо того, что привоз промышленных изделий из других городов был сильно стеснен и вследствие разного рода мер и в силу дороговизны транспорта,—цеховые ремесленники всегда устанавливали для себя исключительное право производства и сбыта изготовленных ими товаров. Для того, чтобы иметь право выделки данного рода товара, нужно было входить в состав цеха и притом определенного цеха, которому принадлежала привилегия его изготовления и продажи. Посторонним же лицам это было запрещено и всякое нарушение цеховой привилегии строго преследовалось. Цехи вели жестокую борьбу с лицами, не входившими в состав

цеха, но пытавшимися производить те же изделия и последним нередко приходилось весьма плохо. Их избивали, изгоняли из города, уничтожали их инструменты и материалы.

Такое постановление, предоставляющее исключительное право производства и сбыта соответственному цеху, содержится уже в древних цеховых статутах и составляет неотъемлемое свойство и наиболее характерную черту цехового строя. Впоследствии, правда, с появлением кустарной промышленности и мануфактур, работающих на широкий рынок, привоз иностранных изделий усилился, а в то же время в пределах города появились предприятия нового типа, не входившие в состав цеха и не подчинявшиеся цеховым регламентам. Таким образом постепенно монополия цехов нарушалась, но все же это происходило лишь в ограниченных пределах, ибо в большинстве случаев кустарная промышленность и мануфактуры вырабатывали изделия иного рода и качества, во многих случаях возникали в области новых отраслей промышленности, не затрагивая старых, сохранявших прежнюю форму ремесла и цеховую организацию.

Как же обстояло дело в этом отношении у нас? Признают ли южно-русские и западно-русские цеховые уставы исключительную привилегию цехов в данном районе и предоставляют ли им монополию производства и продажи товаров грамота 1785 года?

В статутах западно-русских цехов отразилась борьба последних с конкурирующими с ними посторонними элементами. Таковыми являлись инородные и иностранные ремесленники, не только поляки и евреи, но даже немцы. В Могилеве, напр., в пол. XVII ст. мы встречаем двух иммигрировавших немцев—золотых дел мастеров, которые в течение трех лет занимались этим промыслом, не будучи вписаны в цех, пока их не побеспокоил узнавший об этом цех золотников. Наряду с ними имелись ремесленники, прибывавшие в города из сел и деревень и наконец, местные ремесленники, именуемые партачами.

«Цехи запрещали занятие ремеслом как промыслом не цеховым ремесленникам во всех юрисдиках и домах на пространстве определенной территории. Для виленских цехов эта территория составляла все виленское воеводство, для полоцких—три мили вокруг города» [1])—«заповедная миля»—район обычно устанавливаемый в западно-европейских городских уставах. В Могилеве не-цеховые ремесленники ка-

---

[1]) Клименко. Западно-русские цехи, 130.

рались денежными штрафами, цех же красильщиков подвергал конфискации их изделия, а в Вильне конфискация и товара и инструментов является обычно практикуемой, в некоторых случаях к этому присоединяется арест и даже изгнание из города. Иногда даже запрещается общение с партачами цеховых мастеров, под угрозой крупного штрафа в полкаменя воску. Если бы оказался ремесленник, который «хотел потай ремесло робить, без дозволения и ведомости братского, таковых всех выступных (партачей) цехмистер люб на сходке братерской, люб теж взявши трех братов, товаришов своих, меет судить и ветлуг поступку их карать».

Брестские сапожники и кожевники в половине XVII ст. за занятие ремеслом в домах шляхетских, княжеских, панских, духовных, кляшторных, под замком и в месте наказывают штрафом в 10 коп. на войтовский уряд, 10 на бурмистровский, камень воску до цеху. Здесь речь идет, очевидно, о работе на дому у заказчика, чем в особенности занимались партачи. За такой работой ведь гораздо труднее было уследить, чем за цеховыми мастерами, открывавшими тайно свою мастерскую. Так как партачи соглашались работать за более низкую плату, чем цеховые ремесленники, то их предпочитали последним. Появляются и торговцы, которые становятся посредниками между партачами и потребителями; торговец отбивает заказ у цехового мастера и передает его партачу. В немецких городах нецеховые ремесленники, нарушители привилегий цеха, партачи именуются Störer, что также обозначает мастера, уходящего на работу к заказчику (auf die Stör gehen—заниматься отхожим промыслом).

Лишь впоследствии партач стало обозначать ремесленника, не знающего своего дела и плохо выполняющего работу. В Западной Европе цехи издавна ссылались на неумелую работу не-цеховых, и на то, что они не отбывали стажа и не выполнили пробную работу и лишь в виде исключения высказывали откровенно свои опасения конкуренции посторонних лиц. Напротив в западно-русских уставах меры против партачей мотивируются не плохой работой их, а убытками от их конкуренции и тем, что они, не будучи записаны в цех, не несут государственных и церковных повинностей.

И в Ремесленном Положении 1785 г. прямо говорится: «запрещается в городе, где которого ремесла управа (т. е. цех) учреждена, того ремесла работу производить тому, кто не записан в управе того ремесла, или управного дозволения не имеет» (ст. 57). Такой ремесленник не может, «не учась у записного мастера и не имея управного свидетельства, на-

зываться того ремесла мастером или иметь подмастерьев или учеников или вывеску того ремесла» (ст. 59). Отличительными признаками мастера, законно носящего это звание, является, следовательно, предварительное обучение и притом у «записного» мастера, т. е. попросту у цехового мастера, и получение на основании этого, свидетельства на звание мастера. Только такой ремесленник имеет права цехового мастера, именно право называться мастером данного ремесла, право иметь вывеску, право держать учеников и подмастерьев. Таким образом та обязательность вступления в цех, которая в петровских регламентах, правда, еще не была установлена, но вскоре стала в значительной мере—как мы видели—применяться, теперь уже определенно выражена.

Казенным ремесленникам цех не может запретить работу, но только казенную, господские ремесленники могут работать на господина (ст. 61, 62). Но и те и другие, если бы они пожелали «посторонние работы производить», обязаны «об'явить в управе» и выполнить все требования, пред'являемые к вступающему в цех.

Весь вопрос заключается, следовательно, в том, каковы те требования, которым необходимо удовлетворять для получения звания цехового мастера. В Западной Европе эти требования были весьма сложны и многочисленны, так что доступ в цех для многих лиц был в действительности закрыт. Получение звания мастера было не простой формальностью, которую мог выполнить всякий, а задачей весьма трудно достижимой и далеко не всякому доступной.

Цеховой режим знал—как мы видели—три званья и три ступени—ученика, подмастерья и мастера; только последний является полноправным членом цеха. В Германии уже для того, чтобы попасть в ученики к цеховому мастеру, необходимо было быть свободного происхождения, законорожденным и не принадлежать к так наз. позорящим профессиям, к которым относились пастухи, мельники, льноткачи, гробокопатели, мытники и многие другие.

Те же три группы мы находим и в цехах южных и западных городов России—ученики или хлопци, подмастерьи или млоденячки, челядники и мастера (мистры, майстры) или братья. К ученикам пред'являются все те же требования, какие мы встречаем в западно-европейских корпорациях. Принимаются только законорожденные и сыновья «вольных» лиц, притом только «римляне и русские», в некоторых случаях впрочем лица всех христианских религий; но не христиане, евреи и татары, во всяком случае не принима-

лись; исключение составляет только виленский цех фельдшеров и банщиков, куда допускаются и не христиане. Упоминается и о «позорящих» профессиях. Так дети банщиков и цирульников, по старому обычаю, не могли вступать в цехи, а по статутам могилевских шорников 1634 г., запрещалось принимать сыновей резников.

Таким образом все эти стеснительные постановления были заимствованы из западно-европейских, в частности немецких цеховых статутов. А между тем к тому времени прусское и другие правительства вели с этими «злоупотреблениями» усиленную борьбу, хотя и были не в силах устранить эти вековые обычаи. Но ясно, что при составлении у нас общего положения о ремесле—в противоположность отдельным цеховым статутам, которые всегда создавались при большем или меньшем влиянии самих цехов—эти «злоупотребления» не воспроизводились. Заимствуя прусские и западно-русские цеховые уставы в Грамоте 1785 г., правительство Екатерины II, этого рода правил, конечно, не включало, ибо не могло допускать таких порядков.

В виду этого, доступ к званию ученика, по Положению 1785 г., является свободным. Говорится лишь о том, что «мастер да не примет ученика без двух свидетелей» (ст. 72), и что мастер обязан его «представить управному старшине и старшинским товарищам, где его спросят, как его зовут, имя и прозвание, откудова он уроженец, каких он лет» и внесут «в ученичью книгу; управный же старшина да прикажет ученику быть верным, почтительным к мастеру и учиться ремеслу прилежно» (ст. 71).

Если мальчик удовлетворял всем указанным выше условиям в отношении национальности, происхождения, профессии отца, то он—по западно-европейским статутам—принимался в ученики и обязан был в течение известного времени, от пяти до семи, иногда и более лет, в зависимости от промысла и от города, пробыть в этом звании, выполняя приказания мастера. Последний обязан был обучать его, но вправе был и наказывать; до истечения срока ученичества ученик не мог покинуть своего хозяина, другой мастер не вправе был принять такого ученика, ушедшего от хозяина без согласия последнего. Становясь подмастерьем, он обязан был сделать взнос в пользу цеха, нередко и поставить угощение.

Затем следовал второй период состояния в качестве подмастерья, опять-таки в течение определенного срока, причем подмастерье получал уже известную плату, которую обыкновенно устанавливал цех. Это делалось для того, чтобы тот или

другой мастер не мог отбить более умелого или опытного подмастерья, предлагая ему повышенную плату. Подмастерье жил у мастера, обязан был у него ночевать, ему запрещалось пьянство, азартные игры и т. д. Вообще устанавливался целый ряд правил относительно поведения подмастерья и его отношения к хозяину. Определялся и способ оплаты, причем подмастерье являлся помощником мастера и самостоятельно брать работу и принимать заказов не мог.

Самое тяжелое время начиналось для него, однако, по отбытию стажа, когда возникал вопрос о получении звания мастера. Тут ему в немецких уставах в особенности ставился ряд новых весьма больших препятствий. Он должен был странствовать по другим городам в течение известного времени, затем выполнить пробную работу, которая нередко являлась очень трудной и дорого стоющей, ибо изготовляемая вещь успела выйти из моды, а членов цеха, присутствовавших при выполнении ее, подмастерье обязан был вознаградить. Затем следовал известный срок выжидания и, наконец, если подмастерье был допущен к званию мастера, уплата вступительного взноса и угощение членов цеха.

Вся эта сложная процедура заимствована и усвоена и западно-русскими цеховыми уставами. Срок ученичества установлен в три—шесть лет, сманивать учеников запрещалось, по окончании ученичества происходило формальное «вызволение» ученика на собрании всего цеха. Он превращался в подмастерья и обязан был уже теперь сделать взнос в скрыньку цеха и устроить угощение новым товарищам,— последнее, хотя и не всегда оговаривается, но было общим явлением.

За свою работу подмастерье получал плату—«мыто», которое и здесь устанавливалось цехом на собрании и нередко вносилось в самый статут. Очевидно, и тут имелись в виду интересы одних лишь мастеров, что видно также из того, что нередко устанавливалась максимальная плата—запрещается платить подмастерью более определенной суммы. Собственной работы он и по этим статутам не вправе иметь и до истечения срока не может покинуть мастера. Срок определен от одного до шести лет.

Статуты обязывают подмастерьев не пропускать время обеда и ужина, не привередничать в пище и постели и довольствоваться тем, что дают. Устанавливается штраф за ночлег вне мастерской. Предписывается далее строжайшее повиновение мастеру и даже его жене. Оскорбление их и даже кого-

либо из членов семьи каралось телесным наказанием. И за другие проступки подмастерье наказывается «карбачем на лавке»—таких случаев было, повидимому, не мало.

Наконец, для получения звания мастера требуется и здесь, как и в Германии, Франции и т. д., странствование (вендровка) по другим городам (в одном уставе указаны среди этих городов Львов, Ярославль, Перемышль, Краков, Люблин, Варшава), причем от этой обязанности можно было откупиться, лучшее доказательство того, что этот обычай обусловливался вовсе не техническими соображениями, а скорее желанием затруднить доступ к званию мастера. Ту же цель, повидимому, преследовали или во всяком случае могли иметь тот же результат и другие заимствованные с Запада постановления—значительный взнос в скрыньку, угощение мастеров и пробная работа (штука), характер которой обычно нормируется самыми статутами. Золотых дел мастера в Могилеве обязаны изготовить золотой перстень, кубок, серебряную печать, виленские кушнеры требовали выставить кожух известного образца, каретники устанавливали в качестве пробной работы производство целой кареты.

Наконец, в значительной мере копию всех этих постановлений дает Положение 1785 года. Прежде всего находим постановление, что «ремесленный ученик обучается ремеслу не долее пяти и не менее трех лет» (ст. 73) и «ремесленный не должен отогнать от себя ученика своего прежде, нежели определенное на выучку его время кончится» (ст. 75). Для подмастерьев срок пребывания указан не менее трех лет (ст. 68). Плата определяется и здесь—на год—собранием мастеров, «как в котором году сход ремесленных единожды о том приговор учинит» (ст. 76).

Далее идет ряд однородных приведенным выше постановлений об отношениях между мастерами, подмастерьями и учениками, касающихся не самой промышленной работы, а в сущности их совместной семейной жизни. «Ученик да будет послушен и прилежен» (ст. 55). «Подмастерье наставит ученика кротко и обходятся меж собою мирно и тихо» (ст. 53). «Мастеру, подмастерью и ученикам стараться добрыми поступками и поведением сохранить домашнюю тишину и согласие» (ст. 50). «Мастеру ученика учить порядочно, обходиться с ним человеколюбиво и сходственно здравому разсудку, без причины не наказывать» (ст. 52), в частности запрещается учеников «в пьянстве по злости и глупости без причины бить» (на полях написано содержание статьи: «нетрезвому не бить»—ст. 54). «Подмастерье да не отважится

ночевать вне дома своего мастера... наипаче запрещается ему сманить с собой учеников в трактиры» (ст. 108). Все эти постановления нам кажутся в настоящее время и курьезными и излишними, бесцельными. Но в то время они считались необходимыми, хотя уже тогда являлись в значительной мере пережитками старины.

Еще характернее такая статья, как наказывающая подмастерья и ученика «полугодичным содержанием в смирительном доме», если он «оскорбит мастера запрещенным обхождением с его женою или дочерью» (ст. 110)—она уж совершенно напоминает феодальные времена и отношения между сюзереном и вассалом.

Тут же находится, однако, старое столь важное для всего цехового уклада правило, как запрещение подмастерью брать работу без ведома мастера. Проступок считается очень большим, ибо наказание полагается не только в виде содержания «в тюрьме вдвое столько дней, сколько работал без ведома мастера», но кроме того полным исключением из цеха: «после же тюрьмы ни единый управный мастер да не примет его» (ст. 109).

О странствовании подмастерьев говорится лишь вскользь— «дозволение проходить другие города прежде, нежели дозволят ему быть мастером» (ст. 68), к концу XVIII ст. оно имело уже весьма мало смысла. Напротив подробно грамота толкует о пробной работе,—последняя таким образом и тут еще сохранилась. После того, как подмастерье проработал у мастера три года и тот дал ему «свидетельство, что ремеслу научен, поведения доброго и достоин быть мастером», подмастерье «да представит свою работу, как лучше умеет» и три младших мастера призываются «для свидетельства той подмастерской работы. По тому, какова признана будет та работа, так и дать подмастерью управный урок и время назначить, как уроку поспеть и как тот урок поспеет, то прибавя еще несколько мастеров, освидетельствовать урок» (ст. 68). Таким образом, подмастерье должен предварительно представить одну из лучших своих работ, выполненных по собственному выбору, и только после того, как она будет одобрена, ему дается урок, по указанию цеха, который в свою очередь подвергается оценке.

Лишь после всего этого, «буде урок мастера одобрят, и подмастерью миновало от роду 24 года, то представить его управе при сходе ремесленных и по одобрении дать подмастерью управное свидетельство». С этим свидетельством он еще должен обратиться в городовой магистрат или ратушу,

«дабы дозволено было ему в городе производить работу по ремеслу» (ст. 68).

Таким образом ряд старинных цеховых постановлений в виде обязательности отбывания стажа ученика и подмастерья и установления срока пребывания в этих званиях, пробного урока, как и «прохождения в другие города» сохранились и в грамоте 1785 г. Исчезли только «злоупотребления» немецких цеховых уставов, как недопущение незаконорожденных или лиц позорящих профессий, исчезла обязательность взносов при получении звания подмастерья, как и требование устроить цеху угощение. Последнее считалось в немецких городах весьма отрицательным явлением, с которым государство вело сильную, хотя и бесплодную борьбу. Впрочем, ему приходилось принимать меры и против чрезмерной сложности и дороговизны пробных работ. Какой характер последние приняли в городах центральной России трудно сказать, все зависело от отдельных цехов и их постановлений. Во всяком случае в Западной России и все упомянутые, отсутствующие в Положении 1785 г. требования, предъявляемые к ученику, подмастерью и мастеру, остались в полной мере. Здесь трудность доступа к званию самостоятельного мастера была, повидимому, гораздо больше, чем согласно екатерининской грамоте.

В тесной связи с этими сложными требованиями находились и те исключения, которые цехи делали в пользу своих — членов семьи цехового мастера. Цехи всегда смотрели на производство промысла, как на наследственное право, и в наиболее старинных западно-европейских цеховых уставах промысел только и переходит по наследству от отца к сыну или к мужу дочери. И впоследствии членам семьи мастера отдается предпочтение перед посторонними лицами и нередко старшины цеха заявляют подмастерью, желающему стать мастером, что они готовы его принять, однако же с тем, чтобы он, согласно установившемуся обычаю, женился на дочери мастера.

Это находится в связи с обязанностью цеха обучать бедных детей своих членов, если родители их умерли, как и вообще заботиться о детях и вдовах мастеров. Отсюда всевозможные льготы, предоставляемые сыну мастера или подмастерью, вступающему в брак с дочерью или вдовой его, как и льготы вдове, продолжающей промысел мужа. Те сложные требования, которые нередко делали посторонним доступ к званию мастера почти невозможным, для этих привилегированных лиц сильно смягчаются. Не только сокращаются взносы и обязанность выжидания, но даже срок стажа умень-

шается, нередко отпадает и трудная пробная работа, хотя она, казалось бы, являясь средством проверки знаний подмастерья и степени его подготовленности к выполнению работ, должна бы быть одинаково обязательной для всех кандидатов, независимо от их отношения к членам цеха.

В уставах цехов западно-русских городов XVI-XVIII ст. этот принцип непотизма и идея наследственности выразилась в полной мере. Если по свидетельству виленского магистратского суда, в пол. XVIII ст. сыновья мастеров и те, кто женится на дочерях и вдовах их, выполняют предъявляемые к прочим лицам требования лишь в половинном размере, то анализ цеховых уставов показывает, что у большинства цехов эти льготы составляли более половины. Напр., взнос для этих лиц равнялся всего одной пятой требуемой с прочих суммы, иногда, вместо взноса в цеховую казну и угощения, подмастерье, женясь на дочери мастера, обязан был только поклониться цехмистрам. Мало того, «все эти формальные льготы для сыновей и женящихся на дочерях, вдовах мастеров, были гораздо меньше фактических льгот. Внести взнос, сделать пробную работу для них было гораздо легче, чем для простых подмастерий. В этом отношении произвол мастеров не был ничем стеснен. Если сверхстатутные требования от сторонних подмастерий-кандидатов в мастера могли вызвать вмешательство магистрата по жалобам последних, то пропустить «фуксом» в мастера кровного или не кровного родственника для мастеров не представлялось ни трудным, ни опасным» [1]).

На правах цехового мастера могли продолжать промысел и вдовы, даже не вступая снова в брак с подмастерьем, но с тем, чтобы они и не выходили замуж за нецехового. Им даются подмастерья, которые получают определенное мыто и не могут оставить назначенное место.

В грамоте 1785 г. только и сохранены эти права, вдовы, тогда как ни о каких преимуществах сыновей мастеров или подмастерьев, вступающих в брак с их дочерьми или вдовами, вообще о наследственности права на промысел уже нет речи. И эти «злоупотребления»—они таковыми считались в Германии — следовательно, исчезли. Говорится лишь, что «вдове записного в управе мастера дозволяется продолжать мужнино ремесло и иметь подмастерьев и учеников... По прошествии года вдова да об'явит, желает ли она продолжать ремесло,

---

[1]) Клименко, 102.

что ей на волю отдается. Малолетних же детей ремесленника обучать ремеслу»,—прибавлено и здесь (ст. 67).

Раз, с одной стороны, для посторонних лиц устанавливались многочисленные, трудно осуществимые требования, а в то же время для «своих» вводились всякого рода льготы, то вполне естественно последние должны были по преимуществу проходить в мастера цеха, тогда как для прочих доступ был нередко закрыт и они образовывали все более увеличивавшуюся с течением времени группу постоянных подмастерьев. В Западной Европе такое возникновение значительной в количественном отношении категории подмастерьев-рабочих относится к весьма ранней эпохе, уже к XIV-XV ст. Наличность такой обособившейся группы подмастерьев, отделившейся от цеховых мастеров, для которой званье подмастерья не является лишь переходной ступенью к положению самостоятельного мастера, выражается в образовании особых союзов подмастерьев и устройстве последними забастовок.

Подмастерья с их специфическими, отличными от интересов цеховых мастеров нуждами и потребностями об'единяются в организации, которые принимают первоначально внешнюю форму безобидных религиозных братств, хотя в действительности уже с самого начала имеют в виду и мирские цели. Впоследствии же они решительно преследуют свои экономические задачи, в частности не только настаивают на своем признании мастерами и городом, но и ведут борьбу за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы. Нередко с этой целью они вступают в сношения с подмастерьями тех же промыслов в других городах, подобно тому, как и цехи различных городов и местностей, но тех же или смежных специальностей собираются и образуют более широкие территориальные организации [1]).

Стеснение доступа в цех, обнаруживающееся—как мы видели—в статутах цехов западно-русских городов, должно было и здесь привести к созданию избытка в подмастерьях и появлению таких подмастерьев, которые большую часть своей жизни оставались в этом положении, не имея возможности ни открыть собственную мастерскую, ни принимать заказы, ни обучать других лиц. Отсюда, естественно, столкновения между ними и хозяевами, борьба за улучшение своего зависимого положения, стремление создать собственную организацию, на ряду с корпорацией мастеров.

---

[1]) См. Кулишер. Лекции по истории экономич. быта Зап. Евр., изд. 6-ое.

В уставе виленских переплетчиков 1665 г. запрещаются забастовки подмастерьев, в других уставах не дозволяются соглашения между ними и учениками, направленные против хозяев. В 1667 г. подмастерья виленского портняжного цеха жалуются в магистратский суд на своих мастеров за побои во время цеховой сходки и суда. Из дела видно, что мастера по цеховой сходке постановили «выбить канчуками» подмастерья, ушедшего от мастера за то, что тот не уплатил ему долга. На такую же неуплату долга мастером жалуется в магистратский суд подмастерье бритского цеха. В 1788 г. между подмастерьями и мастерами виленского каретного цеха происходили ссоры и распри в продолжение целого месяца, так что вновь вступивший мастер даже не мог сделать причитавшегося с него взноса в цех.

В западно-русских городах подмастерья уже успели выделиться в особые корпорации. Такой союз под названием «господа» об'единял всех подмастерьев данного промысла, имел свою скрынку, устраивая свои сходки, наблюдал за поведением подмастерьев. Без ведома и согласия старшего господы мастер не может удалить подмастерья до срока, как и последний не вправе покинуть мастера. Неплатеж мастерами мыта дает право старшему отобрать у него подмастерья, причем другим подмастерьям запрещалось работать у этого мастера, пока не будет получено удовлетворения. В случае злоупотреблений со стороны подмастерья или неповиновения подмастерья, мастер жалуется на него старшему господы, а не цеху. По жалобе старшего мастер, неправильно обвинивший своего подмастерья в воровстве, подлежит штрафу и подмастерье имеет право покинуть его до истечения срока службы [1]).

И в Положении 1785 г. предусмотрено существование подмастерской управы, состоящей из подмастерского выборного и двух поверенных; они «под смотрением и надзиранием» старшин цеха «во охранении доброго порядка», имеют управу по ремеслу «до подмастерьев или учеников» (ст. 46). Подмастерская управа имеет свой ларец, собирается каждые четыре месяца, ей подаются жалобы на подмастерья или ученика, цех выслушивает ее мнение во всех случаях, касающихся подмастерья или ученика (ст. 46, 47, 48). Таким образом этот институт, имевший первоначально боевой характер, здесь превращен в подчиненный цеху орган, введен в цеховое

---

[1]) Клименко, 82—83.

управление, вполне узаконен, но вместе с тем и лишен своего прежнего значения. Он не ведет уже борьбы с мастерами, а напротив является удобным для них орудием надзора за подмастерьями. Это заметно уже в характере «господы» в западно-русских цеховых уставах и еще более ярко обнаруживается в подмастерской управе Положения 1785 г.

Наконец, цеховые статуты придавали всегда большое значение надзору за промышленной деятельностью ремесленника и регламентации промысла. Они определяли порядок закупки сырья, требуя, чтобы мастер, приобревший материал, по желанию другого, делился с ним, устанавливали качество изготовляемых товаров, виды применяемых в производстве инструментов, запрещая введение не предусмотренных цехом новшеств. В них мы находим максимум числа учеников и подмастерьев, которых вправе держать мастер—в предупреждение чрезмерного расширения предприятия, как и предельное количество товара, которое вправе изготовить мастер.

Цехи присваивают себе право и таксировать цены на изготовляемые товары, запрещая членам продавать их дешевле определенного уровня. Последнее, правда, вызывает протесты и противодействия со стороны городского магистрата, который, напротив, пытается определять максимум дозволенной мастеру цены, в интересах потребителей, но эти попытки нередко оказываются безуспешными.

Эти содержащиеся в немецких и других западно-европейских цеховых уставах постановления во многих случаях заимствованы также западно-русскими цехами. Так и здесь число подмастерьев, которое может иметь мастер, не превышает трех. Другими постановлениями запрещается утайка материала, полученного от заказчика, и вменяется в обязанность мастерам добросовестная работа. И здесь находим установление цен производимых мастерами изделий ими же самими на цеховых сходках; статуты воспрещают мастеру продавать дешевле других и покупать дороже. Магистраты и тут ведут борьбу с дороговизной цеховых изделий, пытаются установить с своей стороны максимальные таксы, но последние остаются на бумаге.

В Ремесленном Положении также обращается внимание на то, чтобы мастера производили «по ремеслу работу добрую» и каждый бы отправлял ремесло, «сколько умеет, исправнее и без недостатков» (ст. 31), причем «мастер долг имеет смотреть за добротою работы» своего подмастерья или ученика, а управа за добротою работы мастеров, почему старшина и старшинские товарищи «долг имеют обозреть работы

ремесленников» (ст. 33). Мало того, управа назначает «срок, в который какой работе поспеть можно», чтобы, в случае жалобы на медленность, чинить «правильное взыскание» (ст. 35). Напротив, как и следовало ожидать, «запрещается сходу и управе установлять цену работы» (ст. 32) и в случае жалобы на неумеренную цену, управа обязана «свидетельствовать и оценить по истине» (ст. 34).

Таким образом западно-русские цеховые статуты XVI-XVIII ст. являются почти полным отражением западноевропейского цехового строя, воспроизведением почти всех черт иностранной цеховой организации, в том числе и тех «злоупотреблений» цехов, с которыми государство, в особ. в Германии, усиленно боролось. Напротив Положение 1785 г., будучи актом правительственным, конечно, последних совершенно не знает и вообще является гораздо более упрощенной копией иностранных, в особ. прусских цеховых постановлений, хотя организация значительно усложнена, если сопоставить ее с цехами петровской эпохи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Иностранцы и зачатки новой крупной промышленности в XVII ст.

Развитие промышленности везде и повсюду, в древности и у современных народов, на Западе и на Востоке совершилось под непосредственным влиянием иностранной иммиграции—до XIX ст., благодаря переселению иностранного труда, в XIX ст. при помощи иностранного капитала. В предыдущие столетия только путем переезда иностранцев и происходило ознакомление страны с новыми отраслями производства, еще неизвестными в данной местности, как и с новыми способами и приемами, изобретенными в других странах и дающими возможность производить новые сорта и виды товаров, изготовлять предметы скорее и лучшего качества. Иностранные мастера и приносили с собой новые знания в области техники производства, свои секреты, которые обыкновенно запрещалось сообщать иноземцам и которые только таким путем могли переходить от одного народа к другому, вызывая распространение достигнутых в одной местности успехов по другим областям и странам.

В России уже рано—как мы видели—совершался взаимный обмен техническими сведениями между отдельными областями при помощи отхожих промыслов, появления новгородских, псковских мастеров в других местностях, причем сами новгородцы нередко получали свое знакомство с техникой того или другого производства от приезжавших в Новгород ганзейцев. Но и иноземцы, литовцы, народы Востока, в особенности же византийские мастера—мы на это также указывали—появляются на Руси уже в Киевский период. Из последующей эпохи упомянем хотя бы об итальянце Аристотеле или Рудольфо Фиораванти, «кои ставит церкви и палаты», строившем в Москве при Иоанне III Успенский собор. Тот же Иоанн III обращался к венгерскому королю с просьбой прислать людей искусных в добывании руды золотой и серебряной и в отделении металла от земли. «У нас есть серебро и золото—велел он передать королю—но мы не умеем чистить руды. Услужи нам и тебе услужим всем, что находится в нашем государстве». В 1491 г. царь «послал на Печеру немцев Ивана да Виктора руды искати серебряные, с ними послал Андреа Петрова да Василиа Иванова сына Блотина» [1])

Итальянец Барберини сообщает и об устроенной у нас бумажной мельнице, которая изготовляет бумагу, хотя ее еще не могут употреблять, ибо искусство выделки бумаги не доведено до надлежащего совершенства. Действительно, в одной купчей 1576 г. говорится о продаже вотчинки Писемских и сообщается о границах ее: «а с третью сторону в межах, что бывало за Федором за Савиновым в поместье, которой бумажную мелницу держал, а с четвертою сторону в межах половина реки Учи вверх от бумажные мелницы и с луги же Учи по мелницу Романа Михайловича Пивова» [2]). Здесь точно указано местоположение бумажной мельницы; держал ее помещик.

Но в значительных размерах иммиграция иностранцев начинается с XVII ст., когда обнаруживается «западное влияние», вышедшее из чувства национального бессилия и из сознания скудости своих собственных материальных и духовных средств перед западно-европейскими, когда «теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе»,

---

[1]) Карамзин. Ист. Госуд. Росс. VI. 140.

[2]) Лихачев. Бумага и древнейш. бумажн. мельницы в Моск. госуд. Зап. имп. Археол. Общ. V. 320—21.

когда возникает принцип все делать «с примеру сторонних чужих земель». В области промышленной это выражается в выписке иноземных мастеров взамен приобретения иностранных товаров и в результате в стремлении уменьшить свою экономическую зависимость от чужих стран. В половине XVII столетия иноземцев в Москве было, повидимому, уже довольно много; в 1652 г. их выселили за город в особую новую иноземскую слободу, причем они были разбиты по трем статьям; во вторую статью вошли аптекари и мастера алмазного, золотого, серебряного, канительного и кружевного дела. Когда в 1665 г. произведена была перепись жителей этой слободы, то в ней оказалось 20 человек придворных мастеров дел—золотого, серебряного, часового, портняжного, седельного, живописного. В 1684 г. «иноземцы Галанцы и Амбурцы в Государственной—Посолской приказ сысканы и допрашиваны», причем их оказалось 36 человек в Москве и выяснилось, что они проживают в Москве по 10, 20 и даже 30 лет. Одни «кормятся у города столярною работою», другие «починивают бочки», многие «кормятся рукоделием своим портным мастерством шьют на иноземцев платье» или просто «кормятся работою своею» [1]).

На первом плане стояли военные надобности и казенная прибыль. Надо было заменить выписываемый из Голландии десятками тысяч пудов порох и железные ядра выделкой собственного оружия; получаемое из Швеции для производства оружия, железо должно добываться и обрабатываться у себя дома. О зачатках добычи и обработки металлов упоминают уже иностранцы, посетившие Россию в XVI ст. Герберштейн сообщает о добыче железа близ Серпухова, Барберини—о железной руде близ Каширы, Флетчер говорит, что русское железо ломко, но его весьма много добывается в Корельской области, Каргополе и Устюжне. В 1569 г. англичанам разрешено было устроить железный завод в нынешнем Сольвычегодском уезде [2]). Выделывалось железо и в окрестностях Тулы из местной руды. В Туле в 1589 г. имелось всего два казенных кузнеца, а 6 лет спустя уже 30 человек. Находим и производство пороха—в 1531 г. был пожар на Успенском (враге) во дворе иностранного мастера Алевиза, выделывавшего порох, причем в один час, якобы сгорело более 200 работников [3]) цифра вероятно сильно преувеличенная.

[1]) Мулюкин. Приезд иностранцев в Моск. государство, 105 сл.

[2]) Середонин. Сочинение Джимса Флетчера „Of the Russe Common Wealth" как исторический источник, 127.

[3]) Соловьев. Ист. России, V. 459.

Но металлургическое производство, в интересах военных, необходимо было поставить гораздо шире, призвать на помощь иноземные знания для усиления добычи руды, для литейного и плавильного дела, для выделки оружия. В 1632 г. голландец Андрей Виниус получил разрешение на выделку железа близ Тулы, обязавшись приготовлять для казны по удешевленным ценам пушки, ядра, ружейные стволы и всякое железо. К этим оружейным заводам была приписана целая дворцовая волость и тем самым было положено начало впоследствии столь расширившейся категории заводских крестьян. В 1644 г. другой компании иноземцев с гамбургским купцом Марселисом во главе было предоставлено право на устройство железоделательных заводов по рекам Ваге, Костроме, Шексне и в других местах. В 1668 г. Марселис доставлял в казну 20 тысяч пудов прутового и связного железа, 5 тыс. кованых досок, 6 тыс. ядер, 20 пушек по условленным с казной ценам. У Марселиса имелось три печи и десять молотов с двойными горнами. На другом заводе, Протвинском, принадлежавшем также иностранцу Тильману Акману или Акеме, было две печи и 4 молота и выделывалось полосовое железо трех сортов и различные предметы вооружения—пушки, ядра, сабельные клинки, даже якоря для флота, наконец и некоторые предметы домашнего обихода—ручные мукомольные мельницы, топоры, лопаты, гвозди. И в самой Москве еще при царе Михаиле был на Поганом пруде при реке Неглинной завод, на котором опять-таки иноземные мастера отливали пушки и колокола. Здесь и русские учились литейному делу. Вообще всем иностранцам вменялось в непременную обязанность русских людей обучать всякому заводскому делу и никакого мастерства от них не скрывать [1]).

Своего рода школу для приготовления под немецким руководством более опытных и искусных мастеров в области рудного дела и обработки металлов старался создать и боярин Борис Морозов под Москвою в виде Павловского завода или рудни. С этой целью был вызван из-за границы мастер рудного дела, который здесь и устроил мельницу—водою железо ковать. «А из-за рубежа ко мне мастер рудного дела приехал, кой на мельнице водою железо кует, и ныне у меня в Павловском на мельнице рудню заводит». Впоследствии этот завод перешел к казне. Но Морозов имел в виду воспользоваться мастерами с этого завода для устройства железорудного дела в других своих владениях, в особенности в своих

[1]) Костомаров. 218.

нижегородских вотчинах. Прикащику своему села Мурашкино, доставившему ему подробные сведения о возможности добывания руды в этих местах, Морозов в 1651 г. пишет: «Посылал ты села Старого Покровского крестьянина Ваську Кузнеца смотреть за рекою Волгою, на реке Мозе, как делают железо Макарьевского монастыря крестьяне; а мастер у них села Лыскова (принадлежавшего Морозову) крестьянин Федька Бобер. А руда железная от монастыря верст в семь, а емлют руду в болоте; а руды много в болоте, лежит де в оборник на верху местами, а не с одново (т. е. не сплошь); а выходит де у них из горы на сутки по семи крищ и по восьми; а крища у них ставится по 4 деньги; а из крищы выходит по 4 прута железа, а прут такой купить по торговому по 8 денег; а железо де хвалят. А того не пишешь, поскольку у них работных людей на сутки у рудного дела работает. По 8 крищ, а из крищы по 4 прута,—ино будет у рудного дела прибыль не малая. Ваське Кузнецу сказывал мой крестьянин Федор Бобер: Нижегородского Благовещенского монастыря вотчины село, словет Рознежье, и деревня Рознежье; тут де сказывают большую железную руду; а мастеров у них нет; а руда лежит во-стоячь человека, емлют и кладут в анбар; а железо делать у них некому, обыскали де недавно. А ту благовещенскую руду лучше макарьевской хвалят, а мастеришки у них делают железо худые; у доброго мастерства и промысл будет и мне б велеть то место у архимандрита изоброчить, чтоб макарьевские крестьяне на то место не перешли. И тебе б взять у властей то место на оброк лет на 10 или и больши и укрепиться с ними записьми и завесть рудное дело, взяв кузнецов добрых изо всех моих вотчин и велеть на меня руда варить и железо ковать» [1]).

Следовательно, Макарьевские крестьяне добывали руду и пытались обрабатывать ее—выделывать в горнах кричное железо, причем обработку железа производили крестьяне Морозова; но последний желал их использовать для заведения рудного дела у себя. «А которые мои кузнецы у макарьевских крестьян железо делают, и тем кузнецам ковать на меня, а я им за работу велю тоже давать». По близости руда имелась и у Благовещенского монастыря, но там она только добывалась, повидимому, а не обрабатывалась, ибо мастеров не было. Морозов—как мы видим—боялся, как бы макарьевские крестьяне не взяли в оброк это место и велит своему прикащику поспе-

[1]) Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. Вестн. Евр. 1871. II. 486.

шить с этим и перевести туда кузнецов из своих вотчин, которые варили бы руду и ковали бы железо. Кроме того, он приказывает «прислать к Москве тотчас Ваську Кузнеца да мурашкинских два человека, добрых и смышленных, а им побыть у рудного дела, чтоб тому делу поучиться».

Пока выучивались рудному делу свои крепостные мастера, в Павловское явились новые «рудники»—иноземцы, которые были вызваны для низового нижегородского производства. Их было 20 человек вместе с семьями, кроме младенцев, и они предлагали взять все производство на свой счет и делать железо своими наемными людьми с уплатой известного оброка. Первоначально они сидели в Павловском без дела. «Изволил, государь, ты,—писал Павловский прикащик—чтобы послать поляков рудников и угольщиков... А они, государь, здесь живут и работы никакой не работают; а хлеб, государь, ныне дорогой, едят даром; а хлеб, государь, им идет против дворового с лишком... А не изволишь, государь, отпустить их на Низ, и твой бы государев указ был, что им в Павловском делать, и даром бы им хлеба не есть».

Вскоре, однако, в селе Лыскове заводилась уже рудня и посланы были туда рудники-иноземцы Остафий Сущевский, Мартын Башинский, Яков Сопоцкий и прикащику было дано распоряжение, чтобы тот велел им «рудню доделать и фурму направить, а если руды много и руда добра и можно ожидать вперед прибыль в железе, то и другую рудню завесть. А рудникам к рудному делу дать учеников из нижегородских и арзамасских вотчин из кузнецов или и не из кузнецов, каково б с такое дело стало, ктоб выучился; а кто выучится, и я тех пожалую велю обелить; а буде кто и охочие будут из тех моих вотчин и им велеть учиться и мою милость им сказать; а как выучатся, и я их потомуж пожалую» [1]).

Получается довольно яркая картина. Она дополняется еще следующим штрихом. Об иноземных мастерах Морозов пишет: «а как рудни вделают, огни заведут и фурмы направят, и руду почнут дуть и железо станут ковать, и учеников выучат, а похотят они рудники в Москве и ты б их отпустил с ведомыми ездоками, а похотят остаться у дела в вотчине моей, в селе Лыскове, и ты б велел им жить. А их рудников велеть поить и кормить, чтоб ничем скудны не были, а вина им давать на день по две чарки, а пива давать всем и прежним и нынешним на день по два ведра».

---

[1]) Забелин, там же, 487.

В нижегородских вотчинах того же Морозова производился также поташ для вывоза за границу. Иностранцы вообще предпочитали русский поташ всякому другому, в виду его высоких качеств, причем, по отзыву Кильбургера, приезжавшего в Россию, лучший поташ готовился у Морозова, который вел им значительную торговлю. Устраивалось будное дело (т. е. производство поташа) или будные майданы, для которых посылались будники и поливочи; последние являлись главными руководителями и назывались так от того, что из золы готовили жидкое тесто, которым обмазывали поленья и поливали их каждый раз новым слоем золы. Так как от их уменья разводить дровяную золу для поливки в костре вполне зависела доброта поташа, то прикащикам боярин приказывал, чтоб они за поливочами смотрели, чтоб они делали поташ добрый. Прикащики посылали ему на дощечке в Москву опыт поливанья поташа работы того или другого поливоча.

Морозов каждый раз приказывал из крестьян или их детей выбрать столько то человек «добрых и умных и отдать к будному делу в ученье и сильно (насильно) и приказать, чтоб учились неоплошно». Однако крестьяне всеми силами старались избавиться от этой работы, ибо будное дело было для них настоящей каторгой. Когда он велел в селе Мурашкине отправить на будные майданы бедных крестьян, с которых взять нечего, вместо охочих людей и зачитать им работу в оброк, то крестьяне тотчас же принесли сказки (свидетельства) за поповыми руками, что оброк платить готовы, так что будное дело оказывалось лучшим средством заставить крестьян вносить оброк без всяких оговорок. Будные майданы являлись для крестьян столь страшными и обременительными—«крестьяне от того гораздо ужаснулись»,—что они нередко спасались бегством с женами и детьми: «и иные—писал прикащик—приходя на сход, похваляются розно брести, что де майданные дела стало делать не в силу».

Если же прикащик, «чтоб крестьян не изжестать и тем их не изогнать», сокращал работу их на майданах («в дровах и в золе пощада есть»), то ему плохо приходилось от боярина. «Во всех моих вотчинах в майданах—пишет Морозов грозно арзамасскому прикащику—они запалили в апреле месяце, а у тебя в июне... в иных моих вотчинах сделано на майданах по 100 бочек и слишком, а у тебя и сказать нечего (25 бочек)... И ты дурак... не таися, пьяница, ненадобный бражник; все ходишь за брагою, а не за моим делом и мне не радеешь и прибыли не ищешь, своим ты пьянством и нераденьем многую у меня ты казну пропил... Довелся ты за то жестого наказанья и

правежу большого. Да и-так тебе, дураку, не велю спустить даром».

Изготовленный поташ набивался в бочки и посылался в Нижний-Новгород, а затем в Вологду, где боярин, пользуясь своим привилегированным положением, помещал его в государевы (казенные) амбары. Оттуда поташ отправляли в Архангельск и продавали иностранцам, причем Морозов, пользуясь расположением государя, всегда выпрашивал себе грамоту, освобождавшую его поташ и выменянный на него товар от всяких пошлин во весь путь из вотчин до Архангельска и обратно, так что, выручая крупные суммы, он ничего не платил в казну [1]).

Большая часть поташных заводов существовала, однако, в вотчинах Морозова лишь до 1661 г., до его смерти, позже только при селе Сергаче осталось 5 майданов, где жило 84 человека; все это были поляки, так что и тут мы находим иностранцев.

Широко поставленное хозяйство большого боярина Морозова, дядьки царя Алексея Михайловича, и в частности его промышленные операции покажутся нам однако незначительными, если сравним их с хозяйственной деятельностью его воспитанника, самого царя. Последняя «началась с немногих подмосковных сел и с немногих на этих землях улучшений, но постепенно приняла весьма широкие раэмеры, «отчасти в силу хозяйственной необходимости, отчасти по развившейся страсти» [2]). Из промышленных предприятий мы находим здесь на ряду с тем же поташным делом и поиски всякого рода металлов, и производство железа и «государевы печи» для обжигания извести, и выделку кирпича, хотя о последнем говорится, что он «плох, в дело мало годится», и солеварение, и стеклянное, кожевенное, сафьянное производства; все это находилось в ведении приказа Тайных Дел.

Производство поташа началось с эксплоатации устроенных боярином Морозовым майданов, которые перешли после его смерти к Тайному приказу. Велено было «описать леса, которые на поташное дело годятца и разсмотреть, где у тех лесов быть будным станам», взяв в различных городах «таможних жителей торговых, лучших, знающих людей, которым поташное дело и промысел в обычай». В отличие от морозовских вотчин, где—как мы видели— работа на майданах

---

[1]) Забелин, 482.

[2]) Гурлянд. Приказ Великого государя Тайных дел, 162.

являлась натуральной повинностью крестьян, здесь все работы велись наемным трудом и рабочие набирались иногда издалека. Часть же майданов «держали» крестьяне «за денежный оброк и за столовые запасы», т. е. эксплоатировали их за свой счет.

Солевареньем заведовали иностранцы, в Ростове и Переяславле—полковник Сторм, под Москвой на Девичьем поле, в Хамовниках и в селе Коломенском—Кром. Велено было и в других местах «доискиватца соляного расолу» «в старых соляных засыпанных колодцах и трубах», «распрашивать всякими мерами и доведыватца соляных озер». И на варницах применялся наемный труд, но в целовальниках, на обязанности которых, вероятно, лежала закупка дров, отправка или продажа соли, были сначала выборные посадские люди, а потом велено было призывать «из бобылей охочих добрых и семьянистых людей» за «государево жалованье» [1]).

В ведении Тайного приказа на ряду с упомянутыми выше Тульскими и Каширскими заводами иноземцев Марселиса и Акемы, которым предоставлено было попрежнему «тот завод держать», находились три непосредственно эксплоатируемых им Звенигородских завода, для которых воспользовались работавшими у Марселиса мастерами - иноземцами. В приходно - расходной книге под 21 сентября 1668 г. записан указ о выдаче государева жалованья 20 рублей для праздника «железнова заводу мастеру и плавильщику иноземцу новокрещенцу Дементию Иванову сыну Буди с сыном ево, Андрюшкою, которые были на железных заводах... у иноземца у Петра Марселиса» Под'ячий поясняет: «а посланы они для досмотру железные руды и для железных заводов в Звенигородской уезд и на пустошь Сумароково». Все три завода были устроены на реке Белой и работали водой. В «молотовых анбарах» было по два горна и посредством водяных колес приводились в движение молоты, весившие по 14—15 пудов, далее имелся «анбар медной» и «анбар кузнишной», на одном из заводов также «анбар сверлишной, где просверливают пушки; в нем, по описи колесо водяное, колесо сухое, да 3 колеса в верху под'емные». Так что здесь изготовлялись кроме связного и крутового железа и листового железа («досок железных»), лопат, топоров, гвоздей «пробойных», также пушки кованые. По близости «в вотчинной деревне» Архангельского протопопа Федора производилась «за наемные деньги», 50 руб. в год, ломка железной руды. Но

---

1) Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, 140—45.

количество мастеровых было крайне незначительно. На всех трех заводах имелось всего вместе 24 человека на все «анбары»—молотовые, «медной», «кузнишной», «сверлишной», именно «доменых 2 человека, молотовых 6 чел., подмастерьев 5 чел., поддатней 6 чел., кузнецов 4 чел. и 1 мельник», да еще «в росписи солдатам» 17 чел., которые вероятно выполняли всякую черную работу, не требовавшую подготовки мастера. Предприятия по выделке оружия и иных предметов из металлов были таким образом весьма незначительных размеров, хотя и являлись в техническом отношении усовершенствованными для того времени, ибо молоты были тяжеловесные и приводились в движение при помощи воды. Это было и в вотчинах Морозова, надо думать, и в предприятиях Марселиса и Акемы—иностранцы несомненно перенесли к нам эту новую технику, появившуюся в это время на Западе.

Новшеством являлось в XVII ст. и производство стекла. Зачатки его относятся к царствованию Михаила Федоровича, когда в 1634 г. разрешено было «пушечного дела мастеру» Коэту «заводить и делать скляничное дело своим заводом», т. е. очевидно на свой страх и риск. У него работало 5 мастеров иноземцев—он «иноземец, вывез из-за моря на своих проторех, к тому скляничному делу 5 человек мастеров скляничных». И хотя у него «заведено всякое скляничное дело», «завод весь сполна заведен», но дело остановилось, как только «по грехом, что ни лутчего скляничного мастера в животе не стало». Пришлось ехать Коэту снова «в немецкую землю за море, для мастера скляничного дела» и в 1640 г. воеводы доносили, что «мы, холопы твои, досмотря у него твоей государевы жалованные грамоты и твоей государевы проезжие грамоты... его Антона и с скляничным мастером с Павлом Рейдром и с его женою и с детьми отпустили к тебе государю к Москве». Повидимому, и после смерти Коэта вдова его продолжала вести предприятие, ибо в 1667 мы встречаем «иноземку Свецкие земли скляничного дела заводчика Антоновскую жену Коэта, вдову Марьицу» оффициально обращающуюся к царю с челобитной по делам своего завода. А в 1670 г. велено доставить с завода заказанные для аптекарского приказа склянки. Теперь уже заведение однако принадлежало другому Коэту, Петру, который именуется «Оптекарские Полаты скляничный мастер» [1]).

Только об этом (Духанинском) стеклянном заводе известно Кильбургеру. В 1666 г. и другой иностранец Иван

[1]) Мулюкин. Приезд иностранцев в Московское государство, 100, 103—04.

Фансведен, которому были сданы мельницы бумажные и хлебные, проектировал устроить стеклянный «виницейский» (т. е. на венецианский манер) завод. Фансведен умер в 1669 г. и проект его не мог осуществиться [1]). Вообще производство стекла развивалось повидимому очень слабо, ибо, когда в 1672 году было послано распоряжение «в село Измайлово на стеклянные заводы взять стеклянных мастеров из Путивля и из Севска и из Трубчевска и из иных порубежных городов, где сыскать можно, десять человек добрых, чтоб которые стекло варить и горшки и печи и всякие стеклянные суды (сосуды) и шурупы были делать горазды и перевести их тотчас», то из всех этих городов получен был ответ, что «стеклянных мастеров нет и преж сего не бывало», только «были де стеклянные мастеры в Лебедянском уезде», да и те оттуда «сошли неведомо куда». По сообщению Кильбургера, существовал только один Духанинский стеклянный завод, устроенный иностранцем Юлием Койетом, выписывавшим материалы «из Немецкой земли».

Царь Алексей в 1656 г. приказывал «вывести к Москве из Виницеи (Венеции) золы лутчей, в чем скляничные всякие суды делать на хрустальной цвет, с тысячью пудов», а в следующем году требовал кроме присылки земли, «в чем делается венецейское стекло», доставить еще «и мастеров склянишных самых добрых». Затем в 1669 г. читаем в записных книгах о выдаче государева жалованья стрельцам-плотникам, которые делали в селе Измайлове «анбар», где скляницы делать». В этом году уже работали на Измайловском заводе «стеклянные мастера Виницеяне» Ловис Моэт, Ян Арцышухор, Петер Балтус, Индрик Лерин, а по упрощенному московскому наименованию, Иван Мартынов с товарищи. Этот завод (кроме него существовал еще второй—Черноголовский) состоял из трех «анбаров». В первом вырабатывалось стекло и находилась кирпичная печь, «в которой стоят горшки и в них делают стеклянные суды; у ней труба для каленья стеклянных судов; печь кирпичная с трубою, в которой стекло обжигают, 4 очага кирпичных с трубою, в них 4 котла литых железных, в которых золу варят; 3 тчана больших, в которых бывает щелок; очаг кирпичный, в которой из печи кладут уголье». В остальных двух «анбарах» сложены были «снасти», т. е. инструменты—сковороды, заслоны, ножницы, щипцы, клещи, трубки, приспособления для обрезывания, мешанья, очищенья

1) Лермонтова. Шелковая фабр. в правл. цар. Софьи Алекс. Зап. Археол. общ., XI, 71.

стекла, для вынимания сосудов из печи. Имелись особые «снасти», которыми делают «стекла коретные». Оказались даже при описи «всякие запасы к фигурному делу». По отзыву Кильбургера, заведовавший производством Моэт знал свое дело и изготовлял «довольно чистое стекло».

Из приходо-расходных книг видно, что приготовлялись «стеклянные суды» зеленого и белого стекла различной формы—стаканы «высокие, плоские, гладкие, чешуйчатые, витые и с обручиками», рюмки граненые, тройные, братинки, перешницы, мухоловки, кубки с кровлями и без кровель, кубки долгие потешные, скляницы винницейские и т. д. Сосуды были самых разнообразных размеров от «сумеек» в золотник вплоть до «рюмки в сажень»—нечто вроде царь-колокола. Любопытна для нравов того времени и запись о том, что после одного посещения завода царем Алексеем обнаружено было исчезновение «золоченых скляничных достаканов», сказалось, что их украли, по выражению составителя, сопровождавшие царя стольники и стряпчие [1]).

Менее удачно пошло другое производство—сафьянное. Первым мастером был иностранец армянин Арабит Мартынов, но он «по Русски языку не знал», так что при нем состоял особый «толмач для толмачества» Бориско Иванов, тем не менее ему подобрали русских учеников. Через год Арабит умер и мастером сделали этого Бориска Иванова, который за год испортил 70 кож и был «из мастеров отставлен». На смену ему явился Мартынко Мардьясов, который «выехал из Кизылбашской земли собою» и который находил, что «сафьяному двору в селе Чашникове быть не мочно—для того, что неключевая вода»; он настоял на том, чтобы завод был перенесен в Москву на «воду самотек», обещая, что «тою водою учнет он Мартын сафьяны добрые делать». Но этого обещания он не выполнил и через некоторое время и сам он и ученики его (6 человек) были «от сафьяного дела отставлены потому, что они многие сафьяны порпили». Пробовали заменить их стрельцами, но и последние оказались непригодными и наконец «выбрали» 6 человек «из добрых мастеров» (откуда, неизвестно), которые обязались «делать по 1 тысячи сафьянов на год из прежняго годового жалованья». В довершение всего и закупленный материал оказался недоброкачественным—из 1523 «козлин новоторжских» 731, т. е. почти половина, в дело «не погодились; для того: малы и тонки, а иные горелые».

---

[1]) Заозерский, 146—52.

Как мы видим, подобно литейному, и это предприятие было очень небольших размеров—работало всего 7, позже 6 человек. В отличие от первого, оно имело однако и весьма несложное устройство—3 избы для мастеров, «замшеник в котором сафьяны делают» с 12 колодами, колодезь, амбар для сушенья. Не хитры были и «снасти»—струги, скобели, скребницы, котлы, кади. На дворе сафьяного завода и грузинец Сафар Давыдов и житель города Тевриза Асий Муратов красили миткаль и холст «на кумашное дело». Проектировалось и устройство кожевенного завода, где 6 человек рабочих могут изготовлять в год до 1000 кож [1]).

Большое внимание обращалось на отыскание руды всякого рода и для этой цели вызывались иноземные «рудознатцы», от которых ждали весьма многого. Уже при царе Михаиле разрешен был приезд в Россию английскому инженеру Бульмерру, который «своим ремеслом и разумом знает и умеет находить руду золотую и серебряную и медную и дорогое каменье и места такие знает достаточно». В 1621 г. был послан за границу московский «немчин» Юрий Родионов «проведывать рудознатца самого доброго», причем последнему обещано было, что «как ож даст Бог, он царским счастьем, а своею наукою и ремеством найдет руду золотую или серебряную, и государь его пожалует великим своим царским жалованьем и честна его во всем учинит; а что будет прибыли перед заводом, и государь его с прибыли пожалует четвертою долею золотом и серебром, что будет найдет». В 1634 г. посылали в Саксонию и Брауншвейг нанимать медноплавильных мастеров с обещанием, что «им меди будет делать в Московском государстве много». При царе Алексее мы встречаем уже целую массу иноземцев с запада и востока, «знающих людей» разных национальностей. В 1658 г. царский комиссионер Гебдон должен был призывать на службу из-за границы «алхимистов самых ученых, рудознатцов серебряных и медных и железных руд». В 1667 г. иноземец Иван Фан-Сведен был отправлен за границу «для призывания в Московское государство ремесленных людей», а два года спустя «за всякими мастеровыми людьми и рудознатцами» ездил подковник Николай Фанстаден, который нанимал «рудознатных и плавильных мастеров» в «Курляндской земле».

Ряд экспедиций был отправлен для обследования различных местностей Московского государства в отношении металлов и минералов—«сыскивать всяких руд, слюды, соляных

[1]) Заозерский, 152—56.

разсолов», даже описать «гору каменную алебастровую», ибо о ней великому государю «ведомо учинилось». В экспедициях принимали участие разные «рудознатцы»—в одной гречанин Яван Миколаев, грузинцы Татун и Давыд Мамукаевы, в другой полковник Густав фон-Кампен, в третьей сербы князь Богдан и князь Степан Милорадовы. Но в результате удалось приохотить к этому делу и пробудить предприимчивость и русских людей. Появились «изветчики», которые знали «призначные рудные места», напр., пензенский соборный поп Лука Степанов с двумя своими «духовными детьми», «жилец» Семен Захаров, который «для сыску всяких руд... имеет раденье великое», образовалась даже компания, во главе которой стоял другой поп—церкви Успения Богородицы и которая испрашивала разрешение «сыскать руду своими проторми».

Как указывает А. И. Заозерский, во всех этих действиях ясно выступает наивная уверенность Алексея Михайловича «в техническом, почти всеобъемлющем всемогуществе мастера-иноземца, от которого он ожидал—как он сам выражался—всяких «диковинок, каких в Московском государстве нет», всевозможных «хитростей». Отсюда поручение прислать из-за границы даже «мастеров таких, чтоб умели то зделать так, чтоб всякие птицы пели и кланялись и ходили и говорили, как в комедии делаетца» или «подкопщиков самых добрых, которые б умели подкоп весть под реки, и под озеро, и сквозь горы каменные, и на гору вверх и сквозь воду»—задача, осуществленная лишь в следующие столетия. Отсюда и такие «диковинные затейки» царя, как попытка завести тутовые сады и даже хлопчатобумажные плантации под Москвой—и то и другое с целью насаждения на Руси шелковой и хлопчатобумажной промышленности.

Для разведения тутовых деревьев нашелся «шелкового дела заводчик» армянин Ларион Лыгов. Но неудачные опыты последнего, повидимому, вызвали сомнение в возможности акклиматизировать тутовое дерево под Москвой и царь строит уже новый план кроме «шелковых заводчиков», «которые б умели червей кормить и шелк делать», наказывая еще «такова мастера сыскать, хотя дорого дать, хто б умел завесть и червей кормить таким кормом, который бы был подобен туту, или ис тутового дерева бить масло и в то масло иных дерев лист или траву обмакивая, кормить червей и за помощью Божиею завесть шолк на Москве». Будучи, очевидно, уверен в успешности такого рода попыток, царь уже заботится и о дальнейших стадиях процесса производства. «С иноземцами же уговоритца, поставить всяких шолковых красок самых

добрых... Красильников, которые б сумели красить шолк всякими цветами и знали в каких местех краски живут и каким подобием и на тех местех, где такие краски есть, признаки и травы и леса растут».

Одновременно появляется проект еще более фантастичный—приказание астраханскому воеводе «призвать индейцов мастеровых людей, которые умеют делать киндяки и бяди, да прислать травы маренъ сто пучков да... хлопчатой бумаги, по скольку пуд пригоже». Но оказалось, что в Астрахани «индейцов мастеров нет и не сыскать», а нашелся только «Бухарского двора жилец Кудабердейка, красильный мастер». И на ряду с требованием сыскать «ткачей, которые б ис хлопчатой бумаги умели делать миткали, кисеи» и т. д., отдается приказанье и сырье для этого производства—хлопок разводить у себя. «Чтоб в Астрахани у иноземцев сыскать семени бумаги хлопчатой самого доброва, сколько мочно, и садовника знающего, самого ж доброво и смирнова, который бы умел завесть бумагу на Москве. А будет в Астрахани семян не сыщетца, и боярину и воеводе семени подрядить вывесть из-за моря... и мастера призвать из-за моря ж» [1]).

Таким бразом царь не только мечтает о насаждении у нас хлопчатобумажной промышленности, заимствуя ее из Индии, где она действительно была уже в это время широко развита—на самом деле мы получили ее лишь сто лет спустя, после того, как она появилась в Западной Европе—но и пытается разводить под Москвой ни более ни менее, как хлопок. В том, что иноземцы и на это способны, он, повидимому, не сомневался.

Если разведение не только хлопка, но и тутовых деревьев под Москвой являлось фантазией, совершенно неосуществимой, то насаждение самого производства шелковых тканей и привозного шелка было, конечно, делом вполне возможным. Попытки в этом направлении делали уже при царе Федоре Иоановиче, когда приглашен был для этой цели итальянец Чиноли для тканья парчей, штофов и бархатов (его заведение находилось около новой колокольни Ивана Великого) [2]). В 1625 г. приезжал в Россию бархатного дела мастер голландец Каспар Лермит для устройства предприятия по выделке шелковых материй, но из этого ничего не вышло: привезти с собой «мастеровых людей и снасти» он не считал возможным, ибо «здеся таких шолков нет» и «надобеть завод

---

[1]) Заозерский, 157 сл. 133 сл.

[2]) Аделунг. Крит.-литер. обозрение путешественников по России, I', 8

белик и мастеровые люди из нашие земли без уговору и без денег не поедут»; для царя же получился бы один убыток, так как, за отсутствием шелка, «дело бы стало; а оне бы (мастера) однако хотели бы платеж свой на всякий день имать, хотя бы делали или нет, потому что оне тем живут»[1]). При Алексее Михайловиче был устроен бархатный двор в Москве, но, повидимому, он был очень небольших размеров, ибо когда в 1681 г. явился новый мастер-иностранец для выделки шелковых тканей с несколькими помощниками, то двор оказался слишком мал и пришлось строить новое здание. Да и вообще к тому времени работа на Бархатном дворе, очевидно, успела давно прекратиться.

Возродилось производство шелковых и бархатных тканей лишь тогда, когда в упомянутом 1681 г. бархатный мастер Захар Паульсон, которого в Москве именовали Захаром Павловым, выписал из Гамбурга необходимые для промысла инструменты и обратился уже к царю Федору Алексеевичу с просьбой дать ему взаймы 2 тыс. руб. для того, чтобы привезти из-за границы мастеровых и различные «снасти» и делать не только бархат, но и камки (шелковые ткани) на китайский образец и другие ткани из льна, шерсти и шелка. Кроме того он просил разрешить ему право беспошлинной торговли в Московском государстве и беспошлинный привоз заграничных материалов в течение 10 лет. При этом он указывал на то благоденствие, которое наступит в стране с распространением шелкового производства, ибо материи будут дешевле иностранных, и когда страна перестанет нуждаться в последних, то иноземные купцы будут расплачиваться с русскими не товарами, а золотыми монетами, которых привозят пока очень мало. Он развивал, следовательно, учение меркантилизма о выгодности создания промышленности в смысле привлечения в страну звонкой монеты. Кроме того новый промысел даст работу многим праздным людям и доставит при вывозе материй доход казне.

Почти все желания Захара Павлова, кроме права беспошлинного привоза иностранного сырья, были выполнены — сырье ему предлагалось покупать в Москве у «армянских» и «индейских» (индусских) купцов, но также беспошлинно. Предприятие он устраивал на собственные средства и должен был поставлять материи преимущественно для двора с уплатой по цене, существующей в московских рядах, а то, что не будет взято для государевых нужд, ему предоставлялось

[1]) Мулюкин, 93.

продавать в рядах «по вольною ценою». Иностранным мастерам, которых он намеревался выписать, давалось обещание, когда они пожелают, вернуться на родину.

Действительно, вскоре он отправился в «Цесарскую землю, в Амбург и в Голланской и в Нидерланской Гишпанского державы земли» и привез оттуда 18 мастеров с женами и детьми, затем построил дом в Новонемецкой слободе, получил для начала дела шелк из Аптекарского приказа и заказ на царские одежды для царя Федора Алексеевича. Когда заказ был выполнен, последнего уже не оказалось в живых, но все же заказанные материи были у него куплены и при новом правительстве. Из представленной им росписи выделанных материй видно, что он уже в течение первого года успел изготовить бархатные материи разных цветов, атласные, расшитые серебром, камку, байберек, об'ярь и иные сорта шелковых тканей. Все невзятое во дворец он старался продать, но эта вольная продажа у него плохо шла—он жаловался на то, что купцы ему завидуют и ничего у него не покупают.

Однако из 18 привезенных им мастеров вскоре осталось только 2, да и с ними были нелады—Захар Павлов однажды жаловался в Аптекарский приказ, что один из них, явившись к нему в дом, бил его, вырывал у него волосы и называл его вором. И эти двое, по их просьбе, были отпущены обратно на родину. Позже у него работал еще один иноземец, но и тот сбежал. И сам Захар Павлов уже спустя два года заявлял, что он дела вести дальше не в состоянии и просил либо и ему дать разрешение на отъезд, либо предприятие принять в казну (делать товары для государева обихода на государево жалованье). Принимая во внимание жалобы его о разорении, правительство выразило согласие взять на себя содержание предприятия, причем он получал теперь шелк-сырец, золото и серебро из казны и ему самому назначалось на корм и на всякие расходы 300 р. Он обязался принять восемь русских учеников и затем каждый год брать еще четырех; ученики должны были жить у него на дворе и для них предполагалось выстроить еще одну избу и велено было обучать учеников полному его мастерству, ничего от них не скрывая.

Таким образом, мы имеем перед собой предприятие, работающее на нужды дворца, подобно всем описанным выше, но мало того, так же, как в тех случаях, предприятие, существующее на казенные средства—мастер получает и сырье и жалованье и поставляет ко двору выделанные ткани. Частное предприятие даже с полученной и в значительной мере упрощенной ссудой, повидимому, не могло еще существовать.

хотя бы имело двор своим главным поставщиком—на рынок во всяком случае рассчитывать ему не приходилось. Задача заключалась теперь в том, чтобы Павлов научил русских людей своему искусству и таким образом можно было бы обойтись в будущем не только без иностранных шелковых материй, но и без иноземных мастеров этого промысла.

Действительно мещанским старостой было выбрано 8 человек детей в возрасте от 12 до 14 лет (позже прибавилось еще двое) и послано Захару Павлову, за обучением их установлен был надзор и если они пропускали рабочие дни, то к ответу привлекались их родители. Когда же он пожаловался в Посольский приказ на одного из учеников, что он в течение 10 дней не ходил на работу, то велено было не только вычесть ему кормовые деньги, но и бить его батогами. Был и такой случай, когда мастер жаловался на учеников, что они по ночам играют в карты, пьют, ломают на дворе его строения и в хоромах печи и окна, кроме того они украли у него немецкую перину и медную кастрюлю. Ученики жили первоначально в старой избе мастера, жалуясь на то, что в ней лавок нет, окна ветхи, печь развалилась, позже была выстроена, повидимому, для них новая изба, ибо дрова стали выдаваться уже на отопление двух изб. Впоследствии имелось три избы—одна мастера с тремя светлицами, другая для учеников, третья людская; полы были «дощатые», печи «образчатые», окна стеклянные. Кроме учеников, которые получали жалованье из казны, на Павлова работали еще женщины, которые шелк разматывали и которым он платил 50 р. в год, два работника, получавшие за кручение шелка 20 р., другие двое наматывали шелк на бабинки и пряли за 20 руб.

В виду того, что кроме этих расходов ему приходилось тратить еще на починку снастей, на краски, на добавочный шелк и т. д. 70 р. в год, Захар Павлов, по его заявлению, выдаваемым ему жалованием прокормиться не мог и, поэтому снова просил отпустить его на родину; ему это было обещано, как только он выучит учеников всему, что сам знает. Был произведен экзамен ученикам в Посольском приказе в присутствии кн. Полицына и оказалось, что три ученика выучились в совершенстве ткать байберекн и уже ткали камки на китайский образец, серебряные обояри, гладкие атласы и камчатые бархаты; но они еще не выучились вязать «подношки», красить шелк и разные узоры накладывать на материи. На экзамене они просили, чтобы их выучили этим работам и чтобы имеющиеся у мастера книги на французском, немецком и голландском языках о крашении шелка и о накладывании

узоров были переведены для них на славянский язык. Когда эти три ученика были обучены и остальным операциям (и книги были переведены), Павлов был отпущен из Москвы (в 1689 г.).

Ученики должны были попрежнему продолжать работу в тех же помещениях, но это продолжалось не долго—вскоре. после семилетнего своего существования, предприятие прекратилось. За это время было выделано значительное количество бархатных и шелковых материй для царского обихода, в особенности для царевен, брались ткани во дворец и для раздачи в виде наград служилым людям, среди прочих ткани получили Сильвестр Медведев, строитель Заиконоспасского монастыря, и братья Лихуды за их «божественные труды». Но самое производство сохранить не сумели и именно. тогда, когда цель была достигнута и несколько человек русских ему обучились и готовы были без помощи Захара Павлова продолжать дело и взять учеников, предприятие заглохло [1]).

При Петре пришлось вновь выписывать иностранцев и начинать дело сначала. впрочем не только в области шелковой промышленности, но и в промышленности вообще. Так, напр. для печатного двора, по желанию патриарха Никона, была построена бумажная мельница на реке Пехре, при государевой Зеленой слободе в 1655 г. и заведование ею было передано особому целовальнику бумажного дела из суконной сотни Лукьяну Шпилькину. Декабря 5 дня 1656 г. бумажный мастер Иван Самойлов в первый раз отвез в Москву в печатный книжный приказ 75 стоп бумаги, но, повидимому, плохой—она названа «черной», когда же приступили к производству бумаги белой, то «пошла вода с гор и учала плотину портить»—мельница была разрушена [2]). Повидимому там же находилась впоследствии упоминаемая Кильбургером бумажная мельница иностранца фон Шведена, который был выписан для обучения русских бумажному делу; ему были переданы мельницы бумажная и хлебная и велено брать с него оброку по 100 стоп самой доброй писчей бумаги. И это предприятие просуществовало недолго.

Все же все эти дворцовые предприятия, как и вообще предприятия созданные иностранцами в XVII ст., подготовляли почву для деятельности Петра. Хотя все они и были весьма

---

[1]) Лермонтова. Шелковая фабрика в правленье царевны Софьи Алексеевны. Записки отд. рус. и слав. археологии имп. рус. археологического общества, т. XI, 1915, стр. 43 сл.

[2]) Лихачев. Бумага и древнейшие бумажн. мельницы в Москов. госуд. Записки имп. рус. археол. общ., ч. V, 319 сл. Кильбургер, 72—3.

небольших размеров и с очень незначительным числом рабочих, хотя они и не производили еще для рынка и в большинстве случаев и содержались на казенный счет, хотя, наконец, многие из них были недолговечны,—но все же первый шаг был сделан—Россия стала учиться у Запада, подражать Западу, пользоваться западными мастерами и при их помощи создавать у себя новые отрасли производства—шелковое, стекляное, бумажное, расширять ранее существование—суконное, металлургическое, пушечное. С появлением Петра все эти зачатки могли получить надлежащее развитие.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Крупная промышленность при Петре Великом.

Великая реформа Петра Вел., которая вывела Россию «из небытия в бытие», представляет собой, по словам Соловьева, великий подвиг, огромный, всесторонний переворот, сопровождающийся крупными всемирно-историческими последствиями и заложивший новые начала во всех сторонах внутренней жизни народа [1]). Петр «взял из старой Руси силы, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические средства для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений», и все же произвел «коренной переворот», или «скорее потрясение; оно было революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвело на современников». Впечатлительным иностранцам «Россия представлялась как бы одним заводом; повсюду извлекались из недр земных сокрытые дотоле сокровища; повсюду слышен был стук молота и топора; отовсюду текли туда ученые и всяких званий мастера с книгами, инструментами, машинами и при всех этих работах виден был сам монарх, как мастер и указатель. Но даже иноземцы, недоверчиво смотревшие на промышленные усилия Петра, признавали, что при множестве лопнувших предприятий, некоторые производства не только удовлетворяли внутренний спрос, но и снабжали заграничные рынки, например, железом, парусиной» [2]).

---

[1]) Соловьев. Ист. России. Т. 18, гл. 3.

[2]) Ключевский, IV. 157—58, 285; 292.

Однако, насколько подготовлена была та почва, в которую бросались эти новые семена? Впервые поставил этот вопрос Корсак в своей замечательной книге «о формах промышленности», и пришел к отрицательному выводу. «Самое важное условие для развития фабричной промышленности в стране— говорит он— есть подготовка значительной части населения в роли искусных и дешевых работников... Россия в эпоху Петра находилась в положении, далеко неблагоприятном для введения в ней фабричного или мануфактурного способа производства Петр между тем хотел перенести на русскую неподготовленную почву мануфактурную деятельность в полном и целостном ее об'еме. Он разом захотел ввести у нас почти все отрасли промышленности, существовавшие в то время на Западе. В одно и то же время нужно было и подготовить работников, и основывать фабрики, и открывать сбыт для их произведений. Средства, которые избрал Петр для исполнения своих планов, заключались большею частью в тех мерах и той регламентации, которые были произведением меркантилизма на Западе» [1]).

Корсак находит, что «самый прямой и естественный переход к фабричной и мануфактурной форме производства должен бы состоять в соответственной организации тех местных и наиболее распространенных промыслов, изделия которых прежде имели довольно обширный сбыт... Вместо того, чтобы простых сельских ремесленников, которые до сих пор работали на продажу в свободное время самостоятельно, делать фабричными работниками, было бы гораздо лучше сделать их самих фабричными предпринимателями,—и вместо того, чтобы строить на счет казны фабрики и отдавать их потом купцам и помещикам, не лучше ли было бы отдавать их целым местностям, которые были заняты тем же промыслом при помощи домашних простых орудий... Новая форма промышленности была решительно противоположна всем народным привычкам и формам жизни» [2]).

Эта мысль—что Петр направил развитие нашей промышленности по ложному пути, придал ей искусственный характер насаждением крупного производства, повторялась затем многократно. Ярким выразителем ее, хотя и в несколько видоизмененной форме, является П. Н. Милюков. Он касается этого вопроса уже в своем «Государственном хозяйстве в России в первой четверти XVIII ст.». «В необходимости целей—чи-

---

[1]) Корсак. О формах промышленности. 124 сл.

[2]) Корсак, там же, стр 128 сл.

таем здесь—в которой сомневались современники Петра, было бы теперь поздно и бесполезно сомневаться; относительно своевременности их постановки могут быть, к сожалению, два ответа, смотря по тому, будем ли мы их рассматривать по отношению к внутреннему или внешнему положению России. По отношению к внешнему положению России своевременность постановки этих целей доказывается уже их успешным достижением. По отношению к внутреннему положению ответ на вопрос должен быть отрицательный. Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало еще достаточными средствами для их выполнения. Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие... Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы» [1]).

Указывая на то, что на Западе «домашняя форма промышленности мало-по-малу превратилась в чисто-капиталистические формы», в другом своем сочинении тот же автор, противопоставляет Западу Россию, где «мануфактура и фабрика не успела развиться органически, из домашнего производства, под влиянием роста внутренних потребностей населения», а «создана была впервые правительством, которое руководилось при этом как своими нуждами (наприм., в суконах для армии), так и теоретическими соображениями о необходимости развития национальной промышленности... Старинные русские кустари при этом были забыты и новая форма производства перенесена с Запада готовою. В стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами и привилась лишь благодаря продолжительному и усиленному покровительству. Рабочие даны были фабрикантам даровые в лице приписанных к заводам крепостных (т. наз. поссессионных крестьян). Покупатели даны были обязательные, так как фабрики получили монополию на производство, а однородные иностранные продукты были обложены тяжелыми ввозными пошлинами». И результат все же получился слабый. При поверке в 1730 г. многие фабриканты оказались «подложными», а в 1744 г. «за неразмножением фабрик и за худым мастерством сделанных на тех фабриках товаров», закрыты были 44 фабрики; не мало предприятий закрылись и сами собой [2]).

[1]) Милюков. Государственное хозяйство в России в первой четв. XVIII ст. и реформа Петра Великого. 1892. Стр. 735.

[2]) Милюков. Очерки истор. рус. культ. I. 85 сл.

Против этих взглядов решительно выступил М. И. Туган-Барановский. Он исходит из того факта, что «Петру несомненно удалось вызвать у нас крупное производство»—это подтверждается количеством и размерами возникших при Петре фабрик; о дальнейшей их судьбе, о «подложных» фабриках он не упоминает. Возвращаясь таким образом к старому, приведенному выше, взгляду об огромном значении деятельности Петра в области создания нашей промышленности, Туган-Барановский, однако, в отличие от указанного направления, не ограничивается констатированием факта, а старается показать, что «случайные личные воззрения Петра и его преемников» отнюдь не играли решающей роли в истории нашей промышленности. Он пытается установить, что хотя в «допетровской Руси не существовало промышленного капитализма, но был вполне развит торговый капитализм...! Концентрация торгового капитала, наблюдавшаяся в до-петровской Руси, была вызвана не правительственными мероприятиями, а естественной эволюцией торговли, преимуществами крупной торговли перед мелкой». Дело в том, что «ничего не может быть ошибочнее представление о Московской Руси, как о государстве исключительно земледельческом, почти не имевшем торговли. Наоборот, всех иностранцев, приезжавших в XVII веке в Москву, поражало развитие торговли в этом городе и вообще склонность русских к торговле». Мало того, торговый капитал успел к этому времени проникнуть и в область промышленности. «Уже в XVII веке кустарь был в руках торговца, владевшего рынком», «торговец являлся необходимым посредником между производителем (в огромном большинстве случаев деревенским кустарем) и потребителем» [1]).

«Этот то торговый капитал—по мнению М. И. Туган-Барановского—и явился базисом, «на котором основалось крупное производство в эпоху Петра». Но «торговец отнюдь не обнаруживал наклонности делаться самостоятельным предпринимателем и обращать своего поставщика-кустаря в наемного рабочего, работающего в мастерской хозяина». Перемена произошла лишь благодаря тому, что на сцену выступил новый фактор—государство. Последнее нуждалось в целом ряде предметов вооружения, обмундирования и т. д. и самые крупные фабрики и заводы—оружейные, пушечные, литейные заводы, суконные, парусно-полотняные, писчебумажные фабрики—поставляли свои изделия исключительно или главным

---

[1]) Туган-Барановский. Русская фабрика. 3 изд. 1907, стр. 2, 11.

образом в казну. «Итак—заключает он—хотя без мер, принятых Петром», крупное производство не имело никаких шансов развиться в тогдашней России, эти меры имели успех лишь вследствие подготовленности русской экономической почвы к новым формам промышленности». Да и самая «промышленная политика Петра совершенно не была случайна, диктовалась экономической необходимостью. Промышленное производство России по западно-европейскому образцу было также необходимо, как и переустройство ее армии на европейский лад. Для того, чтобы успешно вести войну, требовались не только обученные солдаты, но также и пушки, ядра, порох, оружие, солдатское сукно, полотно» и т. д. Наконец, если «крупное производство возникло в России под непосредственным влиянием правительства», то это вовсе не является чем-либо характерным именно для русской промышленности, ибо не существует ни одной страны в мире, на Западе или на Востоке—все равно, где капитализм развился бы без деятельной поддержки правительства». Об «искусственности» русского капитализма таким образом говорить не приходится[1]).

Для того, чтобы дать ответ на этот поставленный в нашей литературе вопрос, необходимо прежде всего уяснить себе хотя бы в общих чертах, как совершалось развитие промышленности в эту эпоху в Западной Европе. Ведь в сущности проблема ставится таким образом: была ли у нас почва для создания промышленности в той же мере подготовлена, как в других государствах, или же, в отличие от них, вся промышленная реформа была построена на песке, не имела прочного фундамента в виде необходимого капитала и рабочей силы, в виде спроса со стороны населения на промышленные изделия. Только при таком сопоставлении выяснится, насколько искусственным являлось то направление, которое Петр дал русской хозяйственной жизни.

Прежде всего надо иметь в виду, что и в странах Западной Европы везде и повсюду, возьмем ли Англию, Голландию, Францию или Австрию, Пруссию и другие германские государства, или наконец, Скандинавский полуостров, Испанию и Португалию,—создается в XVII-XVIII ст. промышленность в форме кустарного производства, отчасти—в гораздо меньшей степени—и централизованных мануфактур, причем во всех странах инициатива исходит от правительства; оно принимает всевозможные меры поощрения и содействия ее созданию и развитию. Петр Вел. в этом отношении не выдумал ровно ни-

[1]) Туган-Барановский, стр. 4. 8. 17.

чего новаго, он применил на русской почве то, что уже до него осуществляли Кромвель и Кольбер, прусские короли, нидерландские штаты и то, что после него практиковалось Фридрихом Великим и Марией Терезией. Везде и повсюду государство «давило на население, заставляло его выйти из обычного инертного и апатичного состояния, старалось вытащить застрявшую в грязи телегу народного хозяйства». Трогательную картину представляют собою попытки Кольбера «подталкивать своих особенно неподвижных современников», несколько ускорить их бег путем привилегий и денежных пособий, иммиграции иностранцев и ряда других мер. «Он был первым предпринимателем среди своей нации—читаем о шведском короле Густаве Ваза—он сумел и извлечь богатства из недр Швеции и использовать их в интересах казны, и указать купечеству новый путь не только торговыми договорами и охранительными пошлинами, но и собственной широко поставленной морской торговлей».

На первом плане всегда стояли и на Западе потребности государства, точнее нужды военные. Эпоха XVII-XVIII ст. является периодом почти беспрерывных войн на Западе, войн между Англией и Францией, Англией и Индерландами, Англией и Испанией, Францией и Индерландами, войн Людовика XIV, Фридриха Вел. Для ведения войн нужны были обширные армии и флот, которые создаются в эту эпоху и на содержание которых необходимы были многочисленные и разнообразные отрасли промышленности. Для армии нужно было сукно и холст на обмундирование, холст нужен был и для палаток и для парусов, кожи необходимы были для обуви, седел, сбруи и всякого рода иных приспособлений. Не менее велика была потребность в оружии—ружьях, пушках, снарядах, холодном оружии, а для всех этих предметов вооружения необходима была добыча железной и медной руды и переработка руды в железо и сталь. Наконец, для флота, кроме выделки парусов нужно было кораблестроение, производство канатов, якорей. Всеми этими потребностями военного характера об'ясняется то особое внимание, которое правительства Запада уделяют шерстяной, льняной и кожевенной промышленности, горному делу, металлургическому производству и кораблестроению, частью создавая собственные казенные предприятия, частью поощряя деятельность частных лиц и компаний.

На ряду с этим имелись в виду и потребности другого рода—потребности государя, двора и придворной аристократии в предметах роскоши, в одежде и белье высшего сорта, в частности из шелка и кружев, в стеклянной и фарфоровой

посуде, в обоях, коврах, мыле и парфюмерных товарах, изделиях из табаку, в ценной мебели и зеркалах и многом другом. Отсюда и находим предприятия двоякого рода. С одной стороны горные и металлургические, пушечные и ружейные заводы, производство суконное, льняное, кожевенное, паруеное, кораблестроение, а с другой стороны предприятия шелковые, кружевные, зеркальные, стекольные, фарфоровые, обойные табачные, мыловаренные и опять таки суконные и полотняные, только вырабатывающие полотно тонкое, шерстяные ткани для двора и аристократии.

Многие из этих отраслей промышленности, как производство шерстяное, льняное, кузнечное и оружейное, кожевенное, уже и раньше существовали и развивались вполне самостоятельно по инициативе скупщиков-торговцев, которые давали заказы главным образом деревенскому населению, нередко снабжали его сырьем, а затем готовые изделия сбывали по городам и рынкам, поставляли и казне, для двора, для армии. Но этого производства теперь, с ростом армии и флота и с увеличением количества войн оказывалось уже совершенно недостаточно. Поставщики не в состоянии были снабжать армии сукном, обувью, оружием в том количестве, какое нужно было, и с той быстротой, как этого требовала война. Необходимо было создать массовое производство и притом скорое производство.

Других же товаров в стране и вовсе не было. Приходилось пересаживать иноземные производства, привлекать иностранцев, которые насадили бы новые отрасли и обучили бы им туземное население. Только таким путем везде и повсюду создавали производство шелка, бархата, позументов, производства стекла, зеркал, фарфора, часов, лент, кружев, обоев, мыла, как и новых сортов шерстяных, льняных, полубумажных тканей.

Но как создать и развить все эти отрасли промышленности? Для этого нужен был труд и капитал. Добыть необходимую рабочую силу было делом нелегким. Праздношатающихся и нищенствующих людей было повсюду великое множество, но для работы они часто были непригодны, да сплошь и рядом ее избегали, предпочитая бродяжничать и питаться подаяниями. Государство везде и повсюду вступает в борьбу с этим злом, стараясь сократить число нищих и бродяг и в то же время использовать их, снабдить ими вновь создаваемую промышленность. Учреждаются работные дома, исправительные заведения для нищих, бродяг, проституток, приюты для бездомных и нищенствующих детей и сирот, и в этих учрежде-

ниях производятся разнообразные промышленные работы. Или же сидельцев этих заведений и детей-сирот отдают предпринимателям для употребления их в промышленности [1]).

Не менее сложным являлся вопрос о необходимом капитале. Наивны, конечно, рассуждения, будто в Западной Европе капитализм был менее подготовлен, чем у нас, ибо там господствовало цеховое ремесло,—как утверждал Струве. На самом деле цехи в XVII ст. состояли уже отнюдь не из одних ремесленников. Были организации, сохранившие цеховую форму, но состоявшие из одних кустарей, работавших на торговца. Иногда и компании последних принимали форму цеха или скупщики на ряду с кустарями входили в состав того же цеха. Но что еще важнее, это то обстоятельство, что в различных западно-европейских государствах был налицо значительный капитал, созданный заокеанской торговлей, благодаря которой золото и серебро из колоний притекало в огромном количестве. Этот капитал в Англии и в Нидерландах имелся в изобилии и его прекрасно можно было использовать для новой промышленности. Низкий уровень процента, головокружительная спекуляция на бирже в начале XVIII ст., стремление помещать деньги в государственные займы,—все это свидетельствовало о том, что капитал имеется в стране в обильном количестве. Достаточно было толчка со стороны правительства в виде таможенного протекционизма, поощрения иммиграции иностранцев, и такие страны, как Англия и Нидерланды, стали вскоре промышленными государствами, удовлетворявшими собственные потребности произведенными у себя дома изделиями, не нуждаясь в иностранном привозе. Материальной помощи со стороны государства здесь совершенно не требовалось. Не было ни казенных предприятий (за немногими редкими исключениями, в виде, напр., арсеналов), ни снабжения частных лиц или компаний правительственными ссудами.

Несколько труднее было положение во Франции. Там хотя и имелось значительное число капиталистов, наживших состояния на торговле с колониями и на биржевых операциях, в особенности же на откупах всякого рода, все же капитал этот далеко не столь охотно шел в торговые и промышленные предприятия, как в Англии и Нидерландах. Откупщики предпочитали помещать свое состояние в земле и этим путем пробираться в дворянство. Кольбер поэтому вынужден был, не

[1]) См. Мои Лекции по истор. экономич. быта, изд. 6-ое.

ограничиваясь привлечением иностранных мастеров, выдачей исключительных привилегий на право производства тех или других товаров, предоставления новым предприятиям звания королевской мануфактуры и т. д., еще и снабжать новые предприятия нужным им капиталом, выдавать беспроцентные ссуды, безвозвратные пособия, награды мастерам и т. д. А нередко приходилось и попросту учреждать казенные предприятия, так как частных лиц не находилось. Равным образом, и при создании заокеанских торговых компаний казна, король и члены королевской семьи принимали на себя большую часть акций.

Еще хуже дело обстояло в таких странах, как Пруссия, Баден, Бавария, Австрия. Они в заокеанской торговле никакого участия не принимали, колоний не имели и поэтому тот поток золота и серебра, который шел оттуда в Европу, проходил мимо них. Вообще они вели торговлю из вторых рук, получая заокеанские товары из Нидерландов, Франции, Англии. Эти государства страдали недостатком в капиталах. Но им трудно было создать собственную промышленность и вследствие иноземной конкуренции, ибо заграничные товары производились дешевле и лучше.

По всем этим причинам промышленная политика этих стран приняла несколько иной характер, чем Англии и Нидерландов. Прежде всего мы здесь находим большое количество казенных предприятий. Горные заводы, литейные и плавильные, фарфоровые и многие другие учреждаются казной. Иногда казна старается передать их частным лицам, в других случаях напротив учрежденные последними предприятия остановившиеся и готовые закрыться переходят в руки государства, которое старается как-нибудь спасти их. С другой стороны частные предприятия не могут возникать без ссуд и пособий со стороны казны. И в дальнейшем они каждый раз обращаются к казне за помощью, ибо собственными средствами не в состоянии дальше вести дело. Отсюда непрерывные и крупные выдачи из казны на развитие промышленности. Для того сравнительно небольшого производства, которое уже к началу XVII ст. существовало и которое главным образом покоилось на кустарном труде деревенских жителей, было достаточно капитала. Но с расширением производства для нужд армии и с появлением новых отраслей промышленности, перенесенных из других стран, капитала этого уже было слишком мало и необходима была помощь казны. А в то же время приходилось принимать и разного рода принудительные меры, заставляя местных торговцев приобретать изделия новых

предприятий, вынуждая предпринимателей продолжать производство, хотя бы оно и было убыточно, и т. д.

Как мы видим, в этих странах новая промышленность отчасти носила искусственный характер. Она далеко не всегда вызывалась существующими потребностями, производство предметов роскоши нередко превосходило спрос на них, да и нужного для этого капитала не имелось, как и не было нередко рабочих рук. Принудительные меры, практикуемые по отношению к предпринимателям, торговцам, потребителям, рабочим—лучше всего подтверждают это положение. И соответственно этому, и результаты были далеко не всегда блестящи. В то время, как английская и нидерландская промышленность весьма успешно развивалась, многие созданные во Франции Кольбером предприятия не двигались с места, другие после его смерти, как только усиленная поддержка их прекратилась, стали закрываться. Из созданных Фридрихом Вел. отраслей промышленности многие лишь временно развивались, впоследствии же почти совершенно исчезли; так вся вызванная им к жизни с таким трудом и со столь крупными жертвами для казны шелковая промышленность уже к концу его царствования стала прекращать свое существование. В Силезии им было вызвано в жизнь множество разнообразных предприятий: торговцев и дворян, монастырей и евреев, — всех заставляли учреждать предприятия. И в сообщаемых королю периодических данных о числе заведений и занятых в них рабочих цифры постоянно росли. Но на самом деле отмечали только прирост, но не убыль, не указывали большого количества очень скоро закрывшихся предприятий.

И все же никто не станет утверждать, что вся эта промышленная политика была бесплодна. Если многое не удавалось, различные меры оказались безрезультатными, государство нередко искусственно вызывало новые отрасли производства, то все же известные успехи были достигнуты и наряду с многочисленными погибшими предприятиями были и такие, которые успешно развивались, или на месте одних, закрывшихся, возникали другие. Во всяком случае начало было положено и все было подготовлено для фабричной промышленности XIX века, для эры машин и двигателей.

С такой точки зрения мы должны рассматривать и деятельность Петра Великого. Несомненно, что торговый капитал у нас существовал и до Петра и кустарная промышленность в XVII ст. была построена на нем и без него не могла бы существовать. Иностранцев, посещавших Россию, поражала коммерческая предприимчивость русских, их любовь к торговле;

все они вплоть до самых важных, во главе с «первым купцом-царем», занимаются торговлей. «Все здесь, от высшего и до низшего, только и думают о том, как бы тут или там на чем либо нажиться». Иностранцы поражались обилием московских лавок и рядов со всевозможными товарами, чем Москва превосходит самые крупные торговые центры [1]). Мало того, у современника Петра Посошкова—как указывает М. Н. Покровский—«уже намечается тот пункт, где торговый капитализм переходит в промышленный»; «без купечества—читаем у Посошкова—никакое не только великое, но и малое царство стоять не может; купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает». Только—прибавляет М. Н. Покровский — параллель Посошкова можно бы перевернуть: «в петровской политике роль души приходилась на долю купечества, а воинство было телом, той материальной силой, которая «уготовляла потребности торговому капиталу» [2]).

Но, конечно, одного факта существования торгового капитала в Московском государстве «недостаточно, чтобы признать петровскую фабрику порождением именно этого капитала. Необходимо ранее установить, какие именно причины побуждали представителей торгового капитала перейти к организации крупной промышленности, заключались ли эти причины в условиях самого экономического процесса», и далее необходимо выяснить, «достаточны ли были силы торгового капитала для задачи создания крупного производства» [3]). Дать утвердительный ответ на эти вопросы невозможно не только для России, но—как мы видели— и для многих западно-европейских государств. Сам по себе торговый капитал был слишком слаб и слишком инертен для создания новой промышленности—без помощи государства и без его поощрения дело не могло обойтись.

Наша промышленная деятельность и раньше развивалась под влиянием потребностей казны. Для казенных надобностей ремесленников вызывали—как мы видели в XVII ст.—из провинциальных городов в Москву. В Туле в 1625 г. насчитывалось 33 кузницы, из них 17 казенных. С 1628 по 1677 г. число казенных ремесленников в Туле увеличилось в три раза. Те мастера-иноземцы, о которых мы говорили в предыдущей главе, вызывались на государеву службу, и это—как мы ви-

---

[1]) Де Родес. Размышления о русской торговле в 1653 г. (Магаз. землевед. и путеш. V. 234). Кильбургер. Краткое известие о рус. торговле, 10.

[2]) Покровский. I, 104.

[3]) Мякотин. Попытка общей истор. рус. фабрики. Рус. Богат. 1899. I.

дели— не было одной лишь фразой. Либо они лили пушки, выделывали порох, отыскивали руду, изготовляли селитру для армии, либо они работали для дворцовых нужд, как золотых и серебряных дел мастера, производители стеклянных сосудов, шелковых материй, бумаги. В большинстве случаев заводимые ими предприятия являлись казенными, устраивались на счет государя и мастера получали от него жалованье, и лишь в немногих случаях мы находим частные заведения (железоделательные Марселиса и Акемы, стеклянное Коэта). Правда, мы упоминали и о таких иностранцах, о которых говорится «кормится у города, у иноземца работой своею», в частности «шьет на иноземцев платье», но это были, повидимому, мелкие ремесленники, которые работали в новой иноземской (новонемецкой) слободе на проживающих там «служилых немцев», т. е. военных людей (среди 204 домовладельцев слободы находим в 1665 г. 142 офицеров) и прочих иностранцев. Этих ремесленников надо отличать от тех иноземцев, которые должны были заводить новые отрасли промышленности в стране или расширять уже ранее существовавшие.

Петр первоначально шел тем же испытанным путем— создавал казенные предприятия, имея опять таки в виду нужды казны, которые усилились вместе с реформой армии, получившей внешний вид и строй европейской регулярной армии. Если к этому прибавим, что Петр впервые создал флот в России, то ясно станет, что существовавшая в те времена промышленность не могла удовлетворять нуждам государства.

Отсюда многочисленные указы об учреждении Петрозаводского, Сестрорецкого и Охтенского металлургических и оружейных заводов, об устройстве селитренного завода в Казани, позже в Киевской губернии, в Великороссийских и Малороссийских городах, о создании полотняных предприятий и вызове с этой целью мастеров из-за границы [1]).

Однако, очень скоро он меняет свою политику в том смысле, что той же цели—развития промышленности для казенных надобностей старается достигнуть при помощи частных предпринимателей. Поэтому, казенные предприятия передаются частным лицам. Сознание невозможности для казны вести промышленные предприятия появляется уже гораздо раньше. В 1633 г. вызваны иностранцы, которым поручается производство, ибо казенное не удалось—«учали было в нашем государстве на Москве делать тянутое и волоченое золото и серебро и канитель ...и медное дело и то дело учало ста-

[1]) Полное Собр. Закон. № 2486. 1579. 2829.

виться дорого и прибыли нашему царскому величеству в том деле было мало» [1]). Однако это были лишь единичные случаи. По общему правилу все делалось на казенный счет и, повидимому, до Петра иначе поступать невозможно было. Только теперь—хотя и с трудом превеликим—нашлись охотники, частные промышленники. Так в 1711 г. велено было «полотняные заводы и в ново-немецкой слободе купленные дворы, которые ведомы в посольском приказе, с призванными к тому делу мастерами-иноземцами по договорам их, и русских людей, обучившихся тому делу, отдать купеческим людям, которые торгуют в Москве: Андрею Турке, Степану Цынбальщикову и другим» [2]). В следующем году приказано было и суконные предприятия отдавать частным лицам, с тем, чтобы казна через пять лет могла уже довольствоваться суконами русского производства: «завод суконный размножать не в одном месте, а так, чтобы через пять лет не покупать мундира заморского... а заведши дать торговым людям, собрав компанию» [3]).

В регламенте мануфактур-коллегии 1723 г. уже установлено общее предписание, касающееся промышленности: «казенные фабрики, уже заведенные, и те которые будут заведены, передавать партикулярным лицам» [4]). Соответственно этому, казанская суконная фабрика, основанная в 1714 г., десять лет спустя была передана казанцу гостиной сотни Микляеву с компанейщиками. В это время в этом предприятии числилось 40 станов, 587 человек мастеров и рабочих и оставалось еще 673 половинки сукна на 9.287 руб. В 1729 г. петербургские жители Маслов, Солодовников, да «бумажный мастер иноземец» сами просили передать им казенный бумажный завод [5]).

В этих случаях образуются компании из лиц, именуемых «содержателями» предприятия. Господствовал взгляд, что следует «учредить компании или общества торговые, дабы общим богатством над привилегиями сильнее было действовать. А таким компаниям надобно, кажется, сочиненным быть из всякого рода людей, т. е. из мещан, купцов и дворян, так как то во многих государствах с великою пользою производят».

---

[1]) Мулюкин. 102.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2324.
[3]) Там же № 2467.
[4]) Там же № 4378 п. 15.
[5]) Лаппо-Данилевский, Торгово-промышл. комп. 24—25.

Не только в области обрабатывающей промышленности, но и в горном деле правительство стало передавать заводы в руки частных предпринимателей «для пресечения имеющихся в содержании казенных заводов напрасных убытков». И здесь появляются компании содержателей, получающие на определенных условиях казенные предприятия «в собственный их промысел».

На ряду с такого рода предприятиями, которые после «приведения их в доброе состояние», отдавались в содержание «партикулярным людям», появляются и частные, непосредственно учреждаемые отдельными лицами, но со всевозможными поощрениями со стороны правительства, ибо сие дело «сначала не без великого труда, а наипаче не без убытка может произведено быть». «Понеже мы прилежное старание имеем о распространении в государствах наших и пользе общего блага и пожитку подданных наших, купечества и всяких художников и рукоделий, которыми все прочие благоучрежденные государства процветают и богатятся», то Шафирову и Толстому велено (в 1717 г.) «труд приложить, дабы в нашем государстве учредить фабрику или художества всяких материй и парчей», а так как ее «без всяких иждевений и долгого времени завесть и в доброе состояние привесть невозможно», то упомянутым лицам даются всевозможные льготы, как-то: свобода от всех податей, право беспошлинной продажи своих изделий в течение 50 лет, в тех городах, где они «те заводы завесть заблагоразсудят, на первое время готовые дворы строением безденежно», в особенности же исключительное право устраивать в России такого рода предприятия [1]).

Однородные преимущества даются и ряду других предпринимателей, как напр., в 1718 г. купцу Павлу Вестову право на исключительное устройство в Москве сахарных заводов на 10 лет, в 1719 г. стольнику Афанасию Савелову и купеческим сыновьям Томилиным привилегия на устройство скипидарных, канифольных и гаршпусных заводов, по которой им предоставлено исключительное право торговли означенными вещами в России и право остатки отпускать беспошлинно заграницу. Компании для выделки волочильного и плющильного золота и серебра было разрешено даже «отбирать безденежно, как серебро, так и инструменты того, кто будет сверх их компании оное мастерство производить» [2]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. V. № 3089.

[2]) Там же. V. № 3181. 3358. VI. 6554.

Как мы видим, Петр не ограничивается созданием промышленности для нужд армии, но старается насадить и производство разного рода предметов роскоши, потребляемых при дворе и высшими кругами, чтобы избавить Россию от необходимости привоза этих изделий из-за границы и сохранить звонкую монету в стране. Он покровительствует производству шелка, бархата и парчи—мы упоминали в шелковом предприятии Шафирова, поощряет выделку сахара—мы приводили привилегию сахарозаводчику Вестову. Он создает заводы стеклянные, писчебумажные, табачные. При Петре учреждено было несколько стеклянных заводов, в том числе и существующий поныне «Императорский стеклянный завод» в Петербурге.

Посетив в 1712 году в Дрездене бумажную мануфактуру Шухарта, Петр тогда же нанял несколько мастеров и отправил их в Москву для устройства бумажной мельницы. Немец Плейфер в том же году в Москве устроил такое предприятие. Вместе с тем среди посланных заграницу для обучения молодых людей находился некий Короткин, которому велено было изучить бумажное производство в Голландии. По возвращении его ему приказано было построить в Москве бумажную мельницу на голландский образец и даны были ученики для обучения бумажному делу. Когда столица была переведена в Петербург, то Петр и здесь устроил бумажную мельницу (Дудоровскую), причем в 1718 г. установлены были цены продаваемой адмиралтейством бумаги с этой мельницы—«и о том публиковать указами с барабанным боем и в пристойных местах выставить листы дабы о покупке той бумаги его царского величества указ ведали». Вскоре было приступлено к постройке еще одной бумажной мельницы, но обнаружился недостаток в сырье. Поэтому в 1720 г. предписывалось, чтобы всяких чинов люди, имеющие у себя изношенные полотна, «такие бестрящицы приносили и об'являли в канцелярии полициймейстерских дел, за которые, по определению заплачены будут им деньги из кабинета Е. В.».

За потребление табаку при Петре уже не грозили кнутом и рванием ноздрей, а старались использовать табак в фискальных целях. В 1716 г. Петр писал в Амстердам некоему Соловьеву: «Понеже у нас в Черкасских городах довольно табака родится, только не умеют строить на такую манеру, как из Голландии отвозят в расход для продажи на Остзей, и для того прикажи в Голландии нанять на нашу службу на три года подмастерья или доброго работника... и смотри, чтоб был трезвый, трудолюбивый и не старой человек, а именно, чтоб не более

сорока лет, и наняв такового человека, пришли сюда». Характерна и прибавка: «сколько возможно сие тайно делай, дабы не проведали те, которые сим промышляют и получают богатство, ибо ежели проведают, то отобьют наемщиков»,— повсюду эмиграция мастеров была запрещена. Мастер был выписан и табачное предприятие в том же году устроено; в 1717 г. Меньшиков доносил, что «табачный мастер из нашего табака изрядную пробу учинил» [1]).

Как мы видим, все это были отрасли, насаждаемые при помощи иностранцев во всех странах Запада и входившие в железный инвентарь меркантилизма. Многие из них у нас пытались создать уже при Алексее Михайловиче, но успех был тогда лишь кратковременный. Однако всех тех льгот и преимуществ, которыми Петр с этой целью наделял промышленников, было недостаточно. Сплошь и рядом не хватало самого главного—капитала для учреждения предприятия и ведения его. Этим капиталом в значительной мере снабжала предпринимателей казна; от нее же они нередко получали безвозмездно не только строения, но и материалы и инструменты, получали и денежные суммы. Так, напр., Щеголин с товарищами в 1720 г. получил строения и инструменты суконного двора вместе с мастеровыми и сверх того деньгами 30 тыс. руб. в беспроцентную ссуду, та же сумма в 30 тысяч выдана Докучаеву также на устройство суконного предприятия в том же 1720 году, в 1744 г. Докучаев получил еще 30 тысяч. Суммы в 5 тысяч даны в 20 годах кожевенному мастеру Риттеру, суконщику Воронину, Исаеву, Павлову для кожевенного завода, Ивану Тамесу, в 3 тысячи—Волкову для устройства коломянкового предприятия, Короткову—на бумажный завод.

Что же касается сумм, вложенных самими предпринимателями, то они не велики. Так капитал, внесенный в учрежденную гр. Апраксиным мануфактуру, составлял около 90 тысяч, но из них Апраксин сам внес 10 тыс. и потом еще 10 тысяч, остальная сумма была внесена Шафировым, Толстым и различными приглашенными купцами. Но и они получили ссуду от казны в размере 45½ тысяч рублей. В компании Меньшикова капитал составлял всего 21½ тыс., причем ему самому принадлежало всего 10 тыс., три участника вложили по 3 тыс., один 2 тыс. и один 400 руб.—суммы небольшие. В предприятие, учрежденное Тамесом, только один Микляев поместил 12 тыс., шесть участников, в том числе Тамес, от 4½ до 3 тыс.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3457. 3569. Лихачев, 325, сл. Истор.-статист. обзор промышл. России. Отд. V. 2 сл. Отд. IX. 3 и сл.

каждый, один 2100 р., один 1600 р., четверо по 1.300, один 1050 и двое 650 и 250 руб.

На основании этого, Лаппо-Данилевский приходит к тому выводу, что «большинство долей, вкладываемых в предприятия компанейщиками, не отличались большими размерами, хотя бы и переведены были в рубли современной нам ценности. Впрочем—прибавляет он—даже таких капиталистов было сравнительно немного, да и они чувствовали нужду в правительственных субсидиях» [1]). В регламенте мануфактур-коллегии такая денежная помощь устанавливается как общее правило—в случае надобности, коллегия может, с ведома сената, ссужать всех фабрикантов деньгами на известное время без процентов [2]).

В жалобах на недостаток в капитале и в остановках предприятий, за отсутствием оборотных средств, едва-ли не наиболее ярко выражается тот факт, что необходимого для создания промышленности капитала было недостаточно. Впрочем, раз, как мы видели, в Австрии, Пруссии, в значительной мере и во Франции предприниматели не могли обходиться без денежной помощи казны, то едва-ли приходится удивляться тому, что такия затруднения возникали у нас.

Шелковое предприятие графа Апраксина заявляло, напр., в 1720 г., что у него и капиталов, потребных на производство, не имеется, и шелка нет, причем последнее обстоятельство компания об'ясняла отсутствием «искусства в купечестве». В особенности такого рода явления обнаружились, когда мануфактур-коллегия поручила ассесору Меженинову осмотреть фабрики. Оказалось, что часть их прекратила свою деятельность «за неимением капитала». Так обстояло дело с предприятиями—парусным Симонова, полотняным Кузнецова, Ворохобина в Корочеве, грека Артина в Нежине. Такой же участи подверглись бумажные предприятия Масленниковых и Титичкина и суконное Голикова с товарищами. На последнем «сукна и каразеи не делается за тем, что из содержателей той фабрики двое померли, а двое за оскуденем денег на ту фабрику не дают, за тем де ту фабрику одним им содержать нечем».

На ряду с недостатком в капиталах препятствием к развитию промышленности являлся у нас—как и в Пруссии, Австрии—недостаток в рынке. Несмотря на то, что привоз одних товаров был запрещен (например, различных видов

[1]) Лаппо-Данилевский, Торгово-промышл. комп. в перв. пол. XVIII ст. стр. 29.

[2]) Полн. Собр. Зак. VII. 4378 п. 9.

шерстяных материй), а других был обложен (по тарифу 1724 г.) высокой пошлиной в 50-75 проц. (напр., шелковых тканей, полотна и многих изделий из него), все же русским товарам предпочитали иностранные, в виду более высокого качества и более низкой цены их. В 1727 г. купцы жалуются на это низкое качество русских продуктов, которые «против заморского ничто добротою не будут и весьма плоше». Это касалось игл, чулок, суконных, полотняных, шелковых материй. Все они «самые нижние», «ниже против заморских», бархаты «против заморских работою не придут, а ценою продаются из фабрик выше заморских». Точно также «купорос, черный скипидар, крепкая водка, скорбилы белые, краска, бакан, вохра» не годятся и «заморского ценою вдвое дороже».

Из указа 1740 г. узнаем, что и «сукна мундирные, которые на российских фабриках делаются и на полки употребляются, весьма худы и к носке непрочны» и в 1741 г. было велено комиссии «о доныне деланных на российских фабриках плохих сукнах, отчего оное происходит, обстоятельно исследовать и винных фабрикантов без упущения штрафовать».

В результате в каразейном предприятии Воронина в 1726 г. «станов убавлено 10, и оное учинено для того, что каразей наделано и лежит многое число, а никуды не принимают», в московском чулочном предприятии «призваны были люди, и оные тех чулков никто ничего не купил и о продаже тех чулков от военной канцелярии было публиковано и выставлены листы и по тем публикам для покупки оных чулков охочих людей никого не явилось», почему предприятие «осталось без действа и стояло до 1722 году». В таком же положении находился трухманно-пудреный завод, с которого в 1722 г. «посылано в Стокгольм для продажи 103 пуда, но токмо в продажу там не употреблен и привезен назад и велено продавать трухман дома, но токмо в продаже ничего не были». И в других случаях находим значительные запасы, не проданные. Напр., в шелковом предприятии Евреинова за шесть лет было произведено парчи на 40 тыс., из них продана только половина на 18 тыс.; в шляпном предприятии Гусятникова и вощаночном Чиркина почти весь изготовленный товар оставался непроданным [1]).

Наконец, большие затруднения происходили и в снабжении промышленности необходимой ей рабочей силой, «особенно в начале XVIII века, когда мастеров приходилось вы-

[1]) Лаппо-Данилевский, ук. соч.

писывать из-за границы, а рабочих разыскивать не без труда среди вольного люда, еще мало склонного к оседлому образу жизни и не привыкшего к тяжелой и постоянной работе». При устройстве шелкового предприятия гр. Апраксина в 1717 г. был нанят во Франции «дезигнатор узоров» (рисовальщик) де Бурновиль, которому поручено было в свою очередь нанять иностранных мастеров и закупать заграницей материалы, и так как он «чинил компанейщикам многие обещания» касательно учреждения «мануфактуры и приведения ее вскоре во изрядное состояние», то компанейщики... обнадеясь от него пользу получить», вручили ему «над всеми мастеровыми людьми дирекцию». На самом же деле Бурновиль нанял заграницей «мастеровых людей мало искусных и к тому же набрал непотребных всяких к тому делу мужска и женска полу... притом же везли и бездельную их рухлядь на наемных и почтовых подводах», чем он, как и покупкой сырья, «зело дорогою ценою», «приключил убытки компании». А затем «вместо плода и действа в Москве у мануфактур бывши, Бурновиль близь города гулял по городу цугом и только возмущал мастеровыми людьми» и—что всего хуже—не обучал русских своему мастерству («заказывал французам русских учеников учить»). Вследствие этого, предприятие долго стояло, а затем стали делать материи «самоучкою». Так как выяснилось, что «ежели он у того дела будет, то ни в чем добра ждать невозможно», то компания, «усмотрела то его непотребство... велела, выдав ему на Москве жалованье, которое надлежало, хотя он того и не заслужил, отпустить сюда, а здесь дали ему паспорт, для проезду до отечества его» [1]).

Так печально кончилось дело с иностранцем, собственные же подданные являлись народом «диким, не ученом и совершенно непонятном к мануфактурному делу», как заявляли в 1727 г. предприниматели; нередко в предприятиях имелись беглые рабочие и стояли «праздные станы за неимением работных людей, которые приходят на ту фабрику с паспортами после летней деловой поры»—так что летом работа невозможна.

В результате Петру приходилось прибегать к тем же мерам, как на Западе, снабжать предприятия принудительной рабочей силой. Как и на Западе, рабочих набирали из беглых, бродяг, нищих, преступников. Игольной компании Томилина в 1717 г. велено было брать на работу «из бедных и малолетних, которые ходят по улицам и просят милостыню», в пред-

[1]) Лаппо-Данилевский, 33 сл

приятии Милютина набираются «убогие люди», из указа 1736 г. видно, что, за недостатком рабочих, брали «солдатских детей» [1]). Указом 1719 г. велено «для умножения полотняной фабрики тонких полотен (Андрея Турки с товарищи) отсылать к ним для пряжи льну баб и девок таких, которые будут в Москве из Приказов, также из других губерний по делам за вины свои наказаны... И для караула к тем бабам, чтоб они не бегали, дайте им в компанию из отставных солдат, сколько человек заблагоразсудите». Спустя два года, эта мера сделана общей: женщины, оказавшиеся виновным в некоторых преступлениях и простушках, предоставлялись на усмотрение берг и мануфактур-коллегии, которые и должны были отсылать их на компанейские фабрики на несколько лет или даже пожизненно [2]).

Но так как этих несвободных элементов было недостаточно, то приходилось пользоваться трудом беглых крестьян и Петр в 1722 г. запретил возвращать их законным владельцам, «чьи бы они ни были... понеже интересенты фабрик об'являют, что затем в фабриках их чинится остановка» [3]). И еще годом раньше, в 1721 г. последовал известный указ, имевший крупное значение, ибо он предоставлял «важное право наравне с дворянами как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения берг и мануфактур-коллегии, токмо под такою кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно». А к этому прибавлено: «для того как шляхтетству, так и купечеству тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслы ни закем ни крепить... А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица, малые, чтоб ему тем у кого деревни купить и таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать и... штрафовать отнятием всего движимого и недвижимого имения» [4]). Петр, как видно, и сам сознавал, к каким последствиям может привести такая мера; он боится, как бы купцы не стали покупать и продавать крестьян без заводов или устраивать небольшие заводы только для виду, чтобы иметь повод для покупки крестьян. И все же обстоятельства заставляют его решиться на создание такого особого вида крепостного состояния.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. VI. 4006. V. 3176 IX. 6858.
[2]) Там же, V. 3313. VI. 3808
[3]) Там же, VI. 4055.
[4]) Там же, V. 3711.

Из этого, однако, еще вовсе не следует, что «отношения труда к капиталу в нашем крупном производстве вылились в совершенно другие формы, чем на Западе» и «вместо капиталистической промышленности, развивающейся в это время на Западе, у нас возникло крупное производство основанное на принудительном труде». Как мы уже упоминали и в Западной Европе широко применялся принудительный труд бродяг и нищих, преступников и детей-сирот , и там встречается, напр. в Австрии, пользование трудом крепостных крестьян. И если покупки деревень к мануфактурам мы там не находим, то все же имелись прикрепленные к ним рабочие, которые не могли уйти из предприятия, иногда даже продавались вместе с ним. Разница лишь в степени, но отнюдь не принципиальная.

А к этому нужно прибавить, что и по отношению к промышленникам Петр применял меры принуждения—и для них учреждение предприятий и ведение их являлось такой же государственной повинностью, как для рабочих и крестьян работа на них. И те и другие, как и при первых Романовых, делали «государево дело». Отсюда требование «заведши торговым людям (завод суконный), собрав компанию; буде волею не похотят, хотя в неволю»—как читаем в указе 1712 г. А годом раньше при передаче полотняных заводов Андрею Турке с компанией: «а буде они оный завод радением своим умножать и учинят в нем прибыль, и за то они от него великого государя получат милость; а буде не умножат и нерадением умалят, и за то на них и которые будут с ними в товарищах взято будет штрафу по 1000 руб. на человека». Русских людей «принуждали строить компании» и строго наблюдали за «порядочным содержанием их». Так в 1718 г. «велено директору Ивану Тамесу производить в Москве полотняную мануфактуру компанейским коштом, в которую компанейщики определены иные по их прошению, а другие по именному указу» [1]).

И в этом отношении Петр являлся не единственным: Фридрих Вел. еще пол-века спустя грозил промышленникам военным постоем и другими крутыми мерами, если они сокращали производство и отпускали рабочих или отказывались дать работу присланным им, по распоряжению короля, людям, и путем такого принуждения достигал своей цели. Все это входило в воспитательную систему меркантилизма. «Понеже наш народ—мотивирует Петр свою политику—яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от

[1]) Полн. Собр. Зак. IV. № 2467. 2324. VII. 4349. 4378.

мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся потом благодарят». И он находит, что «явно из всех нынешних дел не все ль неволею сделано и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел». В регламенте мануфактур-коллегии последней предписывается относительно лиц, которые пожелают «мануфактуры и фабрики заводить», в начале смотреть о пожитках и достоинстве и потом не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать, коим образом с тою мануфактурою наилучше ему поступать и в доброе и неубыточное состояние привести. А в следующем 1724 г. по поводу учреждения компании для торга с Испанией читаем: «всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут, того ради и коммерц-коллегия для сей новости дирекцию над сим и управление должна иметь, как мать над дитятем, во всем, пока в совершенство придет» [1]).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Крупная промышленность после Петра (при ближайших его преемниках и Екатерине II).

При ближайших преемниках Петра вплоть до 60 годов XVIII ст., т. е. до начала царствования Екатерины II, продолжается та же политика насаждения крупной промышленности и остается в тех же формах покровительства и поощрения, какие применялись Петром. Попрежнему раздаются ссуды предпринимателям. Владельцы суконного предприятия Третьяковы получили в три приема ссуду в 27½ тыс. руб., Шигони с товарищами 25 тыс. руб., Затрапезный с братьями на полотняное и бумажное предприятие 20 тыс., фон-Шемберг даже 50 тыс. Компании Евреинова в 1736 г. сверх ссуды в 10 тыс. были переданы мастеровые с других суконных предприятий, мельницы безоброчно на 10 лет, дубовый лес, сколько потребуется, и она освобождена была от уплаты внутренних пошлин на свои изделия на 10 лет, с тем, чтобы компания доставляла сукна и каразеи, «потребные для войск». Такая же свобода от пошлин была представлена воронежскому купцу Поставалову под тем условием, чтобы и он «мундирные сукна и каразеи» приготовлял с «вящим прибавлением и наи-

[1]) Полн. Собр. Зак. VII. № 4345. 4378 п. 7. 4540.

лучшею добротою» [1]). В обоих случаях речь идет, следовательно, о нужных казне предприятиях, о работающих на армию.

Принцип монополии, предоставляемой предпринимателям, попрежнему господствует. В 1753 г. предоставлена исключительная привилегия производства ситцев компании Чемберлена и Козенса; в 1755 г. дана такая же привилегия выделки обоев на 10 лет Ботлеру, а пять лет спустя она была снова продолжена на 10 лет; в 1747 г. Черников и Сафьянов в Москве получили монополию производства пуховых шляп в Московской губернии, а 1752 г. то же право предоставлено Сокольникову и Боткину для Петербургской губернии; в 1762 году Ягужинский, владелец предприятия по выделке шелковых чулок, выхлопотал запрещение устраивать новые чулочные предприятия в России на 5 лет, а бар. Сиверс ссылаясь на то, что его собственная бумажная фабрика может снабдить своими изделиями всю Петербургскию губернию, добился даже того, что в 1754 г. его конкуренту Ольхину было запрещено сенатом «распространять свою бесполезную фабрику» [2]).

Та же политика осуществляется и в области снабжения предприятий нужной им рабочей силой. Нищих и бродяг попрежнему отправляли на работу. В указе 1736 г. читаем: если какие «подлые и неимущие пропитания и промыслов» люди из разночинцев и купечества мужского пола и «женского полу хотя б чьи они не были скудные, без призрения по городам и по слободам и по уездам между двор будут праздно шататься и просить милостыни», то отдавать их на пять лет на фабрики и мануфактуры, «дабы там за работу и за учение пропитание получали и напрасно не шатались». В 1753 г. было предписано «шатающихся по миру мужского пола разночинцев, кои в службы не годны, а работать еще могут, отдавать на фабрики в работу, так же и баб и девок и малых и из богаделен определенных на жалованье отнюдь по миру ходить не пускать». Поэтому в 1762 г., когда оказалось в Петербурге много просящих милостыню солдаток, сенат велел их отправлять в мануфактур-коллегию для распределения на фабрики в Петербурге и окрестностях [3]). На фабрики отправляли и разночинцев, «неимущих купечества и промыслов», и заштатных

[1]) Полн. Собр. Зак. IX. 6850. 7060. XI. 8698. См. Фирсов. Русск. торг.-промышл. компании в перв. пол. XVIII ст., 60.

[2]) Полн. Собр. Зак. XII. 9467. XIII. 10144. 10145. XIV. 10376. XV. 11080 XVI. 11630.

[3]) Там же. IX. 6858. XV. 11485.

церковников, и незаконнорожденных, «зазорных детей», как они именовались, начиная с 12 лет, причем большая часть отдаваемых на время оставалась там навсегда, была прикреплена к предприятию.

На ряду с этими свободными гулящими людьми, непомнящими родства и незаконнорожденными детьми, рабочую силу добывали попрежнему путем покупки крестьян к фабрикам, (посессионные крестьяне), причем в 1752 г. было точно определено, в каком количестве такая покупка дозволена лицам не дворянского звания—ко всякому стану от 12 (на тафтяных, платочных, ленточных, полотняннных предприятиях) до 42 (на суконных), а женскому полу, «сколько при мужьях обретаться будет, владельцам железных заводов—на одну домну по сто, да к двум молотам—по 30 дворов», полагая на двор по 4 души[1]). По сведениям, собранным в начале царствования Екатерины II, оказалось, что к фабрикам было куплено более 20 тыс. душ (из них на фабричной работе находилось всего 38 проц., а в деревнях для крестьянских работ было оставлено 62 проц.— указ 1752 г. этого требовал), а к горным заводам более 40 тысяч душ, всего же 67½ тыс. душ, почти на 94 тыс. меньше, чем могло бы быть на основании указа 1752 г. [1]). Последнее находится, повидимому, в связи с постепенным распространением вольнонаемного труда. В начале 60 годов при всех фабриках, состоявших в ведомстве мануфактур-коллегии, имелось 38 т. рабочих, которые распределялись приблизительно в одинаковой доле (по одной трети) между казенными и приписными по ревизиям (14 тыс.), собственными (вотчинными) и купленными (11½ тыс.) и вольными и наемными (12½ тыс.), так что число последних доходило ко времени указа 1762 г. до 33 проц., одной трети всех рабочих[2]). Указом Петра III 1762 г. предписано было «всем фабрикантам и заводчикам... отныне к их фабрикам и заводам деревень с землями и без земель, покупать не дозволять, а довольствоваться им вольными и наемными по паспортам за договорную плату людьми». Это было подтверждено и Екатериной II—выдвинут принцип производства при помощи свободного труда [3]).

Если таким образом, Петр Вел. дал «тему для дальнейших правительственных мероприятий и эта западно-европейская «тема» повторялась в русском законодательстве и эксплоати-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XIII. 9954.

[2]) Семевский Крестьяне в царств. Екатерины II, 395. Лаппо-Данилевский, 67.

[3]) Полн. Собр. Зак. XV. 11,490.-XVI. 11, 638

ровалась русской жизнью и впоследствии», то разница все же получалась та, что—как указывает Н. Н. Фирсов—при Петре «преобладает серьезный государственный взгляд», тогда как при его преемниках государственные цели на практике начали сильно эксплоатироваться видными властными деятелями для личных целей». Официальные лица, близкие к правительственной власти, захватывают в свои руки наиболее выгодные промыслы, они образуют компании для эксплоатации рыболовных, китоловных, звериных промыслов, горных заводов, становятся «содержателями» этих казенных предприятий и эти компании затмевают собою даже самые крупные купеческие товарищества. При этом «с каждым новым правительством на место прежних влиятельных людей вставали новые, желавшие, подобно своим предшественникам, при помощи связей, приобрести себе экономические блага на законном основании» [1]).

Так при Анне Иоанновне старался прибрать в свои руки русскую промышленность барон Шемберг, вызванный всесильным Бироном из Саксонии для усовершенствования русского горного промысла и поставленный им в качестве генерал-берг-директора во главе вновь учрежденного, взамен прежней берг-коллегии, берг директориума. Вскоре генерал-берг-директор подал императрице доношение, в котором указывал на то, что он «приметил», что «горное дело по сие число не особенно развилось» и что, вследствие этого, казенные доходы «не так довольны, как им быть надлежало»; «по его рассуждению» правительство больше получит прибыли, если заводы будут совершенствоваться «не единым казенным коштом», но и «иждевением приватных людей». «А понеже—продолжал он—в недавнем времени представлено», что в Верхотурском уезде при горе Благодать существуют заводы, которые испрашивает в содержание Петр Осокин, но «некоторым неправильным кондициям», то—неожиданно заключает он—эти заводы «на себя принять готов».

Требования Шемберга были весьма большие. Он хотел получить кроме заводов и субсидию, местности в Лапландии и по Белому морю «для построения вновь заводов» и притом получить эти земли «в потомственное владение» с правом безконтрольной торговли своими товарами, чтобы «ни в котором виде никто его не отягчал и препятствия не чинил», далее он просил разрешения приписать к своим заводам крестьян не только в том количестве, которое нужно для начала дела,

[1]) Фирсов. Русск. тор.-пром. комп. в перв. пол. XVIII ст., 58 и сл.

но и сколько потребно будет «впредь, когда заводы размножатся». Его заводы должны быть освобождены от всех «нынешних и будущих податей, налогов и пошлин» и, наконец, чтобы наживаться на снабжении своих рабочих припасами, просил запретить им самостоятельно приобретать для себя вино, табак, пиво «и прочие харчи», ибо он желал не только развивать российскую промышленность, но и удерживать рабочих от «непорядочных поступков».

Удовлетворение его ходатайства было, повидимому, Шембергу заранее обеспечено, но для того, чтобы придать всему этому законное основание, была образована комиссия «о горных делах», которая, согласившись с Шембергом в одних вопросах, по другим однако же разошлась с его мнением. В частности, напоминая об указе 1714 г., запрещавшем «ступать в торги и подряды», касающиеся к тем местам, где они служат, что подтверждалось и указами Анны Иоановны, комиссия возбуждала вопрос о том, не будет ли государственным интересам «предосудительно», если «горные управители» станут заниматься горными промыслами: «когда они будут интересны, то кому надзирание за ними иметь»?

Однако, все это делалось, повидимому, только для вида, ибо граф Остерман, высказываясь по поводу взглядов комиссии, находил, что такое совместительство вполне возможно, ибо «те горные начальники или служители лучшие способы имеют рудокопные дела производить по горному обыкновению» и будут еще подавать пример «другим заводчикам». Что же касается указа 1714 г., то он «к сему делу не приличествует и императрица может новые «потребные» указы «учинить», «добрыми же регламентами... все те от комиссии опасаемые предосуждения... могут быть отвращаемы».

В результате последовал берг-регламент, которым постановлялось горные заводы отдавать частным компаниям и в то же время опубликована была привилегия барону фон-Шембергу, вполне совпадавшая с его желаниями. Причина предоставления ему столь широких прав заключалась не только в близости его к Бирону, но и в том, что последний и сам «захотел порадеть о государственной казне», чего ради он и решил сделаться негласным компанейщиком—скрываясь за спиной Шемберга, Бирон желал половину доходов берг-компании брать себе. И сама императрица писала: «а от нас в сию компанию дается 50 тыс. руб.» и эту сумму она могла внести не только за счет своего фаворита Бирона, но и от собственного имени, являясь, следовательно, также заинтересованной в этом деле.

Вместе с правительственным переворотом и воцарением Анны Леопольдовны, с падением Бирона, положение компании Шемберга должно было пошатнуться, и один из участников упомянутой выше комиссии о «горных делах» гр. Головкин стал указывать на то, что и помимо полученных уже им горных заводов Шемберг имеет возможность прибрать к рукам и «достальные» казенные заводы, ибо раздача казенных горных заводов находится в его ведении, так что он «может некоторые на собственную персону получить», а если не захочет сделать такого выдающегося «воровства», то ничто не мешает ему «вступить в компанию... с прочими желающими партикулярными людьми». Он выступает «не яко горных дел командир, а сущий содержатель заводов... понеже большею частью должен будет свои интересы наблюдать».

Только при Елизавете Петровне в 1742 г. у Шемберга были отняты все промыслы и велено было взять его «под караул». Однако, грозное начало следствия вскоре сменилось более мягким продолжением, ибо один из компаньонов Шемберга сумел задобрить сильных «персон», давая им взаймы, и многие сенаторы старались всеми правдами и кривдами выгородить саксонца. Долг его казне составлял по одному подсчету 308, по другому 372 тыс. руб.—сумма огромная для того времени. Но деньги он успел переправить заграницу, куда и сам бежал, так что для казны получились крупные убытки.

Во всяком случае перемена в новое царствование произошла, горные заводы, как и прочие промыслы, находившиеся в руках Шемберга, должны были перейти к другим лицам, «в соответствии с интересами лиц сильных расположением новой правительницы». В самом деле, очень скоро, в 1748 г. беломорские рыбные промыслы, прежде эксплоатируемые Шембергом, поступили в содержание самого влиятельного вельможи елизаветинского времени—графа П. И. Шувалова, затем ему же были переданы и рыбные промыслы в Астрахани и на Каспийском море, остававшиеся «с давних лет впусте», а вскоре было удовлетворено и ходатайство его о предоставлении ему моржевых, звериных и сальных промыслов по берегам Ледовитого океана. «После всего этого нетрудно было предвидеть, что гр. Шувалов запросит и горные промыслы, которые после Бирона и Шемберга, повидимому, невольно ассоциировались с рыбными и звериными промыслами [1]). Действительно, гр. Шувалов не замедлил с новой челобитной «об отдаче ему гороблагодатских железных заводов, отнятых за не-

[1]) Фирсов, 75—92.

сколько лет до этого у Шемберга. Сенат определил отдать ему и эти заводы, ссылаясь на то, что сальные и рыбные промыслы им «в такое размножение приведены, в каком никогда они не бывали». Впоследствии же пришлось гороблагодатские заводы, отданные Шувалову за ничтожную сумму в 90 тыс. руб., взять обратно в казну в счет лежавших на нем долгов казне за 750 тыс. руб, иначе говоря, правительство взяло обратно свои заводы уже по весьма дорогой цене [1]).

Таким образом монопольные компании привилегированных лиц оказывались для казны весьма убыточными. Если Шемберг так и не возвратил той суммы в размере свыше трехсот тысяч рублей, которую он остался должен казне, то и Шувалов еще в 1760 г. не внес числившихся на нем 186 тысяч. И в других случаях положение казны было не лучше. Так, напр., Симбирская компания Воронцова, которая взяла на откуп таможенные и кабацкие сборы, задолжала казне в 1740—41 г.г. 129 тыс. руб., которые пришлось взыскивать судебным порядком. Но взыскание подвигалось весьма медленно, ибо посланный для этой цели прокурор Жилин заявлял, что члены компании внести долг не в состоянии и «неплатеж чинится не для какого отбывательства, но по самой необходимой нужде... понеже эти купцы весь свой капитал... по купецким обрядам употребляли в оборот». Однако поверенные купцов средней и меньшей гильдии привезли в Петербург донесение имп. Елисавете, в котором они об'ясняют, что «оные хищники» Воронцов с компанией вполне в силах уплатить причитающуюся с них сумму, что они «свои многие торга и промыслы имеют под чужими именами» и что прокурор Жилин «чрез происки их Воронцова с товарищи... оставя их самих... показанную сумму» взыскивает со всего симбирского купечества, причем «бьет их братию среднюю и меньшую гильдию батожьем смертельно, морит в колодках и принуждает подписываться к платежу той суммы с каждой души по 6 рублей со излишеством». Равным образом и бурмистр Иван Твердышев, который находится в той же «воровской компании и платежу повинен как за отца своего, так и за себя до 6000 рублей... приказал среднюю и меньшую братию... из домов их таскать також жен их и детей, и сажает всех в тюрьмы и морит в колодках... без выпуску... смертельно», отчего многие «могут в недолгом времени помереть», особенно женщины «от приключившихся родов», иные же «от такого страха... принуждены» были разбежаться, «оставя домы

[1]) Фирсов, 118 сл.

своя» [1]). Получается любопытная картина хищений «персон», с одной стороны, подкупа правительственных чинов, с другой стороны, и разорения ими же людей «маломочных», с третьей.

Под влиянием такого рода хищения казенного интереса, правительство стало охладевать к системе монополии и последняя ослабевает уже при Елисавете. Но решительная перемена наступает лишь при Екатерине II. Депутаты не только от крестьянства, но и от купечества в комиссии о составлении проекта нового уложения не раз заявляли, что «вольность есть главное к распространению коммерции средство» и точно также дворяне указывали на то, что «торг, жилы государства, любят волю, а не принуждение». На этом основании и те и другие приходили к тому заключению, чтобы «никакой казенной или партикулярной торг в одни руки никому не повелено-б было отдавать, а оставить все торговые промыслы в вольности».

В виду этого, Екатерина, исходя из того, что «торг есть дело вольное», «с самого начала своего царствования уничтожила все монополии» и все отрасли торговли отдала «в свободное течение», как говорится в «Записке». Уже указом 1762 г. отменено было предоставленное Шемякину исключительное право привозить в Россию и продавать потребный для фабрик шелк всяких сортов как сырец, так и крашеный без платежа пошлин; далее упразднена привилегия петербургской ситцевой мануфактуры на исключительное производство ситцев, и дозволялось всем, в том числе крестьянам, заводить такого рода предприятия «ради очевидно от них государственной и народной пользы» [2]). В следующем году появился указ, в котором говорилось, что императрица, «при неусыпном старании и попечении о благоденствии своих подданных, уважая общую их и государственную пользу в размножении фабрик, и приняв за правило, дабы не оставалось то в одних руках, чем множество желающих пользоваться могут, приказала делание сусального листового золота и серебра, також бумажных и полотняных обоев позволит производить всем, кто пожелает, беспрепятственно», привилегия же купцов Федорова с товарищами была уничтожена [3]). Еще год спустя дозволено было всем без исключения заводить всякого рода фабрики и заводы, «особливо такие, с которых вещи на содержание полков потребны, т. е. суконные, кожаные, глиняные или гусарских

---

[1]) Фирсов, 189 сл.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XVI, 11630.

[3]) Там же, т. XVI. 11761.

киверов, пуговичные, полотняные, конские, овчарные и другие полезные» [1]).

В 1767 г. Екатерина II высказалась и против казенных монополий. «Когда сия фабрика—говорится в указе по поводу состоящей под ведомством криг-комиссариата казенной кожевенной фабрики—будет не в казенных руках, тогда, я чаю, достаточно и кож будет. Монополиум, к сей казенной фабрике присоединенный, был вреден народу, и казенная от того прибыль не награждала того вреда». К этому в указе прибавлено, что вообще «никаких дел, касающихся до торговли и фабрик не можно завести принуждением, а дешевизна родится только от великого числа продавцов и от вольного умножения товара» [2]).

В «Наказе» по поводу казенных монополий читаем: «Чем же могут бедные люди пропитать жизнь свою, если мы вступим в их звание и промыслы? Кто может нас воздержать, если мы станем входить в откупа? Кто нас заставит исполнять наши обязательства?». Надо «хранить всегдашним правилом, чтобы во всех случаях избегать монополий, т. е. не давать, исключая всех прочих, одному промышлять тем или другим».

Наконец, отказ от системы монополий и привилегий был окончательно провозглашен манифестом 1775 г., согласно которому «всем и каждому дозволяется добровольно заводить всякого рода станы и производить на них всевозможные рукоделия, не требуя на то уже иного дозволения от вышнего или нижнего места».

В силу этого, напр., в области текстильной промышленности наступили значительные облегчения. В том же году дозволено было всем рыть корень марены и продавать его, ибо, по словам указа, оставление этого попрежнему в одних руках причинило бы подрыв фабрикам и красильщикам. Вместе с тем уничтожено было право, данное в 1751 г. на 30 лет, на исключительное производство и продажу кубовой краски.

Из этого, конечно, не следует, что при Екатерине исчезла вся система покровительства промышленности. Екатерина вовсе не была поклонницей системы полной экономической свободы, находя, что «вольность торговли не то, когда торгующим дозволяется делать, что захотят, сие было бы больше рабства оные; что стесняет торгующего, то не стесняет тор-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVI. № 12099

[2]) Там же, т. XVIII. № 12949, № 13090.

говли». Высокие таможенные тарифы, запрещения вывоза заграницу различных товаров, необходимых для дальнейшей обработки в России (напр. льняной пряжи), разрешение беспошлинной продажи внутри страны и заграницей изделий вновь вводимых в России отраслей производства, как и выдача ссуд из казны и вызов иностранцев,—все это практиковалось и при Екатерине. В особенности в первые годы царствования Екатерины II вызываются в большом количестве иностранные промышленники и им даются значительные льготы, как-то: ссуды, освобождение от податей, отведение земли под здание мануфактуры. Промышленники обязываются привести с собой мастеров, провоз и содержание которых казна берет на себя, и они должны взять в обучение русских мальчиков и сделать их искусными работниками.

На таких основаниях был заключен в 1764 г. договор с французами Палисом и Сосье, из которых, однако, только второй завел в Саратове производство шляп и поставлял их для войск; в 1779 г. предприятие его за долги было взято в казенное управление. Одновременно подписан был контракт на тех же условиях с Жаном Пьером Адором «делать всякие галантереи с разными цветами и финифтью... как напр., цепочки золотые к часам с ключами, футляры зубочистные, яички, шпажные эфесы и все прочие тому подобные вещи, какие от Двора повелено будет». Француз Вердье, получив ссуду в 6 тыс. руб., обязался развести шелковицу и начать выделку шелковых чулок в Саратове «добротою против французских» и должен обучить этому искусству 12 человек учеников из гарнизонной школы. Амстердамский уроженец Яков Радке является в 1769 г. в Россию для производства «прорезных и неразрезных бархатов» и прочих материй и получает ссуду в 50 руб., но за недостатком средств он своего заведения не открыл. В 1764 заключены контракты с часовыми мастерами Фаци и Феррье, которым дается дом в 18 комнат с содержанием его от казны, право беспошлинного ввоза инструментов и материалов и ссуда на устройство предприятия в Москве и на вывоз мастеров из-за границы в размере 18 тыс., они же обязуются взять в обучение 12 мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет. По договору 1767 г. Буше заводит табачную фабрику и обязывается обучить своему искусству 20 русских учеников, за что получает пособие в 12 тыс. (по 600 р. за каждого) и сверх того по 1200 р. в год на содержание их в течение первых 6 лет. До 1769 г. был устроен иностранцами еще ряд предприятий (в Петербурге, Саратове, Астрахани, Ревеле)—пять шелковых, одно бумажных материй, одно

мыловаренное, одно кружевное, одно столярное; многие из них получают пособия всего в 400, 600, даже в 200 руб., другие, напротив в 5, 15 и 20 тыс. [1]). В дальнейшем, однако, вызов промышленников сокращается—он был сопряжен со слишком большими расходами. Любопытно при этом, что иностранцам, устраивавшим в России фабрики и заводы, даже дано было в 1763 г. разрешение покупать к ним крестьян [2]) и в приведенных выше случаях вызова их часто упоминается об отведении им земли, согласно манифесту 1763 г.—тогда как годом раньше этого права были лишены русские промышленники.

Это последнее запрещение, заставив русское купечество пользоваться в своих предприятиях вольнонаемной рабочей силой—дворяне попрежнему могли прибегать к труду своих крепостных—явилось важным событием в истории русской промышленности, значительно расширив свободный труд в предприятиях, по сравнению с принудительным, хотя, конечно, те предприятия, которые уже раньше имели поссессионный характер, т. е. к которым были приписаны деревни, сохранили их за собой и впоследствии. Дворяне, впрочем, в своих наказах в Екатерининскую комиссию находили, что у тех фабрикантов из купцов, кои не имеют вотчин (т. е. приписанных крестьян) «фабрики и заводы в цветущем состоянии, а кто имеют вотчины, то только единственно содержат оные для славы и о размножении фабрик и заводов совсем не радеют». Целый ряд дворянских наказов просит о сохранении в силе запрещения покупки крестьян к заводам—купеческие наказы, естественно, настаивали о возвращении этого права—причем находили, что от производства работ вольнонаемными людьми получится выгода и дворянству, так как их крепостные получают выгодный заработок. «Содержатели из купечества разных фабрик и заводов многочисленно имеют за собой во владении крестьян... живут они единственно в увеселительных своих роскошах и лености, а остальные свои деньги уповательно давно уже с крестьян работою и доходами получили», почему все деревни следует у фабрикантов отнять и перечислить к дворцовым [3]).

Что же касается отдачи на заводы тех «подлых и неимущих людей», которые «праздно шатаются и просят милостыню», женщин, арестованных полицией и т. д., то эти меры

---

[1]) См. Писаревский. Из ист. иностранн. колониз. в России в XVIII ст. и о нем Шестаков, изд. Общ. Ист. и Древн. при Моск. Унив.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XVI. № 11880.

[3]) Сборн. Ист. Общ. т. IV. 300, 395; т. VIII 562. Туган-Барановский, 29.

применяются попрежнему и при Екатерине II. Сенат подтвердил, чтобы и публичные женщины, отсылаемые полицией в мануфактур-коллегию, отправлялись последнею на фабрики [1]).

На парусной фабрике, переведенной в 1772 г. из Москвы в Новгород, мы находим в Новгороде к концу XVIII ст. на ряду с крепостными и рекрутами также нищих и бродяг или т. наз. «праздношатающихся». Вообще при переводе ее в Новгород указывали на то, что она «неминуемо всех праздных новгородских к сей работе притянет, им достанет пропитание и предовольно чрез то достанет ей рук» [2])—та же мысль, которая обычно высказывается при устройстве мануфактур в западноевропейских городах. Речь идет об использовании праздных людей, о борьбе с нищенством и добывании этим путем необходимой для новых предприятий рабочей силы. В конце XVIII ст. устроена была в Петербурге казенная полотняная фабрика на 60 станов, причем рабочими на ней должны были быть дети из воспитательного дома, так что новое предприятие, содействуя развитию промышленности, в то же время спасало бы незаконнорожденных от гибели—нищенства и тунеядства. Еще и впоследствии та же идея сохраняла свое значение. В 1809 г. в Петербурге была заведена суконная мануфактура при работном доме и арестанты, помещенные в последнем, должны были на ней работать, хотя из этого ничего не вышло [3]).

Вообще в 1783 г. Екатериной были созданы в Петербурге—на иностранный манер—два «рабочие и смирительные дома», которые предназначались не для преступников, а «для работы и наказания всякой ленивой черни, безпашпортных, беглых крепостных людей и служителей, здоровых нищих, пьяниц, забияк, распутных людей, бездельников», а также мелких воришек. «Пребывание в работных домах—говорит Георги в своем «Описании столичного города Санкт-Петербурга» 1794 года—бывает довольно чувствительно для всех к тому осужденных, не взирая на кроткое с ними обхождение, как в разсуждении невыходного заключения самого, так и ради непременного и точного исправления задаваемой работы и весьма умеренной пищи, а потому и может служить отвращением для всех к безпутному житию склонных». Сидельцы их занимаются «разными трудными работами для ремеслен-

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XIX. 13664.

[2]) Мурзанова. На московско-новгородской парусной фабрике. Архив истории труда в России, II 2—3.

[3]) Столпянский. Из истории производств в С.-Петербурге за XVIII в. Архив истории труда, II 95—96.

ников», между прочим «растирают они сандал», т. е. распиливают сандаловое дерево [1]).

На ряду с этой категорией рабочих (беглых, непомнящих родства, отданных за нищенство) и купленными к фабрикам и заводам, находим еще третью (они все именовались в XIX ст. поссессионными) в виде казенных мастеровых, отданных заводчикам вместе с заводами, к которым они были приписаны. Положение этих мастеровых, нередко, с передачей заводов частным лицам значительно ухудшалось и заводчики, применявшие и труд собственных крепостных, не проводили различия между теми и другими, заставляли их выполнять работы, которых они ранее не производили, сдавали в рекруты, подвергали тяжелым наказаниям. Такое понижение казенных мастеровых на уровень крепостных вызывало среди них нередко волнения и отчаянную борьбу за свои права. Но не легко было им добиться признания своих прав, ибо и государственные органы, которые, казалось бы, должны были разбираться в различиях между категориями заводских рабочих, как напр., мануфактур-коллегия, рассматривали казенных мастеровых «равно яко крепостных» и никаких особых прав за ними не признавали [2]).

О положении поссессионных рабочих во второй половине XVIII ст. мы узнаем, главным образом, из дел о волнениях казенных мастеровых на уральских горных заводах, как и из обследования фабрик, произведенного в первые годы XIX ст. Картина получается весьма нерадостная. Рабочие жалуются на замедление в уплате заработанных денег, на то, что их не вознаграждают за остановки в работе, происходящие не по их вине, что им приходится выполнять и нефабричные работы, что их заставляют покупать продукты в хозяйской лавке по повышенным ценам, что им вместо денег платят припасами, что им не дают отдыха в субботу после обеда, в праздничные и воскресные дни. На горных заводах они вынуждены были, так как они были заняты другими работами, нанимать за себя для различных работ, напр., для рубки дров, посторонних лиц, которым они платили не по 25 коп., как получали сами, а по 35 и 40 коп. На горных заводах рабочий день обычно продолжался 11 часов, на фабриках (поссессионных) 12 час., но были и случаи более продолжительной работы—в 13 и 13½ часов, иногда и до 15 часов, так что работники прядут и чешут шерсть «и стригут сукно в темноте». Определялось ко-

---

[1]) Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. 1794, стр. 322 сл.

[2]) Семевский. Крест. в царств. имп. Екатерины II, 413 сл., 436 сл.

личество годовой выработки, обязательной для каждого мастерового, но оно устанавливалось на ревизскую душу, почему рабочим приходилось работать не только за себя, но и за стариков и малолетних. На многих фабриках и даже горных заводах применялся труд малолетних. На большой московской суконной фабрике жизнь рабочих была настолько невыносима, что они просили лучше отдавать их в солдаты,—а ведь отдача в солдаты производилась за преступления и одно слово солдатчина вызывало в те времена представление о всевозможных ужасах. Какова была эта жизнь, можно судить и из обследования 1803 года, в котором говорится, что «поныне очень срамно было видеть, что большое число мастеровых и работных людей так ободрано и плохо одеты находятся, что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах имеют [1]).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Кустарная промышленность в XVII и XVIII ст.

Не только в XVII, но и в XVIII ст. в городах преобладающей формой промышленности являлось ремесло в различных его видах. В Доме св. Софии в Новгороде, который являлся «центром огромной территории, разбросанной по всем новгородским пятинам и выходящей часто за их пределы», мы находим различных ремесленников, частью работающих на новгородского владыку, частью и на прочее население. Здесь мы находим кузницу: «дано кузнецу Даниилу Семенову 16 алтын, а он подковал 6 лошадей большими подковы все ноги, которым к Москве итти», выдано «Грише кузнецу на угслье денег рубль», у кузнеца имеется «молотовшик», которому «на всякий день дают полхлеба да кашу с маслом». Здесь же жили и «мельников колесник Дметерко» и иконописцы, в пользу которых владыка новгородский устанавливает в пределах Новгорода монополию—другим иконописцам «с променными иконами в Великий Новогород не приезжать и в Новгородских уездах не променивати» (1678 г.).

Восковые свечи выделывались на Софийском дворе из казенного воску софийскими звонцами: «дано Никите звонцу 6 алтын от свеч от сканья и за светильно, а скал он 2 пуда свеч митрополиту в келью и в казну», «дано звонцу Никите 8 московок». Подобным же образом и серебренники снабжаются заказчиком сырым материалом: «дано серебреннику

[1]) См. Семевский, 401 сл.

Грише Яковлеву на оклад Пречистые Богородицы Владимирские 8 рублев 13 ал. 2 д; да сусального золота пошло 30 листов двойного, а дано 21 алтын; да Грише ж дано на оклад на образ Бориса и Глеба... да на те же образы дано на венцы на пареное золото 8 золотых угорских, кои взяты у митрополита, да 2000 гвоздей пошло.. 10 катков серебряных на венец к Пречистые Богородицы за жемчюгов мест... 3 вставки, 2 раковины, да червец... гривенка ртуту... от рези от имян 3 алт. 2 д., финифту на 2 алт., мыла, да ягод, да клею на 2 алт. 2 д.» [1]). Все материалы—и сусальное золото, и пареное золото, и серебро, и гвозди, и ртуть, и финифть, и клей и все прочее доставляет заказчик ремесленнику; последний присоединяет к этому только свой труд.

В Москве в XVII ст. мы находим на ряду с заказами ремесленникам и повидимому, широко распространенное производство для рынка; серебряники, скорняки, сапожники, котельники в рядах продавали свои изделия; Федьку «в лицо знают и сапоги к ним в сапожный ряд на продажу выносит». В 1664 г. по государеву указу в один раз было куплено в пределах только Гостиного двора 427 чекменей и тогда же было закуплено в лавках Китай-города до 4½ тыс. аршин холста [2]). Здесь мы имеем, повидимому, уже производство не ремесленное для местного сбыта, а предназначенное для более широкого рынка, ибо холст городскими ремесленниками—как мы видели—не изготовлялся, а пряденье и ткачество составляло деревенский промысел. Материи, очевидно, закупались московскими торговцами и продавались ими в рядах.

Одновременное существование различных фирм производства, как работы по заказу потребителя из материала последнего, так и производства для продажи потребителю и наконец, изготовления товаров для скупщика-торговца мы можем установить и в западно-русских городах. О работе по заказу потребителя и из принадлежащего ему материала свидетельствуют постановления цеховых статутов, воспрещающие утайку и подмен материала заказчика. Могилевскими цеховыми статутами скорняков, портных, сапожников, золотых дел мастеров, составленными до половины XVII ст., воспрещается, в большинстве случаев, под угрозой исключения из цеха, утаивать материал заказчика. По статуту 1579 г. виленского цеха ткачей утаивший материал, полученный от заказ-

[1]) Греков. Новгородский Дом Святой Софии. I. 50 сл.

[2]) Довнар-Запольский. Торг. и промышл. Москвы XVI—XVII ст. 69.

чика, лишался права продолжать промысел, а у полоцких скорняков и шапочников мастер за подобный обман предается суду магистрата [1]).

Однако, в тех же статутах идет речь и о работе на продажу. В могилевских цехах говорится о закупке сырья, тот же виленский цех ткачей устанавливает одинаковый аршин и получает место для лавки. Следовательно, эти цехи одновременно с работой по заказу потребителя из его материала, производили товары для рынка. Точно также в статуте могилевских красильщиков воспрещалось и употребление дурных красок и плохое окрашивание полученных от заказчика предметов.

В других цеховых уставах, однако, имеется в виду только одна форма т. наз. шинкованного ремесла, т. е. выносящего на рынок свои изделия. Это видно из кар, устанавливаемых за употребление плохого материала (напр. у брестских сапожников за гнилой материал), за понижение цен, за разнос товаров по домам для продажи, за пользование учениками или подмастерьями для торговли своими изделиями. Точно также. если виленские и могилевские цехи воспрещают покупку сырья на рынке, на улицах, закупку его на пути в город («выбегание в поле»), покупку в неурочные дни, если они дозволяют мастеру покупать не свыше определенного количества сырья (маслобойнику не более двух бочек конопляного семени, сафьянику не более ста кож) или если они предписывают делиться с другими мастерами закупленным сырьем, то это все доказывает, что мастера приобретают сырье самостоятельно и изготовляют из него товары по собственной инициативе. Наконец, в некоторых уставах устанавливается максимум изготовляемого товара (виленские ткачи 1579 г.), определяется очередь по продаже товаров (виленские сафьяники 1689 г.), дозволяется торговать на рынке только мастеру или его жене (виленские шапочники 1636 г.), запрещается отбивать покупателей на рынке.

Но кроме того мы находим уже в 1579 г. воспрещение мастерам скупки сапог, так что были уже мастера, которые приобретали произведенные другими членами цеха изделия для перепродажи. В другом случае (Могилев) в 1634 г. не дозволено принимать без ведома цехмистра (старшины цеха) заказы от гостей, т. е. от иногородних торговцев. Здесь речь идет, следовательно, о работе мастеров не для других мастеров, а для скупщиков из числа торговцев. Работа на торговцев

[1]) Клименко. 120 сл.

может быть далее установлена жалобой могилевских купцов 1750 г. на новый пункт в статуте рымарей, запрещающий мастерам брать заказы от купцов и покупать у них приборы и другой жалобой виленских купцов 1646 г. на то, что цех солодовников не дозволяет продавать им приготовленный солод. С другой стороны, могилевские цехи сапожников, маслобойников, скорняков усердно занимаются торгом, скупкой и продажей промышленных изделий; витебский статут купецкой избы 1738 г. воспрещает производить торговлю цеховым мастерам [1]).

Мы имеем перед собой, таким образом, на ряду с ремеслом в его двояком виде и ту форму производства, которая именуется кустарной или домашней промышленностью. Отличаясь от ремесла более широким рынком сбыта, она характеризуется наличностью посредника между производителем и потребителем, необходимость участия которого вытекает из расширения рынка. Самое производство попрежнему носит характер мелкого, совершается в небольшой мастерской, но сбыт может принимать значительные размеры, если скупщик-капиталист дает заказы большому количеству мелких мастеров-кустарей или закупает у них уже готовые изделия. Если при этой форме производства капиталист фигурирует лишь в качестве торговца, то централизованная мануфактура, переводя ремесленника или кустаря или иные группы населения в помещение предпринимателя, превращает последнего уже в промышленника, руководящего и самым процессом производства, дает предпринимателю возможность влиять на организацию производства, на разделение труда на мануфактуре. Когда такое централизованное предприятие пользуется машинами и двигателями, применяет рациональные химические процессы и методы, тогда мануфактура превращается в фабрику.

Подобно ремесленнику и кустарь работает в собственной мастерской, производит по своему усмотрению, распределяя свое время по своему желанию. Степень его зависимости от капиталиста весьма различная: мы находим здесь разные ступени, начиная от производителя, который сам везет изготовленные им товары на базары и там продает их торговцам, вплоть до таких, которые вынуждены изготовлять их по предварительному заказу для определенного скупщика или группы (компании) скупщиков. Во всяком случае зависимость кустарей обусловливается нуждою в посреднике, и получение материала (иногда и орудий) от последнего не создает, а лишь усу-

[1]) Клименко, 143.

губляет ее. Обычно, по мере того, как развивается товарный характер промысла и место потребления кустарных изделий отодвигается от пунктов их производства, растет и участие скупщика в сбыте. Сначала он является случайным покупателем, потом на ряду с потребителем становится постоянным участником торга, затем почти вовсе оттесняет потребителя, пока, наконец, не делается единственным лицом, имеющим сношения с кустарями. Вместе с указанным изменением формы сбыта растет и фигура самого скупщика. Способы сношений между кустарем и скупщиком могут быть различные. Так, в игрушечном промысле Александровского уезда Владимирской губ. сбыт изделий совершается следующими путями: 1) изделия лично доставляются кустарем в Москву в определенные лавки или предлагаются то тому, то другому торговцу, 2) они посылаются туда чрез посредство возчика, исполняющего роль комиссионера, 3) продаются иногородним торговцам, нарочно для того об'езжающим производителей (самый выгодный для последних способ), 4) сбываются местным деревенским торговцам по вольной цене и в 5) по предварительному заказу или в счет долга кустаря лавочнику [1]).

Как ни разнообразны эти способы сбыта, но все они об'единяются фигурой скупщика и наиболее тяжелым является, быть может, положение тех кустарей, которые не имеют определенного покупателя, а вынуждены каждый раз разыскивать его, находясь под угрозой остаться на руках с непроданным товаром и не иметь средств для жизни и для продолжения промысла.

Не только в смысле степени зависимости кустаря различные промыслы обнаруживают много вариантов. Кустарная форма промышленности вообще возникает в разных странах и местностях и в различных отраслях производства не одновременно: мы находим шелковую промышленность, производимую рабочими на дому, в итальянских городах уже в XII—XIII ст., в Константинополе даже в X ст., тогда как сапожный промысел стал кустарным и в Западной Европе не ранее XIX ст. Точно также и у нас имеются промыслы, которые из производства для собственных потребностей уже в XVII ст., а быть может, и раньше, успели превратиться в кустарную промышленность, работающую для рынка. В известном своим слесарным промыслом селе Павлове, Нижегородской губ., уже по писцовой книге 1621 г. упоминается о 2 больших кузницах, при Петре выделываемые там ножи и замки распространяются по всей

[1]) В. В. Очерки кустарной промышленности.

России, а во второй пол. XVIII ст. купцы возят в Сибирь висячие замки с Павловских заводов. В селе Дунилове Шуйского уезда, как видно из акта 1667 г., уже тогда занимались выделкой нестрядей и холста и этим платили оброки в казну. В других местностях Шуйской области в XVII ст. развились мыловаренный промысел, кузнечный, калачный; шуяне завели у себя «варити мылишки», строили «мыльни» и развозили свои изделия, ездили «для своих бедных промыслишков». По описи Носова 1710 г., из 174 тяглых дворов Шуи третья часть занималась изготовлением промышленных изделий—было 16 кожевенных заведений, 11 мыловаренных, 14 сыромятных, 4 медных, 7 изб. скорняжных, 4 рукавишных.

Раннее возникновение многих наших крестьянских кустарных промыслов подтверждается и сведениями относительно товаров, сбываемых на таких ярмарках, как Благовещенская (Архангельской губ.) или Макарьевская (Нижегородской губ.). Из записной книги гостиного двора Важской Благовещенской ярмарки 1727 года, видно, что наезжие купцы скупали в ней десятками кусков и сотнями, даже тысячами аршин холст разных сортов, сукна белые и серые. Там же приобретались меха и овчины, как видно из выписей, и отправлялись в Москву, Ярославль, Кинешму и даже в сибирские и малороссийские города. Следовательно, имелись многочисленные промыслы, работавшие для широкого рынка. Такой характер имели уже с начала XVII ст. промыслы Семеновского уезда Нижегородской губ., ибо мы знаем, что в 1624 г., при возобновлении Макарьевской ярмарки, лысковское полотно, корженецкая деревянная посуда, заволжские шляпы и валенки, мурашкинские рукавицы, тулупы и шапки были первыми товарами, привозимыми на это торжище. Окрестности Валдая, Каргополя и некоторые местности на Двине и Ваге, по словам Кильбургера, производили холст, который вывозился заграницу, точно также, как и ветлужские рогожи отправлялись в Англию; в 1730 г. на догрузку кораблей английского консула Варда куплено было в Архангельске 12530 ветлужских рогож, одинаких, семичетверных, по 18 руб. тысяча [1]).

---

[1]) Соколовский. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и в первой половине XVIII ст. Ученые записки Казанск. Унив. 1890. Кн. III. стр. 20—30. Мещерский и Мадзолевский. Свод материалов по кустарной промышленности, стр. 119—120. Корсак. О формах промышленности стр. 186. Борисов. Описание г. Шуи с прилож. старинных актов, стр. 61. 156. 282.

Точно также уже в конце XVII ст. мы встречаем крестьян Иваново-Вознесенска на всевозможных ярмарках с выделанным ими холстом, а в начале XVIII ст. они уже не довольствовались простым холстом, а красили и набивали и этим уже раскрашенным и набитым холстом вели торговлю в отдаленных местностях тогдашней России вплоть до Астрахани, где сосредоточивалась торговля с народами Азии [1]).

В 40-х г.г. русский холст отправляли в большом количестве заграницу—без русского полотна английский флот обойтись не мог. В 1746 г. по публикациям казны на доставку рубашечного холста никто не являлся, ибо отпускать за море было выгоднее. В 1746 и 1747 г.г. было привезено в Петербург около 2 милл. аршин холста москвичами, переяславцами, ростовцами, ярославцами, угличанами, торопчанами и т. д. Товары их были остановлены, но они подали прошение, чтобы им дозволено было завезенный к петербургскому порту холст проводить в заморский отпуск [2]).

Не следует впрочем усматривать в приведенных фактах чего-либо свойственного исключительно нашим кустарным промыслам и отличающего их от западно-европейской кустарной или домашней промышленности (которую вследствие этого различия нередко именуют «домашней»—в противоположность нашей—«кустарной»). И на Западе в XVII-XVIII ст. и даже в первой половине XIX в. широко была распространена деревенская промышленность; во многих случаях и там она возникла из производства крестьянами изделий из шерсти, льна, дерева, камня и других видов местного сырья для собственных надобностей и лишь постепенно превратилась в работу для сбыта на соседних рынках, а затем и для приезжих купцов. Так, возникла известная силезская льняная промышленность, различные промыслы Исполинских, Рудных гор, Тюрингии, Вестфалии, ткацкий промысел в Лилле, Камбре, Дуэ, Амиене и т. д. [3]). Но даже и там, где исходной точкой явилось городское ремесло, все же кустарная промышленность широко распространилась за пределами городов и центром тяжести всех развитых и имевших существенное значение отраслей производства являлись всегда деревенские жители. Лишь с упадком кустарной формы производства и вытеснением ее фабрикой деревенские промыслы стали исче-

---

[1]) Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. I. 138.

[2]) Тарле. Запад и Россия, 128. Соловьев, кн. V. Дюбюк. Полотн. промышл. Костромск. края, 28.

[3]) См. Кулишер. Эволюция прибыли. Т. I. Стр. 546 и сл.

зать, а в городах уже народились новые, составляющие характерную особенность второй половины XIX ст. кустарные промыслы, изготовляющие одежду, белье, обувь, искусственные цветы, игрушки и т. д.

Наконец, был еще и третий путь возникновения кустарной промышленности, на который обратил особое внимание М. И. Туган-Барановский, придавая ему однако чрезмерное значение—фабрика вызывала к жизни различные кустарные промыслы; последние явились результатом разложившейся фабрики или точнее мануфактуры, ибо в большинстве случаев речь идет о централизованных предприятиях, применяющих ручной труд, а не машину. Отдельные случаи подобного рода, когда владельцу фабрики или мануфактуры казалось выгоднее раздавать работу на дом, чем производить ее в собственном помещении, и он постепенно сокращал выделку товаров в последнем или вовсе прекращал ее, мы находим и в Западной Европе.

Туган-Барановский указывает на то, что у нас кустарная промышленность обязана была своим возникновением фабрике (мануфактуре) и последняя погибла, не будучи в состоянии выдержать конкуренцию кустаря. Но при этом, он, к сожалению, слишком часто исходит из того совершенно недоказанного положения, что уже в XVIII ст. в данной отрасли производства (и местности) существовали централизованные предприятия, которые затем прекратили свое существование. «Отдача бумажной пряжи на дом появилась у нас только в конце XVIII в., раньше бумажное тканье производилось исключительно в самом фабричном здании». «На суконных фабриках XVIII в. вся работа по обработке шерсти в сукно производилась на одной и той же фабрике» (мануфактуре), позже (в начале XIX ст.) в помещении мануфактуры выполнялось «только крашение и отделка сукна, а суровье заготовлялось по окрестным деревням». «В Московской губ. еще при Петре были устроены крупные шелковые фабрики» (мануфактуры), «при простоте техники промысел этот не замедлил переселиться в деревню, вместе с возвращавшимися в деревню рабочими шелковых фабрик» [1]).

Однако, как мы видели выше, пряжа и тканье холста и сукна производились у нас во многих местностях не только в XVIII, но и в XVII ст. и даже там, где речь идет о таких тканях, как бумажные или шелковые, которые не были предметами крестьянского потребления, распространение производ-

[1]) Туган-Барановский 214. 219. 237. 239.

ства этих изделий нередко находило себе благоприятную почву в ранее существовавшей выделке холста. Едва ли может служить в этом отношении примером полотняный промысел московского района. Если мануфактуры дали толчек производству новых сортов полотна, например, фламских полотен, то ведь другие сорта изготовлялись там уже в первой половине XVIII ст., во многих губерниях, например, в Костромской, до появления мануфактур. Да и самый переход крестьян к новым сортам изделий совершался, повидимому, не столько под влиянием работы в этих мануфактурах, сколько вследствие того, что промышленники давали заказы на фламское полотно и ревендуки сельским жителям. Конечно, во многих случаях, возникновение кустарной промышленности происходило под влиянием торговцев, которые стали раз'езжать по деревням и раздавать сырье крестьянам, давая толчек для превращения производства для домашних потребностей в работающую для рынка промышленность. Но все же мы имеем здесь дело с децентрализованной промышленностью, а не с централизованным предприятием — с раздаточной конторой, а не с мануфактурой. Кроме самобытного возникновения крестьянских промыслов (для собственных нужд) и развития их под влиянием мануфактуры, есть ведь еще третья возможность, когда торговец раздает местному населению те или другие материалы для обработки и об'ясняет те несложные операции, которые над ними нужно выполнить — если некоторые работы с другим сырьем уже раньше производились, то новый промысел легко прививается. Отдельные наиболее смышленные крестьяне научаются новым работам, а от них уже производство перенимают и прочие. «Наймуясь у кущов в работу и обучась гвоздильному мастерству, размножают оное в селах и деревнях между собою».

О том, насколько широко были распространены крестьянские кустарные промыслы в первой половине XVIII ст., можно судить на основании мнений и наказов, поданных в комиссии о коммерции и о составлении нового уложения в начале 60-х г.г. XVIII ст. Здесь к предметам крестьянского промысла депутаты от крестьян относят: выделку лопат, дуг, лаптей, мочал и рогожи, производства столярное, плотничье, кирпичное и каменьщичное, печное, колесное, приготовление кож и овчин, шуб и тулупов, сапог, хомутов, седел, даже выделку гвоздей, сошников, серпов, кос, крестов и игл, наконец изготовление веревок, холстов и крашенье шерсти, серых сукон и лент, а также производство солода, масла и бумаги. Торговля всеми этими предметами должна быть дозволена крестья-

нам; они, следовательно, изготовляют для сбыта и крестьяне частью торгуют сами собственными изделиями этого рода, частью сбывают их другим крестьянам, которые занимаются снабжением ими населения, главным образом, опять-таки крестьянского,—в этом смысле и говорится о том, что это предметы «крестьянских надобностей». «Словом все, что принадлежит к крестьянским домашним нуждам, не может сделать никакого подрыва и помешательства купеческому торгу; посэтому и следует дозволить крестьянам невозбранно торговать всеми помянутыми предметами при торжках и при погостах».

В свою очередь купцы в той же комиссии жаловались на развитие мелкого крестьянского производства, на то, что крестьяне различных сел Нижегородской губ. занимаются кожевенным, мыльным, солодовенным и прядильным производствами, чем «принуждают купечество покупать нужные припасы для вырабатывания оных товаров возвышенными ценами». Купцы северных городов указывают на то, что крестьяне «промышляют кожевенными заводами так точно, как и купцы». «Жительствующие при самой нашей слободе, в селе Норском и прочих деревнях—читаем в наказе жителей Норской слободы — многие крестьяне из покупного же железа куют при своих домах гвозди и по многому числу у своей братии скупая, отвозят в С.-Петербург и Москву». В наказе шуйского купечества говорится, что в селах и деревнях заводы немалые заведены, а именно: юфтные, сальные, скорняжные, выбойчатые, свечные и платочные, с которых заводов товары свои продают в тех селах и деревнях, а другие под неизвестными именами отвозят к портам в Малую Россию, в Сибирь» [1]).

Крестьяне, таким образом, занимаются и сбытом кустарных изделий, они устраивают у себя и заведения (кустарные) с наемными рабочими, так же, как то делают купцы. И те и другие выполняют одни и те же функции, но, конечно, при этом сталкиваются интересы «мочных» и «маломочных» людей и первые требуют «запрещенные торги присечь, заводы уничтожить», ибо крестьяне «совсем сами делаются купцами, а купцов лишением торгов доводят, чтобы и совсем их не было».

Но эти требования их не имели успеха, ибо дворянские наказы напротив настаивали на том, чтобы крестьянам была

---

[1]) Сборн. Истор. Общ. т. XCIII. См. Туган-Барановский, 38. Лаппо-Данилевский. 101.

предоставлена возможность свободно продавать свои изделия; и точно также в наказе мануфактур-коллегии своему депутату в екатерининской комиссии говорится, что «если поселяне должны будут земель своих не покидать, но всемерно оные обрабатывать, а к сему прибавятся им рукоделия их состоянию приличные, как то пряжа шерсти, льна пеньки, ткани из того сукон и полотен, кузничная деревенская работа, и т. п.... то кажется довольными им быть надлежит».

Действительно, по данным, как иностранцев, посещавших Россию в конце XVIII и в начале XIX ст., так и Шторха и в особенности из анкеты Вольно-экономического общества видно, что во второй половине XVIII ст. крестьянские промыслы успешно развивались. «Крестьянин весьма склонен к промышленной работе». «Часто земледелие играет в его хозяйстве второстепенную роль, а промыслы, напротив, главную». Тверская губерния в 80-х годах XVIII ст. вывозила на продажу до 10 милл. аршин крестьянского холста. Металлические изделия села Павлова распространялись по всей России и даже вывозились в Персию, кустари приволжских местностей производили на продажу гвозди. Одни местности, как например различные села Кашинского уезда, были населены почти исключительно сапожниками и башмачниками, другие кузнецами, в Гжельской волости почти все жители занимались приготовлением глиняной и фарфоровой посуды. В деревнях мы находим мебельный промысел, выделку колес, дуг, саней, но и такие производства, которые совершенно не находятся в связи с потребностями сельского населения, как тканье шелковых материй и лент, изготовление изделий из золота и серебра.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Централизованные мануфактуры в XVIII ст.

В западно - европейских источниках XVII — XVIII ст., французских, прусских, австрийских и других, постоянно упоминается о фабриках и фабрикантах. Многие последователи из этого сделали вывод, что существовали в большем количестве централизованные предприятия, в которых товары производились наемными рабочими под надзором самостоятельного предпринимателя. Конечно, машин до конца XVIII ст. в Англии, до начала XIX ст. на континенте Европы не было,

следовательно, о фабриках в современном смысле говорить нельзя было. Но не сомневались в том, что в предшествующую фабричной промышленности эпоху имелось большое количество централизованных мануфактур, которые и составляли преобладающую форму производства в XVII — XVIII ст., в особенности во вновь созданных отраслях промышленности. Однако, при ближайшем анализе отдельных упоминаемых в источниках предприятий оказалось, что таких мануфактур в эту эпоху встречается сравнительно очень немного, господствующей же являлась кустарная форма промышленности. Под фабрикой документы, как и авторы того времени понимали вообще предприятие, в частности металлургическое, производимое при помощи молота и огня, фабрикантом именовали всякого производителя, будь то ремесленник или кустарь, скупщик-торговец или владелец централизованного предприятия. Такой же смысл имело и слово мануфактура, с той только разницей, что оно обозначало не только промышленность вообще (развивать мануфактуры тоже, что развивать промышленность), но и текстильное производство, то, что у нас нередко именуют мануфактурной промышленностью.

И у нас постоянно говорят о петровских и екатерининских фабриках, исходя из того, что этот термин употребляется законодательством того времени и не сомневаясь в том, что это были сплошь централизованные предприятия, хотя, конечно, не применяющие машин и двигателей. А между тем и здесь возникает вопрос, действительно ли это было так и можно ли оффициальную терминологию того времени понимать в таком смысле. Когда Петр Вел. или Екатерина II приказывали «фабрики и заводы заводить и размножать» или когда Фоккеродт рассказывает, что Петр старался о «заведении фабрик в царстве какие обыкновенно заводятся в чужих краях»[1]), то они едва ли имели в виду определенную форму производства, и их весьма мало трогало, будет ли работа происходить в здании предпринимателя или в помещениях самих рабочих или наконец в небольших мастерских, где на ряду с владельцем имеются и наемные рабочие. И в последнем случае имеется отнюдь не фабрика и не мануфактура, а кустарная изба, ибо владелец работает не самостоятельно, а на скупщика, коммерсанта, занимающегося сбытом закупаемых им товаров. И Петр и Екатерина интересовались лишь самым «заведением» этих предприятий, перенесением из-за границы соответствую-

[1]) Фоккеродт. Россия при Петре Вел. (Чтен. Общ ист. и древн. Росс. 1874. II).

щих отраслей промышленности. Понятие фабрики (или мануфактуры, завода) без сомнения равнозначуще понятию промышленности вообще в таких случаях, как вывоз иностранцев для того, чтобы они могли «как хлебопашество, так фабрики и художества в цветущее состояние приводить», как приказание учредить «фабрику или художества всяких материй и парчей» или как сообщение о том, что «Микляев ту мануфактуру (суконную) умножил». А тем более в этом смысле говорится в известном указе Петра 1712 г. «завод суконный размножать не в одном месте, так, чтобы через пять лет не покупать мундира заморского, а именно, чтобы не в одном месте завесть, а заведши дать торговым людям, собрав в компанию, буде волею не похотят, хотя в неволе» [1]). В последнем случае «завод суконный» употребляется в том же смысле: как во Франции говорили в XVIII ст. «la fabrique de soie lyonnaise», что обозначало лионскую шелковую промышленность, которая производилась исключительно в кустарных мастерских.

Тот же Петр Великий в 1696 г. говорит кузнецу Антуфьеву (родоначальнику Демидовых): «постарайся Демидыч распространить свою фабрику, а я тебя не оставлю» [2]), т. е. предлагает ему расширить свое чугунное, плавильное и оружейное производство, которое выполнялось в то время тульскими казенными кузнецами в своих же избах ремесленным способом; они работали на московскую оружейную палату. Здесь, в Туле, уже с 70-х годов XVII ст. упоминается о существовании чугунно-литейного, затем и оружейного завода. История последнего подробно изложена в появившейся еще в 1826 г. книге Гамеля [3]), причем у всех авторов, упоминающих об оружейном производстве Тулы, положение изображается таким образом, как будто речь идет о едином крупном предприятии, о заводе в том смысле, как мы применяем этот термин в настоящее время. На самом деле, если внимательно изучать книгу Гамеля, то оказывается, что и выражение «тульский оружейный завод» для всего почти двухсотлетнего периода существования этого промысла (вплоть до 1873 г.) означало лишь нечто собирательное в смысле целой группы мелких самостоятельных заведений, работавших, главным образом на казну, но также и для вольного рынка.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. IV. № 2324.

[2]) Труды Ком. по исслед. куст. промышл. в России. Вып. IX. 1883. Стр. 2247.

[3]) Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношениях. 1826.

В 1712 г. последовал приказ Петра: «для лучшего в оружейном деле способа, при оружейной слободе, изыскав удобное место, построить заводы, на которых бы можно ружья, фузеи и пистолеты сверлить и обтирать, а налаши и ножи точить водою, и ежели к тому оружейному делу и ко всяким заводам надлежит быть какового мастерства иноземцам, или русским людям, и таких людей изыскивать и употреблять. Для лучшего же на Туле в оружейном деле усмотрения и поспешения построить оружейный двор, дабы то ружье делать всеми мастеровыми на том оружейном дворе безостановочно, а по домам, где кто живет, ружья впредь отнюдь не делать». В этом указе характерно то, что «заводам» противополагается «оружейный двор». Под первыми, очевидно, разумеются мастерские, которыми пользуются отдельные оружейники для совершения тех или иных операций, нуждающихся в специальных приспособлениях, в особенности приводимых в движение водой. Все же остальные работы могут ими выполняться либо у себя дома, либо в особом здании—оружейном дворе. Указ настаивает на переходе оружейников в последнее, желая сосредоточить производство в одном месте, повидимому, в целях «безостановочной» работы и лучшего надзора за качеством ее. Но это не удалось, ибо после того, как каменный оружейный двор в 1718 г. был действительно построен и оружейники были переведены туда, они оказались очень стесненными при работе, так как вместе с учениками имелось свыше 1100 человек, не считая еще состоявших при них работников. Поэтому ими было подано прошение о разрешении работать по прежнему на дому, на что последовал ответ генерал-фельдцейхмейстера «оружейных кузнецов на каменный двор до указу не переводить, а делать им ружье попрежнему в домах своих». Таким образом, прежний способ производства сохранился. Вскоре после этого, в 1733 г., часть каменного оружейного двора, т. е. большая часть палат и кузниц была сломана, тогда как упомянутые выше «заводы», приводимые в действие водой, продолжали служить для выполнения различных работ по производству оружия.

Мастерам поручались для производства на дому различные работы, смотря по умению и способности каждого, а одновременно с этим они приготовляли при помощи собственных инструментов и своего материала и различные предметы, как, например, пистолеты, штуцера, кортики и шпажные эфесы, стремена, шпоры, и для свободного рынка. Позже, к концу XVIII ст., они были разбиты на пять цехов, по специальностям, а цехи делились на артели, и вновь возник проект по-

стройки каменного оружейного завода с отдельными корпусами для помещения каждой артели рабочих, но из этого ничего не вышло и «оружейный завод» — этот термин сохраняется все время — снова не превратился в завод. На ряду с казенными мастерами производили в той же Туле, и в ведении того же завода, оружие также вольные мастера, именуемые «фабрикантами». Это видно из рескрипта Александра I, посланного начальнику тульского завода в 1812 г.— ежемесячно приготовлять в Туле на заводе «ружей разного калибра 7,000 казенными мастерами, 3.000 вольными фабрикантами, старых ружей переделывать вольными фабрикантами 3.000, а всего в месяц приготовлять 13.000». В 1823 г. было издано новое положение о «заводе», согласно которому принадлежавшие к нему (прикрепленные) три тысячи оружейников распадались на шесть цехов (ствольный, замочный, белого оружия, приборный, ложевой и стальной), причем каждый из цехов имел своего старосту и старшину и судей цехового разряда.

При этом любопытно, что оружейникам разрешалось теперь не только производить в свободное от казенных работ время различные изделия для продажи, но и устраивать у себя специальные заведения, именуемые в источниках «фабриками», для выделки не только оружия, но и различных иных железных и стальных вещей, изделий замочно-слесарного производства. В 1825 г. уже насчитывалось 43 различных «фабрики», принадлежавших оружейникам, для выделки мундштуков, оконных и дверных задвижек, замков; существовали и чугунно-литейные заведения, из которых одно (оружейника Гайтерева) имело даже паровую машину; были мастерские по выделке самоваров, ножей, гвоздей, печных изрясцов, экипажей, кузнечных мехов. Железо оружейники покупали для своих надобностей в двух лавках, и вырученные от продажи его суммы, за вычетом расходов, поступали в общественный фонд оружейников

Как мы видим, оружейный завод представлял собою ничто иное, как поселенную в определенной местности и пользовавшуюся особыми льготами группу лиц, которая лишь отчасти работала на казну, в значительной же мере на собственный страх и риск, и при том не совместно, а каждый в отдельности, при помощи собственного материала и инструментов, а также наемных помощников, лишь отчасти пользуясь и казенными приспособлениями «заводами», снабженными машинами и двигателями (установленные на них в начале XIX ст. паровые машины, впрочем, с 1816 г. в течение

двух десятилетий бездействовали). В таком положении дело находилось вплоть до 1864 г., когда после освобождения тульских оружейников от крепостной зависимости казенный завод был передан в аренду частному лицу. К этому времени на заводе насчитывалось 20.500 человек обоего пола, причем из 10 тыс. душ мужского пола состояло оружейными мастерами почти 4 тыс. человек, а из этого числа работало в помещениях завода 1276 чел. и на дому 2362.

Другим примером может послужить описание развития хлопчато-бумажной, в особенности ситце-набивной промышленности Иванова-Вознесенска. Если полагаться на терминологию автора его Я. П. Гарелина, то уже с начала XVIII ст. мы находим в селе Иванове и Вознесенском посаде Владимирской губернии фабричную промышленность. На самом деле те фабрики, небольшие фабрики, которые содержались крестьянами и о которых упоминает автор, были ничем иным, как кустарными мастерскими. Мы имеем перед собой кустарей, самостоятельно сбывающих свои изделия на ярмарках и базарах или скупщиков, торгующих произведенными кустарями товарами, или, наконец, мелких мастеров, работающих вместе с наемными рабочими, иногда кроме того закупающих еще у других их произведения.

Уже в начале XVIII ст. устроены были набивные «фабрики» в Иванове, Ярославле и Костроме. «Торговля равендуком, фламским полотном, чешуйкой, дрелью и другими цветными, гладкими и узорчатыми тканями местного изделия производилось на городских рынках, сельских базарах и в особенности на ярмарках. Этим занималось население нынешних Шуйского, Вязниковского и Ковровского уездов, которые носили название офень, ходейщиков или суздаль, так как вся эта местность в XVII и XVIII ст. входила в район Суздальского уезда». Какие это были фабрики, можно видеть из следующего. Во второй половине XVIII ст. встречаем в Иванове уже много домашних заведений для набойки по холсту; некоторые из таких «фабрикантов» сами набивали набойку, а семейства их производили прочие работы. Таких домашних или мелких фабрикантов, в отличие от больших, впоследствии прозвали горшечниками (от тех кубов или горшков, в которых окрашивали материю) или кустарниками. Сами же фабриканты и продавали свои произведения в Москве, Казани, селе Иванове и на ярмарках, причем крупные фабриканты возили свои товары и далеко, а мелкие ограничивались Ивановом и окрестными ярмарками; главными разносчиками Ивановских произведений по всем концам России были офени, которых не мало

было в самом Иванове. Таким образом оказывается, что эти самые «фабриканты» имеют домашние заведения, в которых работают вместе с семьей и именуются «горшечниками» или «кустарниками».

И в дальнейшем читаем о «набоешных избах» и о таких же «самостоятельных, но маленьких фабрикантах». Одним из них «фабрика была устроена небольшая и материалы для своего производства он покупал у местных более крупных фабрикантов». Здесь вместо «фабрика» надо поставить «мастерская», а слова «более крупных фабрикантов» заменить словами «скупщиков», ибо мы можем представить себе дело в данном случае только так, что кустарь, не имея достаточных средств, но желая сохранить свою самостоятельность, приобретает сырье у кого-либо из скупщиков, торгующих им, а затем уже продает свои изделия на рынках. Это подтверждается и сообщением о том, что во второй половине XVIII ст. один из таких «крупных фабрикантов» «скупал у других Ивановских фабрикантов работу их фабрик для продажи» и что подобного рода «фабриканты» не довольствовались одним Ивановом, а отдавали пастить и в окрестные селения». При таких условиях неудивительно, что и с появлением в Иванове централизованных мануфактур последние занимались только конечным процессом производства — набойкой миткаля, тогда как пряжу они покупали готовую и затем раздавали ее по деревням для выделки тканей. Так обстояло дело в начале XIX ст. Вообще во Владимирской губ. в это время—как сообщает «Журнал Мануфактур и Торговли» 1828 г.—«многие фабриканты имеют при своих фабриках малое только число станов, раздавая пряжу для тканья по деревням крестьянам, работающим на собственных своих станах и получая от них сотканные изделия, дают окончательную отделку при фабрике». Это переходная ступень от кустарничества к централизованной мануфактуре, смешанная форма, какую мы находим в XVIII ст. и в Западной Европе.

Иногда фабриками несомненно именуются и небольшие ремесленные мастерские. Так, например, когда речь идет в 60-х г.г. XVIII ст. об устройстве Поером Галантом в Ревеле столярной фабрики с пособием всего в 200 руб., то мы здесь имеем перед собой такого же столярного мастера, каким являлся другой иностранец Варт, одновременно с Галантом приехавший в Россию, но именуемый действительно столярным мастером, а не фабрикантом. Столярные мануфактуры и на

[1]) Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. l. 139, 142-3. 147-8. 160. 164.

Западе появились лишь во второй пол. XIX ст., раньше это было исключительно ремесло. К той же категории надо повидимому отнести и получивших столь мелкие ссуды, как 400—600 р. иностранцев для устройства предприятий мыловаренного, кружевного, по выделке бумажных материй—ссуды слишком незначительны, крупные промышленники получали по 5, 10, 15 тыс. и более.

Проф. Е. В. Тарле приводит цифры рабочих, сообщаемые Германом относительно различных русских мануфактур за 1780 г., и находит, что они «по истине чудовищны». В самом деле здесь мы находим шелковые и суконные мануфактуры—одну с 351 рабочим, другую с 435 рабочими, третью с 589, четвертую с 756, пятую с 1128, шестую с 1700 и даже одну с 2250 рабочими. Еще больше полотняные мануфактуры—встречается и 599, и 795, и 1031, и 1295 рабочих, есть предприятия, имеющие 2559 и 2637 рабочих, в одном 3479 рабочих. «Мы не теряем из вида—продолжает Е. В. Тарле—(хотя прямых указаний в этом смысле и мало, но нужно представить себе дело, раз речь идет о XVIII веке, так), что эти тысячи рабочих, занятых на русских предприятиях, конечно, не все работали в здании мануфактуры. Этим, между прочим, и об'ясняется разительное противоречие в общих подсчетах, причем одни утверждают, что в России было чуть ли не более полумиллиона рабочих, а другие, для тех же приблизительно лет, довольствуются цифрою в сто тысяч... Не подлежит сомнению, что в подсчеты очень часто входили все рабочие, как работавшие в здании мануфактуры, так и получавшие работу на дом»[1]).

В самом деле, по подсчетам Германа, число рабочих на русских фабриках и заводах составляло всего 119 тыс., причем предприятий он насчитывает 2322, так что в среднем приходится всего 50 рабочих на предприятие. Надо думать, что здесь приведены только действительно централизованные мануфактуры и одни лишь работавшие в помещении последних рабочие. Впрочем, и тут надо сделать оговорку. Из некоторых цифр видно, что отчасти и сюда попали мелкие заведения ремесленного и кустарного типа. Так почти половину всех фабрик и заводов—1150 из 2322—составляют кожевенные, число совершенно невероятное, более чем в два раза превышающее цифру всех видов текстильных предприятий, суконных, полотняных, бумажных, шелковых, вместе взятых (539). Очевидно сюда включено много совершенно мелких кожевенных

[1]) Тарле. Запад и Россия, 142-43. 146.

мастерских. Преувеличена несомненно и цифра хрустальных и стеклянных фабрик—131, ибо суконных фабрик оказывается всего 136 [1]).

Предположение проф. Тарле относительно того, что в приводимых им предприятиях с огромным количеством рабочих значительная часть последних состояла из кустарей, получавших лишь сырье на фабрике, подтверждается различными данными. Так суконный регламент 1741 г. определяет: «мастеровым и работным людям отнюдь не допущать, чтоб жены и дочери их, кои работать в состоянии будут, дома праздно пребывали или гуляли, но паче их, как то на шелковых и на парусинных фабриках достохвально бывает, на фабрике такой работе обучать, какую исправлять могут», причем они могут и брать работу на дом. Таким образом женский труд на дому прямо поощряется. Равным образом из обследования мануфактур-коллегии 1803 г. мы узнаем, что в шелковом производстве разматыванием шелка женщины занимались не на фабрике, а дома, и точно также в полотняной промышленности на дому женщины разматывали пряжу на катушки с помощью детей [2]). Здесь речь идет именно о тех отраслях производства, в которых встречаются упомянутые выше предприятия в 700-900, в 1-2 тыс. и даже в 2½ тыс. и более человек. Очевидно известную долю среди них составляли женщины, получавшие работу на дом.

Мы имеем основания предполагать, что не только разматыванье пряжи, но и самое прядение—как это было по общему правилу в Западной Европе—производилось в кустарных мастерских, а не в помещении мануфактуры; последняя же только выдавала прядильщицам (на Западе это были обыкновенно женщины) шерсть или лен для обработки. Однако и самое ткачество имело место далеко не всегда в помещении мануфактуры. Так Кампенгаузен в описании г. Ямбурга 1796 г. рассказывает, что около 56 семейств занимаются там обработкой бумажной пряжи, которая отпускается им на дом и которую они обрабатывают на небольших ткацких станках, тогда как на самой фабрике производится только тканье покрывал, требующих больших ткацких станков.

Такая раздача пряжи кустарям мануфактурами была повидимому в конце XVIII и в начале XIX широко распространена. Так, при некоторых медынских парусно-полотняных мануфактурах в 80-х г.г. XVIII ст. число рабочих, работавших

---

[1]) Герман в Зап. Академии Наук. VIII. 1822.

[2]) Семевский, Крестьяне в царст. Екатерины II, 465, 478.

у себя на дому, по заказам мануфактур, превосходило число рабочих в самом здании мануфактуры. В описаниях Ярославской губ. 1802 и 1808 г. читаем, что «многие мануфактуры некоторую часть своих станов имеют по деревням, как то Ростовская, на которой из числа 113 станов, 70 состоит по деревням». «Некоторые крестьяне берут с полотняных фабрик ткацкие станы с принадлежностями и пряжей в свои дома и ткут фламские и равендучные полотна». И в Костромской губернии, по данным 1805 г., «во многих местах Нерохотского уезда находятся в селениях построенные обывателями оных ткацкие светлицы, коих поселяне берут с заводов пряжу и ткут оную». В г. Плессе (Костромской губ.) местные владельцы полотняных предприятий отдают делать фламские полотна и равендук сельским жителям, которые в домах своих имеют собственные свои станы и там оную ткут и тканье доставляют к нему на фабрику»[1]). Очевидно, что в числе тех 4341 станков, которые в 1809 г. были подсчитаны на 24 Костромских полотняных предприятиях, вошло значительное количество таких домашних станков, на которых работали кустари; быть может их число—если судить по приведенным примерам—составляло более половины названного числа. Это предположение подтверждается и тем фактом, что на одной мануфактуре в 9 покоях помещалось 32 стана, на другой в 5 покоях 21 стан, так что в среднем в одном покое 4 стана[2]). Сколько же нужно было бы покоев для тех предприятий, которые насчитывали 200, 300 и даже 500 станов, если бы все станки помещались на мануфактуре?

Но в какую бы форму ни обликались те предприятия, которые были созданы Петром I и Екатериной II и которые в источниках именуются фабриками, во всяком случае едва ли можно согласиться с тем, что в этих предприятиях выделывались «главным образом или товары, поставляемые в казну (напр., сукно, полотно, писчая бумага) или предметы потребления высших классов населения, кустари не изготовляли грубые товары, расходившиеся преимущественно среди простого народа», так что «даже если на фабриках и в кустарных заведениях выделывались товары одного рода (напр. на ситцепечатных фабриках и у кустарей—набойщиков), качество фабричных и кустарных изделий было настолько различно, что исключало конкуренцию между ними»[3]). Но была ли

---

[1]) Туган-Барановский, 222-23.

[2]) Дюбюк, 8 сл. 13, 59.

[3]) Туган-Барановский, 50-51. 55-56.

столь велика разница между кустарной и фабричной набойкой, когда и та и другая производились ручным способом при помощи одних и тех же аппаратов и приспособлений? При крайне низкой технике производства, факт, подчеркиваемый неоднократно тем же автором в отношении не только XVIII, но и первой половины XIX ст., могла ли получаться сколько нибудь значительная разница в изделиях того и другого рода? Сомнение возникает и по поводу других видов изделий, которые, якобы, вообще выделывались одними мануфактурами, например, полотно, писчая бумага, будучи изготовляемы для надобностей казны. Ведь здесь речь идет не о тонком полотне, а о солдатском холсте и парусине для кораблей, палаток и т. д. С 1743 по 1745 год торговцы «становили подрядом на войска рубашечный холст», выделанный крестьянами центрального района. Нам известно широкое распространение прядения и ткачества льна по деревням уже в XVII ст., а в эпоху Екатерины, как указывает Шторх, полотно уже в окрашенном виде через посредство скупщиков, державших кустарей в полном подчинении, поступало на рынок. И сукно нужно было для казны почти исключительно грубое солдатское, а его крестьяне также выделывали—шуйское дворянство в екатерининской комиссии просило разрешить крестьянам продавать свое сукно. Мельницы для производства бумаги существовали у нас в качестве мелких предприятий уже в XVII ст. и могли также развиваться и помимо фабричной формы производства. Наконец и выделка товаров, предназначенных для высших классов населения, как шелковые материи или изделия из золота и серебра, могла иметь форму кустарной промышленности, и—как мы видели—была распространена во многих деревнях. В селах одного только Московского уезда во второй половине XVIII ст. насчитывалось более 300 ткацких станов для тканья шелковых и бумажных материй, несколько сот станков для тканья лент, в других местах изготовлялась крестьянами легкая шелковая тафта и шелковы платки. В Перехотском уезде Костромской губ. в деревнях были десятки золотых дел мастеров, золотильщиков, серебреников и чеканщиков.

С другой стороны, мы наблюдаем и конкуренцию между новыми крупными предприятиями и городским ремеслом. Так, владелец канатного предприятия в Орле Кузнецов (в 1759 г.) ведет сильную борьбу с орловским канатным цехом, который поставляет канаты и веревки на отпускаемые из Орла до Москвы суда с хлебом, причем он не гнушался никакими средствами по отношению к конкурентам. Он запре-

щает им производить эту работу и требует, чтобы мастера цеха изготовляли только мелкие веревки для его предприятия, выдавая за это ничтожнейшую плату по 9 коп. с пуда на всех 29 человек цеховых. Когда же последние возбудили протест против этого и обратились с челобитием в главный магистрат, то Кузнецов с помощью своих людей переломал у цеховых мастеров их инструменты, а избранного ими в ходоки по этому делу ремесленника Бутова, поймав, обрил и выкрасив ему голову краской, в пять часов утра пустил его голым со двора. В другом случае московские промышленники Шелковниковы в тех же 50-х годах XVIII ст., занимаясь окраской материй, воздвигают гонение на московский красильный цех, выхлопотав у мануфактур-коллегии постановление, согласно которому для «размножения красильной фабрики» всем отдельным красильщикам, «работающим по углам», предписывалось прекратить свое производство. Но так как «мастеришки» продолжали свою деятельность и благодаря дешевизне своих изделий, которой окупалось их плохое качество, перебивали у Шелковниковых покупателей, то последние стали обращать внимание мануфактур-коллегии на то, что мастеришки, проживая «в глухих местах», легко могут заниматься крашением привозимых кущами неявленных тканей, при помощи же шпионов они вскрывали отдельные случаи покупки мастерами сандала и купоросу без об'явления о том в таможне. В результате мануфактур-коллегия стала на сторону крупных промышленников, заявляя, что от устроения цехов по таким производствам, по коим уже заведены фабрики, нельзя ожидать никакой пользы и что умножение таких цехов записной в них новых членов «происходит не для какого государственного плода, но токмо от ненасытности кущеческой зависти, как заведенным фабрикам остановку учинить и содержателей в крайний убыток и разорение привести». Сенат в 1753 г. в силу этого, определил упразднить красильный цех в Москве [1]).

Наконец, борьба идет и между крупными промышленниками и торговцами. Последние стараются воспрепятствовать промышленникам сбывать в розницу свои изделия. Действительно, предприятие Тамеса имело напр., торговые заведения в рядах для продажи своего полотна непосредственно потребителям, а компания, учрежденная графом Апраксиным для выделки шелковых тканей, владела лавкой, в которой с 11 июня по 1 октября 1721 г. было продано товара на 610 руб. По жалобам кущов в 1722 г. Петр издал приказ: «Понеже

[1]) Кизеветтер. Посадск. община, 149 сл.

нам известно учинилось, что интересенты фабрик сделанные свои фабрики с фабрических дворов продают врозь, а иные в рядах из собственных своих лавок, отчего в рядах многие лавки запустели, и в оброчных сборах не без многой доимки, а купецким людям, которые такими товары торговали не без разорения; того ради оным интересентам запретить, дабы они с фабрических своих дворов врозь не продавали, и лавок бы собственных своих в рядах неимели, а велеть те свои фабрики, которые будут сделаны, привозить на гостинной двор и продавать в ряды» [1]).

Это постановление, вызванное, повидимому, тем, что розничные торговцы, вследствие такого образа действия промышленников, оказались «в оброчных сборах не без многой доимки», т. е. вызванное казенными интересами, привело. однако, к тому, что торговцы составили между собою стачку с целью понижения цен промышленных изделий, зная, что промышленники не могут продавать своих товаров никому другому помимо них [2]). Вследствие этого, через несколько месяцев после первого указа последовал второй, согласно которому промышленникам вновь дозволено держать свои лавки в рядах, однако, под условием, что они могут продавать в них лишь те товары, которые у них остались после продажи своих изделий купцам [3]).

Но такое неясное и неопределенное правило, конечно, не могло удовлетворить купцов, и последние в 1727 г. вновь жалуются на то, что фабриканты держат свои лавки в рядах и продают в розницу свои произведения, как то полотно, чулки, шелковые изделия, писчую бумагу, карты, а также пряденое и крученое золото и серебро. Жалобы эти со стороны купцов повторяются и в заявлениях 1764 г. и в городских наказах 1767 г., так что, очевидно, промышленники продолжали розничную торговлю своими изделиями [4]). Впрочем из этой борьбы между ними и торговцами еще отнюдь не следует, что мы имеем дело действительно с фабрикантами, т. е. владельцами централизованных мануфактур. Это могли быть и скупщики кустарных изделий, за которыми также, если они не входили в состав купеческих организаций, не признавалось права на розничную торговлю. Ее повсюду купеческий класс считал своей привилегией—так это было и в Западной Европе,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. VI. 3892.

[2]) Нисселович. Ист. заводско-фабричн. законод. Росс. Имп. I, 31.

[3]) Полн. Собр. Зак. VI. 4057.

[4]) Лаппо-Данилевский, 108.

где право производить оптовую торговлю нередко резко отделялось от права торговать в розницу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Запад и Россия. Положение русской промышленности к концу XVIII ст.

Проф. Е. В. Тарле указывает на то, что иностранцы, посещавшие Россию или жившие в России в конце XVIII и в начале XIX ст. держатся очень высокого мнения о ее промышленном развитии и что этот взгляд вполне подтверждается фактами относительно размеров нашего привоза и вывоза в эту эпоху, как и количества промышленных предприятий и числа занятых на них рабочих. Поэтому мнение об отсталости России в хозяйственном отношении для этой эпохи совершенно не соответствует действительному положению вещей. «Иностранцы современники, повидимому, ясно видели то, о чем забыло потомство: что России нет никаких оснований считать страною в промышленном отношении отсталою от большинства других стран европейского континента в XVIII столетии... По мнению иностранных наблюдателей, фабрики и заводы к концу екатерининского царствования отнюдь не были тепличными растениями и обрабатывающая промышленность достигла такого развития, что если и не составляла сколько нибудь существенной статьи русского вывоза, то во всяком случае делала Россию, по смыслу неоднократных утверждений самих иностранцев страною, в общем экономически не зависимою от соседей» [1]).

Этот конечный результат вполне соответствует и самому ходу всего процесса развития промышленности в течение XVIII ст. Как мы видели выше, мы находим в последнем полный параллелизм между Западом и Россией, точнее между Австрией, Пруссией и прочими германскими государствами, с одной стороны, и Россией, с другой. И тут и там одни и те же цели, преследуемые государством при создании новой крупной промышленности, и тут и там те же меры, применяемые им для осуществления этих целей. В обоих случаях можно установить однородные условия в отношении труда и капитала и поэтому однородные средства поощрения новых пред-

1) Тарле. Запад и Россия, 148-9.

приятий и снабжения их денежными суммами, прочими материальными средствами и рабочей силой. И это однообразие в области системы создания промышленности, применение тех же принципов, свойственных меркантилизму при однородных условиях должно было привести и к однородным результатам.

Весь вопрос заключается в том, насколько эти условия были действительно однородны. В пользу последнего мы приводили выше ряд аргументов. Остановимся здесь лишь на двух основных вопросах, касающихся всего периода XVIII столетия—на составе класса предпринимателей и класса рабочих и на тех потребностях, которые удовлетворяла или должна была удовлетворять вновь созданная промышленность.

Предприниматели этой эпохи, если не считать отдельных прожектеров в финансовой области, которые и у нас имелись и о которых упоминает Посошков, состояли—по Зомбарту—из государей, дворян, представителей торгового капитала и иностранцев. Первые—короли, герцоги и князья, которые учреждали казенные предприятия, в особ. горные заводы (в Пруссии, напр., в обл. Рура, в Верхней Силезии), как и верфи, стеклянные и фарфоровые заводы. Эти же виды предприятий—как мы видели—находятся и у нас в руках казны и либо эксплоатируются ею за собственный счет, либо сдаются «содержателям» на известный срок, после чего вновь возвращаются в казну. И предприятия в других отраслях промышленности иногда по нескольку раз переходили от казны к частным лицам и обратно. Так, напр., устроенный в 1704 г. в Москве казенный бумажный завод был отдан в 1713 г. «на откуп бумажному мастеру Барфусу из оброку по 300 р. на год, у которого за неплатеж откупных денег в 1720 г. его пришлось взять по прежнему на государя». Заведенная в 1719 г. в Путивле Дубровским казенная фабрика была отнята у него в 1726 г. «за неразмножением им оной фабрики» и со всеми принадлежащими к ней деревнями отдана Неелову, а в 1732 г. перешла к Полуярославцеву. В 1741 г. она вернулась обратно в казну, а в 1752 г. ее получил Козма Матвеев вместе с деланными на ней сукнами, материалами и припасами. Подобным же образом и при Фридрихе Вел. частные предприятия, остановившие свою деятельность, нередко брались в казну, во избежание полного прекращения их.

Дворяне как во Франции, так и в Австрии и Пруссии учреждают разнообразные предприятия — владея обширными лесами и водами, они эксплоатируют рудники, в связи с (работающими при помощи воды) железными заводами, устраивают стеклянные заводы, мукомольные и бумажные (водяные

мельницы); имея стада овец, нередко и пользуясь крепостным трудом, занимаются выделкой шерстяных материй и т. д. На ряду с ними появляются торговцы, в особенности в области текстильной промышленности, где они прежде торговали сырьем или готовыми изделиями, а теперь становятся скупщиками производимого кустарями товара, продолжая снабжать кустарей необходимым материалом; но они проникают и в железоделательную и прочие отрасли производственности.

И у нас мы находим как дворян, так и купцов в качестве предпринимателей. Туган-Барановский склонен различать две эпохи — петровскую, когда преобладал торговый капитал, и екатерининскую, в которую промышленность преимущественно находилась в руках дворян, в связи с запрещением купечеству приобретать крестьян к заводам. Однако, едва ли можно произвести такое разграничение по периодам. И при Петре мы встречаем в роли предпринимателей Меньшикова, Шафирова, гр. Апраксина, гр. Толстого, Веневитиновых и др. Мы видели, что еще в XVII ст. бояре в своих вотчинах занимались разработкой руды, производством поташа. При Елизавете Петровне горные предприятия, как и многие другие, сосредоточивались в руках гр. Шувалова. С другой стороны, во второй половине XVII ст. большую роль играл в промышленности купеческий класс. Так например в Костромском крае, отличавшемся своим промышленным развитием, мы находим, начиная с 60-х годов, ряд возникающих крупных предприятий в области полотняного производства. Но среди владельцев их «дворяне так же редки, как белые вороны». «Из костромских промышленников времен Екатерины один только Ворончов был дворянином; все остальные, все эти Углечанинова, Стригалевы, Волковы, Дурыгины, весь цвет костромских предпринимателей и все рядовые промышленники вышли из рядов городского купечества». «Не деревня и не дворяне, а город и городское купечество создали в XVIII ст. крупную полотняную промышленность» [1]).

Наконец, четвертую группу предпринимателей составляли повсюду иностранцы. Зомбарт для Западной Европы еще специально выделяет «еретиков» и евреев. Но первые в виде представителей гонимых протестантских сект имели значение лишь для некоторых стран (гугеноты во Франции, квакеры в Англии), еврей-предприниматели сыграли большую роль в Пруссии, в Польше, но в России в то время их не было. Что же касается иностранцев, то их мы находим у нас не

1) Дюбюк, стр. 31 сл.

только в XVII ст., когда почти все новые предприятия создавались ими, но и при Петре (наиболее известны Тамес и Тиммерман), при ближайших его преемниках (пресловутый генерал-берг-директор бар. Шемберг), при Екатерине II, когда в 60-х годах их появилось большое количество.

Даже если ограничиться одним только Петербургом, то мы встретим целый ряд иностранных промышленников. Здесь и сахарный завод англичан Мея и Стефенса (с 1751 г.), в конце XVIII ст. он и еще другой сахарный завод принадлежали наследниками англичанина Каванахта; здесь и канатный завод англичанина Гарднера (в 1755 г.) и фабрика крахмала, пудры и синего камня Грезена и Порланда (с 1790 г.). Упоминаются иностранцы, выделывающие табачные изделия, Кейзер, Буте, Плейо, немцы, заводящие ситцевое производство, суконный фабрикант Фростинберг, иностранец Рисар, выделывающий сюргуч. Набойка производится у иностранца Кисселя и у другого иноземца Андреаса Тома. Одним из первых кожевенных предприятий в Петербурге является завод иностранца Христофора Рихтера в 30-х или 40-х годах XVIII ст. В конце XVIII ст. имелась ситцевая и выбойчатая фабрика голландца Браувера, устроенная в 1770 г. Шейдеманом, и другая ситцевая фабрика Миллера, заведенная в 1771 г. Кроме того, находим восемь немецких карточных фабрик и шесть немецких «табашных прядильщиков». Производством шоколада занимается турок Цакория, инициаторами шелковой промышленности были армяне Мануилов и Хахвердов. Первую фабрику золотого, серебряного и шелкового дела устроили в Петербурге иностранцы Меллер и Рихтер, получившие в 1736 г. ссуду в 10 тыс., под поручительством бар. Шафирова [1]).

Но вызывались ли все многочисленные возникающие в эту эпоху промышленные предприятия действительной потребностью в них, как это было на Западе, или они были «искусственно» заведены и не имели никакой реальной почвы под собой, не соответствовали никакому спросу в данного рода изделиях?.

На этот вопрос мы в сущности уже выше дали ответ. Но коснемся его в заключение еще в немногих словах. В Западной Европе новые производства создавались, с одной стороны, в силу потребностей армии и войны, с другой

---

[1]) См. Столпянский. Из истории производств в С.-Петербурге за XVIII ст. Арх. ист. труда, кн. II. Георги. Описание столичн. города Санкт-Петербурга 1794 года, ч. I. 227 сл.

под влиянием роскоши, которая охватила высшие классы населения. К этому присоединялся еще спрос со стороны колоний, в особенности требования разбогатевших там плантаторов, которым нужно было все самое изысканное, кричащее, дорогое. Спрос последнего рода у нас отсутствует, также, как и в Пруссии и Австрии. В первых же двух направлениях Россия едва ли отличается от Запада.

Войны Петра, как и его ближайших преемников и Екатерины II, Северная война, война с Турцией при Анне Ивановне, войны с Швецией и с Пруссией при Елизавете, войны с турками и поляками при Екатерине вызывали сильнейшую потребность в пушках и ружьях, порохе и снарядах, сукне, полотне, коже и т. д., и далеко не всегда возможно было добывать эти изделия в необходимом количестве из-за границы. Все эти отрасли промышленности нужны были России не менее, чем Австрии или Пруссии. И точно также петербургский двор предъявляя не меньший спрос на предметы роскоши, чем дворы немецкие или австрийский—все ведь они старались подражать королю-солнцу Людовику XIV, везде копировали с большим или меньшим успехом Версаль со всем его убранством и благолепием. Стоит только вспомнить строительную горячку Екатерины или гардероб Елизаветы, в котором имелось 15.000 платьев и два сундука шелковых чулок, чтобы понять, что спрос на шелк и бархат, позументы, кружева, стекло и фарфор и многое другое мог и у нас создать новую крупную промышленность. В «Горе от ума» дядюшка Иван Петрович, который «при государыне служил Екатерине», «не то на серебре, на золоте едал, сто человек к услугам, езжал то вечно цугом». Правда, Петр Вел. отличался простотой образа жизни, но в этом отношении мог с ним поспорить Фридрих Вел., питавший лишь страсть к собиранию табакерок; а при преемниках Петра «нескончаемой вереницей потянулись спектакли, увеселительные поездки, куртаги, балы, маскарады, поражавшие ослепительным блеском и роскошью до тошноты». (Ключевский).

Из этого, конечно, еще не следует, что все эти товары, потребляемые при дворе, происходили из русских предприятий. Шелк, бархат, стекло, бумагу и многое другое предпочитали покупать иностранного происхождения и не только потому, что привозной товар был выше по качеству, чем русский (см. выше), но и вследствие особого предпочтения, отдаваемого всему иноземному. Но это явление было знакомо и другим странам. Какую борьбу Фридриху II приходилось вести из-за того, чтобы богатые берлинские жители пользовались шелковыми тка-

нями созданных им предприятий, а не лионскими материями. По поводу немцев, в том числе и австрийских, Бехер с насмешкой говорит, что, по их мнению, французские ножницы лучше немецких режут волосы, французские парики лучше украшают голову, чем немецкие волосы, часы идут лучше, если они сделаны немцами в Париже, чем если то же мастера их изготовили в Аугсбурге, зубы можно чистить только французской щеткой, хлеб резать французским ножем, а деньги проигрывать только французскими картами или держать во французских кошельках. Все женские моды — продолжает он, — платья, ленты, цепочки, жемчуг, ботинки, чулки, даже рубашки становятся лучше, если они обвеяны немного французским воздухом (хотя он, Бехер, находит полезным, прежде, чем одеть их, изгонят их аромат серой, как это делали с письмами во время чумы); дамы утверждают, что французскими нитками и шелками гораздо удобнее шить, чем немецкими, и что даже французские пластыри больше идут немецкому лицу, чем немецкий. Французы снабжают их одеждой, волосами, глазами (если глаза нет), зубами (если они выпали), помадой, зеркальцами, кораллами, молитвенниками (и молиться приятнее из французских книжек), они продырявливают уши и навешивают на них все, что им вздумается, хотя бы уши стали длинны, как у осла.

Если по вопросу о характере «петровской фабрики» различные авторы—как мы видели—значительно расходятся, то относительно промышленности в эпоху Екатерины II и к концу XVIII ст. они приходят к одним и тем же выводам. «Фабрика, которая в начале была таким же чуждым (хотя и необходимым) элементом нашего хозяйственного строя—говорит М. И. Туган-Барановский — как были чужды московскому политическому строю новые административные формы, созданные Петром, постепенно органически срастается с этим строем». П. Н. Милюков также признает, что «с воцарением Екатерины II русская промышленность поднялась на высшую ступень развития», что «народное потребление развивалось в XVIII веке, параллельно с ростом государственных потребностей» и «русская фабрика уже ко времени Екатерины стала отвечать действительным потребностям русского населения». Точно также Н. А. Рожков признает успешное развитие крупной промышленности во второй половине XVIII ст. Он приводит цифры: в конце царствования Петра было 233 фабрики, при вступлении на престол Екатерины II (1762 г.)—984, ко времени ее смерти (1796 г.)—3.161. Только Н. Н. Фирсов несколько скептически относится к этим числам: «300 фабрик

1780 г. одним своим числом пока ровно ничего положительного не доказывают, возможно, что многим из них, также, как многим фабрикам 1730 г., было одно имя».

Действительно, эти цифры доказывают очень мало. Мы видели уже, что по одним подсчетам в 1762 г. имелось около 1.000 фабрик, по другим в 1780 г. всего 300, в 1796 г. одни находили более 3 тыс., в 1712 г. Герман указывает не многим более 2 тыс. У Семенова («Изучение российской внешней торговли и промышл. т. III) цифры получаются такие всего 201 фабрика в 1761 г. и 478 в 1776 г. Все зависело от того, что понимать под фабрикой, какие заведения относить сюда. Кириллов, на которого ссылаются многие авторы, отмечает за 1727 г. 233 фабрики, но его подсчет вызывает много недоумений. С одной стороны, в эту цифру включены мельницы, соляные варницы, рудники, причем каждая домна считается в качестве отдельного предприятия, а с другой стороны, мы находим всего две полотняных, две суконных, одну шелковую фабрику, тогда как предприятий в этих отраслях промышленности было несомненно гораздо больше. Едва ли они попали в число «разных фабрик», которых у Кириллова свыше 80 [1]). А, кроме того, вообще одно число предприятий, без указания их размеров, количества выделанных изделий, сбыта и т. д. ничего не дает в отношении состояния промышленности и успешности ее развития. Для нас важно лишь установить тот факт, что крупные предприятия в течение XVIII ст. возникали в значительном количестве и если часть их вскоре погибала, то другие все же держались и продолжали свою деятельность, а на смену прекратившимся появлялись новые в увеличенном количестве, причем постепенно они обходились без принудительного труда крепостных, посессионных рабочих, нищих и бродяг, прибегая к вольнонаемной рабочей силе. По вычислениям Германа, в 1812 г. половина рабочих (из 119 тыс. 61) состояла по вольному найму.

На ряду с крупной промышленностью развивается и мелкая, ремесло в цеховой форме, согласно указам Петра, а затем на основании Положения Екатерины II 1785 г. Автор «Описания столичного города Санкт-Петербурга» 1794 г. указывает на то, что в Петербурге «большая часть ремесленников имеют цехи или ремесленные управы, из коих каждая снабжена определительными законами, преимуществами, предписаниями,

---

[1]) Туган-Барановский, 58. Милюков, I. 6 изд. 87. 89. 97. Рожков. Город и деревня в рус. истории, Фирсов, 59.

[2]) Кириллов. Цветущее состояние Всероссийского государства. II. 108 сл.

ремесленным порядком, цеховым сборным местом» и т. д. К этому он прибавляет, что «сия связь ремесленников вообще столь нетягостна, власть гильдий, старшин и цехов так мала и предписанные наказания так не строги, что каждому предоставлена свобода доставлять себе такое пропитание, какое только честною прилежностию достать возможно». Кроме того, «многие ремесленники живут не по цехам и сии нецеховые промыслы, к коим принадлежат отчасти и художества, производятся каждым без всякой принудительности».

Таким образом, имелись на ряду с цеховыми промыслами и нецеховые; кроме того, часть ремесленников и в цеховых мастерствах не записывалась в цех; в частности те из них, которые не имели подмастерьев и учеников, по словам Георги, не были обязаны вступать в цехи. Наконец, «мещанскими промыслами» занимались посадские, которых насчитывалось в 1790 г. 4.959 маст. Годом раньше в Петербурге в российских гильдиях или цехах было 2.106 цеховых и нецеховых мастеров. В тех же промыслах иностранные мастера об'единялись в немецкие цехи—их состояло 1.477 мастеров. Если иметь в виду мастеров всех этих многообразных категорий, то «для порядочного да даже и пышного образа жизни не найдется ни малейшего недостатка, которой надлежало бы выполнять иностранным», т. е. при помощи иностранного привоза.

Так, например, находим 255 мужских сапожников и 270 учеников; 77 женских башмачников со 155 работниками и 116 учениками; кроме того, 62 мастера, 72 подмастерья и 54 ученика для русских котов на низких каблуках: в немецком сапожном цехе 54 мастера. В столярном цехе 124 мастера, 285 подмастерьев и 175 учеников; в немецком столярном цехе 90 мастеров. Кузнецов 88 мастеров русских и 60 немецких, стекольщиков 85 и 14; каретников 86 и 43; переплетчиков 9 и 26; часовых мастеров 3 и 30; так что часовым делом занимались почти исключительно иностранцы, 139 было золотых дел мастеров иностранцев при 44 мастерах русских. Паяльщики, шпажники, выделывали мебели из черного дерева также иностранцы, хотя последним подражают и охтенские плотники и довольно удачно.

Кроме кожевенных мануфактур имелось много небольших «не записавшихся кожевников, кои имеют свои чаны для подметок на рыночных площадях перед лавками или в своих домах». Далее находим сыромятников и клееваров, не записавшихся в цехи; из русских калачников и хлебников записалось только девятеро, но их несравненно больше; много незаписавшихся красильщиков. Производители макарон—все иностран-

цы—вообще не организованы в цех, они, как и золотошвеи, «не имеют между собою связи», вату также выделывают не цеховые, главным образом, гвардейские солдаты.

В портняжном русском цехе имелось 178 мастеров, 295 подмастерьев и 365 учеников, в немецком цехе 210 мастеров. Но «сие ремесло имеет здесь отменно много худых мастеров, ибо кроме многих баб и других женщин, делающих женское платье, большая часть господ имеет обученых портных из крепостных своих людей, кои шьют ливреи на служителей, также домашнее платье и прочее». По этой же причине всего два русских и пять немецких цеховых поваров—домашних поваров имеют «не только знатные господа, а часто и для всякого кушанья особого, но и в среднем состоянии весьма многие, а особливо имеющие крепостных людей» содержа их для «лутчаго образа жизни». Но есть и обученные повара французы, которые имеют учеников, но в цехе не состоят. Точно также и цех немецких кондитеров (русских, повидимому, вовсе не было) состоял всего из 11 мастеров, гораздо большее число их служило кондитерами при дворе и у знатных господ.

Для причесыванья пользовались собственными слугами, но много было и настоящих, но не записанных в цех, парикмахеров, цеховых же всего 43 в русском и 73 в иностранном цехе. «Как парики здесь мало употребительны, а почти всяк одевающийся в немецкое платье до самого ремесленного ученика и горнишной девки должен быть причесан», то спрос на парикмахеров был весьма велик. От них отличались брадобреи или цырюльники (82 русских и 12 немецких), которые «бывают обыкновенно притом точильщики, а сверх того и лекарские помощники», «отворяют кровь, пущускают пьявки» (ставят пьявки) и т. д.

Наконец, «женской убор», поскольку его «модные торговки не выписывают из чужих краев, как то шляпы, чепчики, цветы, накладки, нашивки и прочее, заказывают они здесь делать за деньги мастерицам модных вещей по французским, англинским и другим образцам или рисункам; сверх того, доставляются купцам подобные сему товары от многих господских служанок и горнишных...» Здесь мы имеем уже не ремесло, а работу на дому, производимую на модный магазин частью профессиональными работницами, частью же в качестве дополнительного заработка [1]).

Как видно из всех этих данных о мелких промыслах Петербурга, и здесь большую роль играли иностранцы—немцы,

[1]) Георги, I, 236 сл.

французы, англичане, так-что они даже имели свои самостоятельные, стоящие параллельно русским, цехи всевозможных специальностей и во многих отраслях значительно преобладали над русскими. Мы видим далее, что требование вступать в цех, пред'являемое ко всякому, кто желает заниматься тем или другим промыслом, соблюдалось весьма мало и помимо существования нецеховых промыслов (которые не были организованы в цехи) и в тех отраслях, где цехи были устроены, имелось и много лиц, не вступавших в цех и все же спокойно производивших свой промысел.

Впрочем Шторх, писавший в самые последние годы XVIII ст., усматривал характерную черту русских ремесленников, отличающую их от иностранных, в том, что они ничего не принимают на заказ, а все изготовляют для продажи, притом не из собственной мастерской, а кущам, которым они продают свои изделия за определенную плату, а те уже сбывают их из своих магазинов. Иначе говоря, эти ремесленники являются в сущности не ремесленниками, а кустарями, работающими на скупщика, на магазин. Так изготовляются башмаки, туфли, сапоги, кафтаны и другие предметы одеянья, шубы, постели, одеяла, столы, стулья—вообще, всевозможные предметы, так что в лавках можно купить все, что угодно и при том гораздо дешевле, чем непосредственно заказывая ту или другую вещь ремесленнику. Но большие города Шторх исключает из этой характеристики—там имеется и ремесло [2]).

---

2) Storch Histo.-stat Gemälde etc. III. 173.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

Глава I. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ХОЗЯЙСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ. . . . . 3—9
Звероловство и бортничество. Переход к земледелию. Роль скотоводства.

Глава II. ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ДРЕВНИЙ ПЕРИОД. 9—22
Курганные раскопки Формы промышленности и применение их в различных областях производства. Одежда и обувь. Предметы роскоши. Постройки. Металлические изделия. Кочующие мастера. Выводы

Глава III. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ГОРОДАХ XVI СТ. . . . . 22—32
Преобладание земледелия. Роль ремесл в городах. Распределение их по группам и специальностям. Приготовление с'естных припасов. Ремесла, выделывающие одежду и обувь. Производство изделий из металлов. Строительный промысел.

Глава IV. ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО В XVII СТ., ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В МОСКВЕ. 32—43
Препятствия для развития городских промыслов Политика Москвы. Количество ремесленников в Москве и распределение их по отрослям. Специализация и разделение процесса производства на части. Материальное положение московских ремесленников.

Глава V. СОЮЗНОЕ НАЧАЛО В РУССКИХ ПРОМЫСЛАХ ДО ПЕТРА ВЕЛ. И СОЗДАННЫЕ ПЕТРОМ ЦЕХИ. . . . . 44—53
Установление цехов Петром Вел. Артельная организация в русских промыслах. Корпоративное устройство московских серебренников в XVII ст. Московские ряды. Осуществление закона о цехах. Распределение цехов по данным о ревизиях 1742 и 1762 г.г.

Глава VI. ЦЕХИ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ РОССИИ В XVI—XVIII СТ. И РЕМЕСЛЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II. . . . . 53—71
Параллель между немецкими, западно-русскими цехами и цехами пожалованной грамоте 1785 г. Духовные обязанности цехов. Правила о поведении членов цехов на собраниях. Военные обязанности. Обязательное вступление в цех и борьба с посторонними ремесленниками. Доступ к званию ученика, подмастерья, мастера. Странствование, пробная работа, угощение. Льготы в пользу „своих". Корпорации подмастерьев. Регламентация производства.

Глава VII. ИНОСТРАНЦЫ И ЗАЧАТКИ НОВОЙ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В XVII СТ. . . . . 71—90
Выписывание иностранных мастеров до XVII ст. и в XVII ст Металлургические и пушечные заводы Добыванье и обработка руды в вотчинах Морозова. Производство поташа Морозовым. Тайный приказ и дворцовые промыслы при Алексее Михайловиче. Производство поташа, соле-варенье, железные заводы, выделка стекла, приготовление сафьяна. Отыскиванье руды. Попытки разведения тутовых деревьев и хлопка под Москвой. Предприятия по выделке шелковых тканей. Предприятие иностранца Паульсона (Захара Павлова) в Москве при преемниках царя Алексея.

СТР.

Глава VIII. КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ. . . . . 90—111
Имело ли насаждение крупной промышленности при Петре искуственный характер? Различные взгляды по этому вопросу. Параллель с Западной Европой. Как возникла там промышленность? Потребности армии и потребности двора. Труд и капитал на Западе. Роль правительства. Потребности казны у нас. Казенные и частные предприятия. Привилегии. Создание новых отраслей промышленности при помощи иностранцев. Откуда взялись необходимые капиталы? Недостаток в сбыте. Применение принудительного труда.

Глава IX. КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПОСЛЕ ПЕТРА (ПРИ БЛИЖАЙШИХ ЕГО ПРЕЕМНИКАХ И ЕКАТЕРИНЕ II) . . . . . 111—124
Продолжение той же политики при Анне Иоановне и Елизавете Петровне. Предприятия барона Штемберга и графа Шувалова. Отрицательное отношение к монополиям при Екатерине II. Привлечение иностранцев в ее царствование. Отношение к принудительному труду.

Глава X. КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В XVII И XVIII СТ. . . . . 124—134
Кустарная промышленность в XVI ст. наряду с ремеслом. Разнообразные способы сбыта. Упоминания о кустарной форме в XVII и в нач. XVIII ст. Способы возникновения кустарной промышленности. Возникновение ее из ранее существовавших мануфактур. Преувеличение значения этой формы возникновения кустарной промышленности. Широкое распространение кустарной промышленности в XVIII ст.

Глава XI. ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ МАНУФАКТУРЫ В XVIII СТ. . . . . 134—147
Преувеличение значения централизованных мануфактур на Западе. Применения слов „мануфактура“ и „фабрика“ в наших источниках. Что они обозначают? История тульского оружейного завода. Истинный характер его—фабрикой он никогда не был. Хлопчатобумажная промышленность Иваново-Вознесенска. Чем были ивановские „фабраканты“? Цифры рабочих в наших предприятиях XVIII ст. Раздача ими работы на дом. Существовала ли конкурренция между различными формами производства? требования купцов.

Глава XII. ЗАПАД И РОССИЯ. ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ К КОНЦУ XVIII СТ. . . . . 147—156
Сопоставление Запада и России в XVIII ст. Из кого состоял класс предпринимателей тут и там? Существовала ли потребность в крупной промышленности в обоих случаях? Характер русской промышленности к концу XVIII ст. Цехи и ремесла в Петербурге.